

Дорогие друзья, коллеги, читатели! На склоне лет я решил пересмотреть и заново оценить то, что многие годы было главным для меня делом, вспомнить то, что взволновало, удивило, возмутило, огорчило, впечатлило, потрясло, порадовало меня в жизни родной страны и моей лично. И появилось желание поделиться всем этим с кем-нибудь, прежде всего, с соратниками по Гидрометслужбе. Я хотел, как говорил Б. Окуджава, “выкрикнуть слова, что давно лежат в копилке”. Были сомнения, надо ли, интересно ли это ещё кому-нибудь,

кроме меня. Но после выхода двух частей “летописи” я получил немало откликов, устных и письменных, хвалебных и критических. Многие говорили, что моя “писанина” помогла им вернуться в молодость, вспомнить коллег и товарищей, рабочие будни и праздники; некоторые отмечали, что о чём-то они и не знали, и им было интересно об этом узнать, спустя годы, что-то напрочь забыли, а теперь вспомнили. Я почувствовал, что моя работа нужна не только мне. И надо продолжать писать, тем более что некоторые читатели прямо об этом просили. Я бесконечно благодарен всем, кто нашёл время прочитать мои книжечки, и особенно тем, кто поделился со мной своими впечатлениями. В конце этой книжки я поместил выдержки из отзывов, которые меня особенно тронули и вдохновили продолжить делиться с вами воспоминаниями о “делах давно минувших дней”. Нередко в своей работе я испытываю трудности при подборе фотографий, иногда так и не удаётся найти всё что нужно. И я очень признателен ветеранам Гидрометслужбы Е.В.Ермоленко, Л.С. Минаевой, Т.С. Селегей, Т.Э. Дубиковской, учёному секретарю СибНИГМИ О.А. Бородиной, сотрудникам Омского и Красноярского УГМС, Алтайского ЦГМС, всем, кто помог мне в поиске необходимых фотографий.

Предлагаю вашему вниманию III часть записок “От разгара перестройки до её краха”. Она посвящена событиям 5-летнего периода с конца 1986 года до конца 1991 года.

Ваш Р.А. Ягудин

От разгара перестройки до её краха.

Глава 8. Перестройка, оптимизация... первый инфаркт.

В.В. Лантух

После ноябрьской, 1986 года, операции на глазу я довольно долго, больше месяца, был на больничном: сначала лечился амбулаторно, а затем, в декабре, снова в глазном отделении Новосибирской горбольницы. Оперированный левый глаз всё ещё слезился, отекал и побаливал. Настроение было подавленное: “Как же так? Профессор В.В. Лантух уверял, что вероятность улучшения зрения после операции 70%, неужели именно я попал в проклятые 30%?!” В полной прострации бродил я по коридорам лечебницы; что если кровоизлияние произойдёт и в правом глазу?

...Вижу, на скамейке в коридоре сидит мальчик, на вид 7-8 лет от роду. Разговорились. Оказывается, его зовут Саша; когда ему было 4 года, катаясь на велосипеде, он упал в глубокую траншею, потерял зрение, слух, был парализован. Лет через пять стал слышать, частично восстановилась и правая сторона тела. Сейчас ему 13 лет, учится он в третьем классе. Всю эту потрясающую историю Саша поведал негромким, спокойным голосом, без слёз и эмоций. “Вот где истинная трагедия!” - пришло мне в голову. И мои проблемы показались вдруг такими мелкими, незначительными. Да что же я: руки-ноги целы, правый глаз, пусть в очках, но видит, мозги работают! Хватит раскисать, надо бороться! (Спасибо тебе, Саша!)

Поднятию моего, и не только моего, настроения способствовал один из пациентов нашей палаты, который принёс с собой роман В. Пикуля “Фаворит” - жизнеописание выдающегося деятеля эпохи Екатерины II, фаворита императрицы Григория Потёмкина. Роман написан сочно, ярко, захватывающе, с юмором; мне он представляется лучшим романом Пикуля. Так получилось, что я единственный, хоть и одноглазый, мог его прочесть; и каждый день, после ужина, палата просила: “Ренад, читай!” Ежевечерне в течение нескольких часов я читал “житие” этого фаворита, а палата то и дело взрывалась от хохота. И так продолжалось до отбоя, а порой, при чтении вполголоса, и до полуночи.

А вообще в нашей палате лечились интересные пациенты. Один из них, старший научный сотрудник института истории СО АН, в деталях знал судьбу многих деятелей народнического движения и социалистов-революционеров (эсеров) конца XIX – начала XX века (Кропоткин, Перовская, Желябов, Мышкин, Савинков...). Этот же историк в деталях знал малоизвестные тогда обстоятельства казни и гибели семейства низложенного императора Николая II в июле 1918 года в Екатеринбурге.

Другой обитатель нашей палаты очень интересно рассказывал о своём довольно продолжительном пребывании в Ираке и на Кубе, о нравах народов Ближнего Востока и Латинской Америки. А ещё мы часто дискутировали об истории и судьбе России, историческом прогрессе, роли партии. Мы ощущали беспокойство за судьбу страны: в эти декабрьские дни 1986 года в Алма-Ате местные националисты учинили беспорядки и погромы; пресса глухо сообщала о жертвах и экономическом ущербе. Был снят со своего поста первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д.А. Кунаев, а на его место поставлен глава Ульяновского обкома КПСС Г.В. Колбин.

Незадолго до выписки из больницы я стал объектом пристального внимания студентов медицинского института во главе с известным офтальмологом Н.С. Орловой. Наводя на мой бедный глаз ослепительный луч света, Наталья Сергеевна восхищённо и восторженно восклицала, обращаясь к студентам: “Вы только посмотрите, полюбуйте, какое у пациента потрясающее, ярко выраженное пятно Фукса на левом глазу!” И каждый из этой студенческой братии (а в ней было человек десять) считал нужным светить мне в глаз и любоваться этим пятном. Было и смешно, и неприятно, целый вечер после такого осмотра я плохо видел. Правда, Орлова меня обнадежила, заявив, что улучшение зрения всё ещё возможно в течение ближайших шести месяцев. (Увы, и этот прогноз не оправдался.)

Н.С. Орлова

Выписался я из больницы и вышел на работу за несколько дней до нового 1987 года. Принял дела от Людмилы Николаевны Староватовой, которая исполняла обязанности начальника Гидрометцентра в период моей болезни, и окупился в изучение нормативных документов и указаний Госкомгидромета о реформировании Гидрометслужбы в соответствии с постановлением Совета Министров СССР №1115 (1986 года). Провозглашался переход на новую систему оплаты труда за счёт оптимизации трудозатрат, сочетания бюджетного финансирования и договоров с потребителями на специализированное гидрометобеспечение (частичный хозрасчёт). Вся эта хитромудрая штука означала только одно – сокращение.

В январе 1987 года прошла серия совещаний и занятий по экономической учёбе при активном участии начальника планово-экономического отдела (ПЭО) Николая Емельяновича Чухиля, который на занятиях несколько театрально демонстрировал свою эрудицию в вопросах экономики. Высказывались различные идеи в отношении будущих должностных окладов и премиальной системы с учётом выделения приоритетных направлений работы, изменения структуры подразделений, ограничения деятельности лиц пенсионного возраста. Многие в этих идеях

попахивало знакомым когда-то термином “волюнтаризм”; раздражал звучащий в речах “энтузиазизм” и “одобрямс”. Тем более, судя по документам, на 1987 год предусматривалось сокращение фонда заработной платы по сравнению с 1986 годом. Сложность была ещё и в том, что надо было сразу решать груду проблем (сокращение штатов, установление размеров окладов и премий...и т.д.), обеспечивая при этом стабильность и высокое качество оперативного гидрометобеспечения, методического руководства наблюдательной сетью и, конечно, не забывая о взятии повышенных социалистических обязательств.

Н.Е. Чучиль

Заседание партийно-хозяйственного актива по проблеме реформирования Гидрометслужбы в масштабе нашего Управления состоялось в субботу 31 января. Я выступил с критической речью, суть которой сводилась к тому, что нельзя одинаково сокращать и хорошо развитые в Европейской части страны структуры Гидрометслужбы, и её подразделения (прогностические органы и наблюдательная сеть) в Западной и Восточной Сибири, и так малочисленные и недостаточно финансируемые. Москва, по моему мнению, должна была совершить экономический манёвр: пусть Запад получит более высокий процент сокращения, а Сибирь – минимальный. Идея была утопическая, но участники актива наградили оратора довольно энергичными аплодисментами. Однако, эффект моего выступления был “смазан” выступлением В.И. Зиненко. В своём заключительном слове он сказал: “У Ягудина есть резервы. У него синоптики ночью спят – это лишние кадры”. Действительно, за несколько дней до актива Василий Иванович рано утром пришёл в Гидрометцентр и застал пару синоптиков из ночной смены в состоянии дрёмы.

Но надо было, не отвлекаясь на второстепенное и мелкое, заняться главным - поиском механизмов оптимизации трудозатрат за счёт изменения структуры подразделений и выявления скрытых резервов. Какие же конкретные предложения звучали в методических документах и рекомендациях Госкомгидромета? Сокращение некоторых видов работ, расчётов, прогностических структур, неустойчиво работающих наблюдательных подразделений, а также объединение профессионально однородных групп гидрометеорологов, особенно в Гидрометцентрах. Поскольку в 80-е годы существовала Гидрометслужба большой страны – Советского Союза, то идеи оптимизации поступали из разных уголков державы. В УГМС Эстонии, например, пошли на то, что в Таллинском Гидрометцентре предложили создать всего два отдела: прогностический и режимно-методический. Таким образом, в первом отделе могли трудиться все, кто занимается прогнозами погоды, агро- и гидрологическими прогнозами, а во втором отделе объединялись специалисты (метеорологи, климатологи, агрометеорологи, гидрологи), которые методически

руководили наблюдательной сетью и издавали режимно-справочные материалы. Итак, всего два отдела с двумя руководителями, начальник Гидрометцентра и его заместитель – колоссальная экономия заработной платы! Забегая вперёд, замечу, что во время проведения всесоюзных конференций и совещаний (март, июнь, октябрь) в Москве, Алма-Ате и Южно-Сахалинске начальники региональных Гидрометцентров также делились мыслями об объединении более или менее однородных групп специалистов. Например, в Иркутске считали возможным объединение отделов метеорологии, климатологии, аэрологии и группы контроля наблюдений (инспекторов). А по информации сахалинского коллеги гидрологи Сахалина могли работать в “сквозном” режиме круглый год без деления на прогнозистов и режимников.

Оценивая возможности нашего Новосибирского Гидрометцентра, уровень и квалификацию специалистов, мы (аппарат управления) отчётливо понимали, что реализация объединительной идеи (при несомненной экономии ФЗП) приведёт к формальному результату, фиктивному объединению на бумаге. Слишком уж специфичны работы и технологии труда режимников и прогнозистов. И не найти среди потенциальных кандидатов на роль начальника объединённого отдела сильного лидера с широким кругозором. Единственно реальной казалась возможность объединения отделов краткосрочных и долгосрочных прогнозов, но и здесь явными и принципиально разными представлялись технологии работы, а главное – мышление синоптиков-краткосрочников и долгосрочников.

В феврале 1987 года состоялось заседание технического совета УГМС с участием представителей крупных оперативно-производственных подразделений управления (ГМО, АМСГ, ГМБ), а также учёных нашего регионального института (СибНИГМИ) по вопросам оптимизации сети наблюдений. Было признано целесообразным число гидрометстанций и постов на территории УГМС сократить примерно на 30%. Так, например, в конце 80-х – начале 90-х годов были ликвидированы станции Новосибирской области Легостаево, Коурак, Пеньки, Пихтовка, Чумаково...

Сложным был вопрос о судьбе некоторых довольно крупных прогностических подразделений, одним из которых было Гидрометбюро Новокузнецк, созданное в послевоенные годы в целях повышения качества гидрометобеспечения крупного центра угледобычи, металлургии, химической промышленности, которым являлся центр Кузбасса. Я ознакомился с техническими записками ГМБ, посвящёнными проблемам метеобеспечения этих отраслей, консультируясь с бывшим начальником УГМС С.М. Шульманом и начальником ГМО Кемерово О.П. Андрахановой. Ольга Павловна признавала, что наличие двух прогностических групп на территории относительно небольшой Кемеровской области – это, в современных финансовых условиях, непозволительная роскошь. Но, с другой стороны, необходимость специализированного гидрометобеспечения этих отраслей экономики и сложные физико-географические и климатические условия южных районов

региона (Горной Шории) требовали осторожного и взвешенного подхода. Вопросы оптимизации структур Гидрометслужбы на юге Кузбасса обсуждались и прорабатывались в период комплексной инспекции ГМБ и ГМС Новокузнецк в апреле 1987 года; комиссию УГМС возглавлял В.Г. Рубекин.

Власти города, в частности, глава горисполкома и главный агроном, категорически возражали против ликвидации ГМБ, которым в те годы руководила Э.В. Высоких. Они говорили об эффективном использовании фактической и прогностической гидрометинформации, штормпредупреждений об опасных явлениях предприятиями, а также советскими и партийными органами города. В результате обсуждения было принято решение сохранить прогностическую группу синоптиков в ГМБ Новокузнецк при небольшом её сокращении.

Конечно, при определении стратегии и тактики оптимизации и сокращения трудозатрат, мы принимали во внимание развитие механизации и автоматизации работ, внедрение элементов АСДИ (автоматизированной системы доведения информации до потребителей), о чём я упоминал в предыдущей главе. В середине и второй половине 80-х годов наш региональный вычислительный центр (ЗСРВЦ) уже перешёл на эксплуатацию более современных ЭВМ класса ЕС (ЕС-1032, ЕС-1033, ЕС-1035, ЕС-1060), более производительных, чем ЭВМ типа “Урал”, “Минск”, “Весна”. Заработали связанные с ЕС-ЭВМ расчерчивающие устройства “Дигиграф”, которые осуществляли нанеску фактических приземных карт погоды, карт барической топографии (с использованием технологии ИЛО – информационно-логической обработки), а так же расчерчивание прогностических карт в коде ГРИД на уровнях АТ-1000 и АТ-500 по моделям Европейского центра (ЕЦ ССП), Национального метеоцентра США и СМ-15 (Гидрометцентр СССР). Некоторые численно-статистические методы прогноза погоды и атмосферных явлений: гроз (по методам Г.М. Виноградовой, Р.А. Ягудина), заморозков (автор Н.К. Шарифуллин), температуры (авторы Г.Г. Поляков, П.Ю. Пушистов, Л.С. Хайбуллина, И.Г. Храмцова) и других, рассчитывались на ЭВМ.

С мая 1987 года заработала технология диалога “Синоптик - ЭВМ”, с помощью которой специалисты получали информацию о погоде в срок наблюдения и рассчитывали карты показателей пожароопасности лесов. Так уменьшалась доля ручного труда синоптиков. Постепенно шла подготовка к созданию АРМ (автоматизированных рабочих мест) прогнозистов и режимников: с помощью АСДИ подготавливался довольно большой объём табличной информации гидрометданных, которая отображалась на экранах дисплеев (установка “Примус”), оборудованных на рабочих местах специалистов, которые таким образом могли отслеживать, контролировать и анализировать различную гидрометинформацию. Всё это также могло быть учтено при решении вопроса сокращения штатов. Вопросам обработки оперативной режимной агро- и гидрологической информации были

посвящены два доклада начальника ЗСРВЦ В.П. Крысова в марте и апреле 1987 года на НТС и занятиях по экономической учёбе специалистов Управления.

К сожалению, несовершенной и трудоёмкой оставалась технология передачи штормпредупреждений об опасных явлениях в черте города. Если при передаче штормовых по районам области через схему циркулярной связи информация доходила до потребителей через 10-15 минут, то по городу, при большом количестве организаций, на передачу предупреждений по телефону уходило час - полтора.

Г.Е. Урванцева

Т.А. Бахолдина

Л.А. Архипова

В 1987 году руководители отделов и групп, специалисты пенсионного возраста почувствовали социальный дискомфорт от процессов оптимизации и перестройки и сами, добровольно, стали уходить в отставку. Постепенно вышли на пенсию В.А. Емельянова (отдел метеорологии), Б.М. Кривонос (отдел аэрологии), Ю.П. Петров (отдел фонда данных). Начальниками этих отделов стали молодые Галина Егоровна Урванцева, Тамара Александровна Бахолдина и Людмила Алексеевна Архипова. Провожали ветеранов на пенсию тепло. Особенно запомнились проводы ветерана войны и Гидрометслужбы Кривоносова 29 мая. Торжественное заседание прошло в конференц-зале Управления, я был председателем. Выступили 8-9 человек - от руководства Управления, партийной организации, Совета ветеранов, коллег по работе. Мы подарили ему спортивный костюм, а лидер профсоюза Д.Н. Щенина путёвку в санаторий. Борис Митрофанович ушёл домой растроганный. В своём дневнике я заметил: "Уходит поколение военных лет".

Д.Н. Щенина

Незадолго до проводов Б.М. Кривоносова, 11 мая, внезапно, на 61-ом году жизни, скончался Афанасий Михайлович Козлов, тоже ветеран войны и Гидрометслужбы, в 60-70-е годы бывший заместителем начальника

Управления по общим вопросам, а в начале 80-х перешедший на более скромную должность начальника Бюро проверки. Говорили: шёл утром на работу, внезапно упал на поребрик, захрипел и умер. Скорая помощь была бессильна. Во время похорон его сослуживцы и однокашники отмечали его отзывчивость и доброе сердце и тепло говорили о нём: “Наш Афоня!” А один молодой человек, скорее юноша, задумчиво сказал: “Нам всем надо быть добрее”. Мне вспомнилось, как незадолго до смерти Афанасий Михайлович обратил внимание на ошибку в одной из моих статей. Говоря о сильном морозе, я употребил выражение: “Столбик ртуты упал до минус...” С улыбкой Афанасий Михайлович меня поправил: при низких температурах применяются спиртовые термометры.

А.М. Козлов

А в сентябре проводили на пенсию старшего синоптика ГМЦ А.Н. Алексееву; проводы проходили в виде судебного заседания, на котором Л.Н. Староватова, главный синоптик, исполняла роль “прокурора”, а я был “защитником”. Ветеран нашего Гидрометцентра М.К. Гилярова вручила Аде Николаевне трогательный подарок - крошечного симпатичного котёнка.

Выполняя спущенные сверху указания о выделении приоритетных направлений гидрометдеятельности, мы попытались разделить отделы Гидрометцентра на прогностические (приоритетные с учётом факторов повышенного риска), режимно-методические и вспомогательные. В зависимости от категории устанавливались критерии сокращения штатов, размеры премиальных и уровень заработной платы. Но эта идея была “похоронена” критикой руководства УГМС, парткома и начальников режимных отделов. Особенно ожесточённо, при любом удобном случае, выступала Л.А. Архипова, обвиняя руководство ГМЦ в “геноциде” её отдела. Справедливости ради отмечу, что если большинство отделов ГМЦ были сокращены на 25-30%, то отдел фонда гидрометданных имел разнарядку на более чем 30-процентное сокращение.

Объединительные тенденции распространились и на наших коллег по Управлению. В августе-сентябре 1987 года с участием представителей Госкомгидромета были объединены два наших крупных региональных центра: ЗСРВЦ и спутниковый центр (РЦПОД). Объединённую структуру возглавил В.П. Крысов.

Перестроечная “лихорадка” отразилась на стиле и организации научных совещаний и конференций. В период 4-6 марта 1987 года в Москве, на ВДНХ (павильон “Цветоводство”), прошло Всесоюзное совещание по проблеме долгосрочного прогнозирования погоды. Совещание было организовано не лучшим образом: тесный и холодный зал

павильона, практическое отсутствие руководства ГУГМС и Гидрометцентра СССР, не были озвучены базовые доклады С.К. Черкавского и Г.П. Курбаткина. Заместитель начальника УГМО В.А. Тренин побыл только на утреннем заседании и покинул зал сразу после обеда. В этой ситуации из крупных учёных большую стойкость проявил Георгий Вадимович Груза, который все три дня исполнял роль председателя или, как сейчас принято говорить, модератора совещания. Значительное количество докладов и выступлений касалось развития гидродинамических (численных) методов долгосрочного прогнозирования и переходу на вероятностную форму представления таких прогнозов. На совещании я выступил с кратким сообщением о разработанном мной синоптико-статистическом методе долгосрочного прогноза аномалий среднемесячной температуры в Западной Сибири.

Г.В. Груза

В.А. Тренин

Поражало обилие докладов и сообщений, посвящённых описанию отдельных сценариев циркуляции атмосферы и погодно-климатических аномалий без претензий на какие-то обобщающие выводы, которые можно было бы использовать при прогнозировании. Представитель славного отряда космонавтов В.Д. Коваленко, по-видимому, считая “мне сверху видно всё”, буквально заворожил участников совещания кружевами планетарно-космических связей атмосферных явлений крупного, среднего и локального масштаба: от аномальной жары и холода, охватывающих страны и континенты, до мезомасштабных смерчей, шквалов и градобитий. Слушая героя космоса, я вспомнил, что весной 1986 года мы по заданию В.А. Тренина выполнили анализ долгосрочного прогноза погоды на 1986 год, составленного “братьями по космосу”, В.Д. Коваленко, А.М. Пашестюком и Л.Д. Кизимом, для всего земного шара и отдельных его регионов. Формулировки прогноза носили, в основном, качественный характер (выше нормы, около нормы, ниже нормы). Как следовало из преамбулы прогноза, модель “общеземного климата на 1986 год” базировалась на учёте гелиогеофизических характеристик (удалённости) Солнца от

центра масс Солнечной системы, определении параметров и периодов максимального и минимального удаления Земли от Солнца, оценке 1986 года как фазы минимума 21-го солнечного цикла. Новоявленные “климатологи” заявили, что по Западно-Сибирскому региону “зимние месяцы ожидаются холодные”: фактически по большинству районов зима была тёплой или близкой к норме. Вскрытие сибирских рек и начало навигации предполагалось позднее нормы: фактически вскрытие произошло в сроки, близкие к нормальным. Правда, снежный покров был преимущественно выше или около нормы, что соответствовало прогнозу. В общем, особых достижений в этом прогнозе мы не увидели. Вечный оппонент подобных “инноваций” Н.А. Багров дал краткий комментарий выступлению космонавта: “Это всё чепуха!” А далее обосновал своё скептическое отношение к возможностям быстрого прогресса в повышении качества научного долгосрочного прогноза погоды. В дискуссии я и мои коллеги из Иркутского Гидрометцентра и СарНИГМИ выступили за демократизацию системы выпуска месячных и сезонных прогнозов, за большую свободу формулировок и содержания таких прогнозов. Кстати, наши предложения поддержал В.П. Садоков. Зачитанный в последний день проект решения совещания показался мне “беззубым” и ни к чему не обязывающим документом.

Весьма оригинально сказалось развитие гласности и “плюрализма мнений” на психологическом климате нашего регионального института (СибНИГМИ). Свообразным “барометром” этого климата стало противостояние лидера гидродинамического направления в прогнозировании Е.Е. Каленковича и директора института П.Ю. Пушистова. На одном из заседаний Учёного Совета института Евгений Ефимович сообщил, что после серии неудачных попыток усовершенствовать региональную численную модель краткосрочного прогноза барических полей (“Диабат”) он разработал новую версию численного гидродинамического прогноза, но отказался представить данные авторских испытаний модели, ссылаясь на недостаточный, по его мнению, объём поступающей в РСМЦ Новосибирск фактической аэрологической информации. Более того, он перешёл в атаку на метод численного прогноза погоды в летнее время, который был разработан под руководством П.Ю. Пушистова и внедрён в оперативную практику нашего Гидрометцентра: Е.Е. Каленкович заявил о научной несостоятельности этого метода. Состоялось несколько заседаний объединённого Научно-технического Совета (НТС), одно из которых (18 марта) под моим председательством продолжалось 2,5 часа, и на нём выступило 9(!) человек.

Евгений Ефимович не ограничился научной полемикой и написал письмо-обращение в Новосибирский обком КПСС. В мае 1987 года состоялось открытое партийное собрание института, на котором Каленкович, как записано в моём дневнике, буквально “изрыгал зоологическую ненависть” к директору НИИ. П.Ю. Пушистов в своём ответном слове говорил о необходимости “перестройки”

гидродинамического направления исследований, но вынужден был признать, что в 80-е годы по существу вывел отдел гидродинамических методов прогноза (ОГДМ) из-под критики. Было видно, как Пётр Юрьевич нервничал, переживал, временами в его речи звучали визгливые нотки. А далее, оба оратора стали обмениваться откровенно мелкими обвинениями. Эти разборки прервала первый оратор института И.А. Шевчук. Выйдя на трибуну, она зычным и страстным голосом, напомнившим мне голос знаменитого лидера компартии Испании Долорес Ибаррури, произнесла: “Да как же вам не стыдно, мужики!” В зале наступила тишина. После минутной паузы она также страстно стала говорить о человеческом достоинстве, этике руководителя и учёного и завершила речь под аплодисменты зала. Через некоторое время клеветническое поведение Каленковича стало предметом разбора на Учёном Совете, на котором было принято решение “за вопиющее нарушение этики советского учёного” исключить его из состава Учёного Совета. Е.Е. Каленкович улыбнулся, собрал свои бумаги и ответил: “Что же, будем дальше бороться!” (Вполне в духе плюрализма и перестройки!)

В начале мая 1987 года представил к защите свою докторскую диссертацию корифей статистических моделей прогнозирования Л.Н. Романов. Тогда же стало известно об организации Красноярского филиала СибНИГМИ, а 13 мая на заседании Учёного Совета выступил директор филиала Дмитрий Анатольевич Бураков с докладом о задачах, проблемах и

Д.А. Бураков

перспективах развития новой научной структуры. Он сообщил, что буквально на следующий день летит в Москву “вышибать денежные фонды и штаты” от чиновников в Госкомгидромете. Институт (СибНИГМИ) вступал в фазу максимального развития своей деятельности и численности. В следующем 1988 году был создан Научно-Координационный Совет (НКС) Урало-Сибирского региона, председателем которого стал директор СибНИГМИ, доктор физико-математических наук П.Ю. Пушистов. В задачу Совета входила разработка и реализация единой концепции научно-технического обеспечения основных видов гидрометобеспечения народного хозяйства региона, определение приоритетных тем научных исследований для реализации эффективных связей в системе ‘наука - производство’. Членами совета являлись начальники территориальных УГМС: Западно-Сибирского, Красноярского, Иркутского, Омского и Уральского. Ведущие специалисты Управлений, начальники Гидрометцентров, РВЦ и других структур, нередко участвовали в заседаниях Совета в качестве экспертов (в дискуссии и подготовке решений).

В условиях перестройки активизировалась общественно-политическая жизнь Управления. 20 мая 1987 года в зале здания Облпотребсоюза на Красном проспекте города Новосибирска состоялась конференция трудового коллектива Западно-Сибирского УГМС по выдвижению кандидатов в депутаты Центрального района города. Предлагались следующие кандидатуры: А.Х. Гафаров, В.И. Зиненко и В.И. Костоманов, ведущий сотрудник РЦПОД. Голоса разделились следующим образом: Гафаров -119, Зиненко – 57, Костоманов -18. Пытаясь повлиять на итоги голосования, выступил представитель райкома КПСС С.Акперов с обоснованием руководящей роли Партии на этапе перестройки. Но его аргументы были не очень убедительны (“жалко лепетал” - запись в моём дневнике). В итоге большинством голосов прошел беспартийный Альберт Хадыевич.

А.Х. Гафаров

В 20-х числах июня в столице солнечного Казахстана состоялась Всесоюзная конференция по статистическим методам прогнозирования. В отличие от мартовского форума в Москве казахская конференция была организована прекрасно. Правда, вместо южного солнца Алма-Ата встретила нас (меня и сотрудника СибНИГМИ И.П. Прокопьеву) облачной погодой, дождём и холодом (днём 23 июня было не выше плюс 16°C). Но зато условия работы были вполне комфортными: зал правительственного пресс-центра, кресла амфитеатром для гостей, большой стол, имеющий форму полукруга для президиума и секретариата. Впервые были организованы стендовые доклады, помимо пленарных и секционных. Заседания вели поочерёдно директор КазНИГМИ А.А. Скаков и представитель Гидрометцентра СССР А.И. Снитковский. Было немало интересных докладов и сообщений по развитию физико-статистических и гидродинамико-статистических методов прогнозирования, которые были представлены живо и динамично. Представители СарНИГМИ (Эстерле и К°) рассказали о разработке численной модели кратко-среднесрочного прогноза температуры и осадков на 1-5 суток по городам Средней Азии. А.И. Снитковский рассказывал о развитии численного прогноза: в дополнение к прогнозам полей H_{1000} и H_{500} предполагалось рассчитывать прогнозы температуры на уровне 850 гПа. Были сообщения (Русин и др.) о развитии технологии диалога “синоптик - ЭВМ”. Моя новосибирская коллега Ирина Петровна рассказала о своём методе прогноза траектории южных циклонов и некоторых видов неблагоприятных явлений погоды. В дискуссии звучали предложения заниматься повышением эффективности использования существующих на сегодняшний день оперативных прогнозов Гидрометслужбы страны. В своём выступлении я призвал

*Всесоюзная конференция по статистическим методам прогнозирования.
Алма-Ата, 1987 год.*

активизировать прикладные аспекты численно-статистических методов прогноза в условиях происходящих процессов оптимизации и сокращения трудозатрат, повысить внимание к методам прогноза опасных явлений погоды. В период пребывания в Алма-Ате я нашёл возможность съездить в местный Гидрометцентр и побеседовать с его начальником С.Б. Кавалерчиком о структуре и задачах Центра, проектах его реорганизации. Беседа длилась около двух часов: Сергей Борисович говорил о возможности 30-процентного сокращения штатов и довольно существенного повышения уровня заработной платы ведущих сотрудников и руководителей отделов. На фотографии (уже исторической) участников конференции в первом ряду - в центре А.И. Снитковский, второй справа А.А. Скаков, левее директора КазНИГМИ – будущий директор Гидрометцентра России Р.М. Вильфанд, а в третьем ряду, пятый справа, будущий руководитель Росгидромета А.В. Фролов.

С огорчением я узнал, что за две недели до начала конференции скончался Роман Соломонович Голубов, один из моих первых оппонентов по методике прогноза гроз и моей кандидатской диссертации 1970 года. По его инициативе КазНИГМИ стал ведущей организацией, где я в марте 1970 года выступал с докладом о результатах своей работы. Помню, как Р.С. Голубов рассказывал о своём участии в 1930-х годах в метеорологическом обеспечении рекордных полётов знаменитых советских авиаторов (Коккинаки и др.). Светлая память Вам, Роман Соломонович!

Готовясь к частичному хозрасчёту, Гидрометцентр участвовал в выполнении темы НИР плана Госкомгидромета 6.33.01, в соответствии с которой отделы составляли сводку потребителей гидрометинформации, видов этой информации и продукции на её основе. В число новых объектов гидрометобеспечения вошли Новосибирский Метрополитен, Новосибирское Агропромэнерго, строительство Катунской ГЭС, было заключено локальное соглашение с Управлением Новосибирской области по туризму. Любопытная запись в нашем годовом отчёте: “Ужесточён контроль за содержанием информации о погоде по Центральному телевидению; в ряде случаев в адрес УГМО выслались претензии по содержанию передач на ЦТ”. Благословенные времена! В те годы Гидрометслужба осуществляла более или менее строгий контроль за качеством передаваемой в СМИ гидрометинформации. Разительный контраст с современной эпохой, когда теле- и радиоэфир, не говоря уж о сети Интернет, заполнены совершенно разнородной, часто противоречивой информацией о погодных условиях, которая транслируется через СМИ множеством научных, околонаучных и псевдонаучных структур, порой без всякой ссылки на источник информации! И никого это не волнует: ни власти, ни руководство Росгидромета!

Основное внимание в гидрометобеспечении мы продолжали уделять сельскому хозяйству и теплоэнергетике. Качественная информация о сходе снега, учёт прогнозов влагозапасов почвы, теплообеспеченности вегетационного периода наряду с 5-дневными прогнозами позволили

селянам решать задачи по оптимальным срокам сева яровых культур. В начале мая 1987 года в штаб посевной кампании по Новосибирской области мы направили довольно удачное уточнение месячного прогноза, основанное на комбинации из 6(!) аналогов. Успешно и с большой заблаговременностью (до двух суток) удалось предсказать сильные заморозки 2-4 июня в воздухе и на почве, что помогло сберечь рассаду капусты и других культур в овощеводческих хозяйствах. При проведении агрометеобеспечения использовались данные спектрофотометрических обследований яровых культур и гамма-съёмки влажности почвы на площади более 330 тыс. га. С ещё большим размахом проводились наземные и авиационные маршрутные обследования (на площади 2,4 млн. га). В целях обеспечения Долговременной программы мелиорации земель было организовано проведение стационарных агрометеонаблюдений на полях с интенсивной технологией возделывания яровой пшеницы на 36 гидрометстанциях Управления, а на орошаемых полях – на 10 станциях.

Не должны мы были забывать о шефской помощи селу (как можно?!): 13 октября на помощь селянам для уборки урожая картофеля в совхозе “Плотниковский” (на площади 1 га) был направлен целый отряд сотрудников Гидрометслужбы. Только от Гидрометцентра в уборке участвовали 19 человек. Обычно картофель убирают в сентябре, а тут уже середина октября! Но помощь подоспела вовремя, потому что на следующий день на юге Западной Сибири активизировался циклогенез и пошли интенсивные осадки.

Удачными были в 1987 году предсказания штормовых ветров до 25-35 м/с во вторых декадах января и ноября, резкого похолодания с установлением снежного покрова в третьей декаде октября; при этом власти мобилизовали все силы, вплоть до воинских частей и учебных заведений для завершения уборки урожая и вывоза его с полей. Значительную помощь предприятиям ТЭК оказали наши успешные прогнозы резких похолоданий в третьей декаде ноября: помнится, морозы по Новосибирской области усиливались до минус 40...46°С, а в Пихтовке холодало до 50°С мороза. С учётом наших прогнозов и фактической информации энергетики корректировали режим работы ТЭЦ, создавали запасы топлива.

Во втором полугодии 1987 года, этого “перестроечного” года, напряжённая и нервная работа по оптимизации и сокращению штатов вступила в завершающую стадию. В течение лета с участием моих заместителей мы подготовили не менее трёх вариантов штатного расписания Гидрометцентра; в общем, мы укладывались в предложенные нормативы сокращения штатов и повышения уровня окладов (до 15%). При этом, не было необходимости проводить формальное, по нашему мнению, объединение близких по специфике работы отделов. Тем более, яростно выступали

Т.Д. Геттинг

против объединения и синоптики-краткосрочники со своим начальником Л.И. Мальцевой и долгосрочники с М.Г. Зубович во главе. Но в конце июля руководство УГМС забраковало наш последний проект, потребовав от нас более радикальных преобразований. Помню, после совещания ныло сердце, ночью не спалось, выходил подышать на балкон. В августе-сентябре мы подготовили очередной штатный проект, предусмотрев на этот раз объединение некоторых отделов (гидрологии и гидропрогнозов, агрометеорологии и агрометпрогнозов). Согласовали проект с председателем месткома Т.Д. Геттинг и секретарём парткома С.В. Прилепской. Торопились, тем более что осенью поступил уточняющий приказ Госкомгидромета о переходе с будущего года на новые условия оплаты труда. Ситуация осложнялась необходимостью вести тарификацию рабочих мест, надо было вновь составлять паспорта каждого места работы специалистов. (Снова обилие ненужных бумаг и формализма.)

Работа по реорганизации Гидрометцентра проходила напряжённо, под давлением порой разнонаправленных векторов сил: руководства, в том числе ПЭО, партийной, профсоюзной организаций, совета ветеранов и самих руководителей отделов. На совещаниях при руководстве УГМС страсти накалялись сверх меры. Некоторые рекомендации и высказывания вышестоящих персон звучали с оттенками назидательности и высокомерия. Один из лидеров парторганизации А.А. Кульшенёв поучал меня, что руководство Гидрометцентра должно прислушиваться к мнению партии; другими словами, моё мнение беспартийного человека непременно должно совпадать с его мнением.

В осенние месяцы 1987 года штатно-бумажная круговерть ещё усилилась – было получено задание распространить в отделах бланки типовых анонимных анкет для начальников и ведущих специалистов с тем, чтобы изложенные в анкетах критические замечания подчинённых можно было бы использовать при аттестации руксостава. Это уже было проявлением процессов “демократизации, плюрализма мнений, развития критики и самокритики”, к чему нас призывали партийные документы и главный “перестройщик” Михаил Сергеевич Горбачёв. Мне пришлось, собрав эти анонимные анкеты, писать характеристики на руководителей, облекая критические замечания подчинённых в более или менее корректную форму. Кстати, характерный штрих того времени - в характеристиках на руководителей рекомендовалась запись: “Политику перестройки одобряет”. Эскалация всё новых и новых условий и требований по штатам Гидрометцентра начинала приобретать какую-то унизирующую и мелочную регламентацию “всего и вся”. Это приводило меня в бессильную ярость, снова появилась мысль уйти в отставку, пусть в младшие сотрудники института, “забиться в какую-то щель”. (Появилась запись в дневнике: “Всё чуждо, всё опротивело, хватит, хватит...”) В октябре я даже написал довольно резкое заявление на имя руководства УГМС, смысл которого сводился к следующему: если не прекратится такое авторитарное давление, лишшающее руководство Гидрометцентра свободы действий, то я

не могу далее исполнять обязанности начальника центра. Когда на собрании коллектива я сообщил о своём демарше, то услышал голос из зала: “Какой ужас!” Увы, напрасно наша общая “мать Гидрометслужбы” М.Г. Петрова увещевала меня: “Будь дипломатом!”

Странно, что, несмотря на моё заявление, руководство Управления разрешило мне командировку на Сахалин, на Всесоюзное совещание по спутниковой гидрометеорологии. Может быть, Василий Иванович решил: “А пусть слетает, развеется”. 26 октября я в компании с новым начальником объединённого “космико-вычислительного” Центра В.П. Крысовым вылетел в Южно-Сахалинск. Пересекли всю восточную половину страны. Да, в самом деле, “широка страна моя родная”. Сначала следовали по маршруту Новосибирск - Улан-Удэ – Благовещенск – Хабаровск. Перед вылетом на Сахалин короткая остановка в Хабаровске. Вышли с Володей на крутой берег Амура, любовались красивой набережной, потрясающей стихией могучей реки. В голове звучал вальс: “Плавно Амур свои волны несёт...” Южно-Сахалинск встретил солнечной, тёплой погодой, здесь ещё было дальневосточное “бабье лето”. Совещание проходило в одном из корпусов Сахалинского УГМС – Центре цунами. Из интересных докладов впечатляющим было сообщение главы космического Управления Госкомгидромета И.Ф. Берестовского о развитии космических систем в целях регионально-глобального мониторинга состояния природной среды и прогноза стихийных бедствий. Доклад поражал масштабами финансирования - зашкаливали цифры с перечислением многомиллионных инвестиций в отрасль. Правда, признавалось, что пока ощущается отставание в методах и технологиях анализа и обработки спутниковой информации. Представитель Гидрометцентра СССР Фёдорова говорила о результатах дешифрирования космических снимков облачных вихрей в псевдоцвете и перспективах развития этой технологии. Интригующими мне показались фотографии с ИСЗ облачных полей над Японским и Охотским морями, которые демонстрировала старший синоптик Сахалинского Гидрометцентра Г. Озерова, причём на снимках были аккуратно проведены изогипсы вероятных осадков различной интенсивности. (Ведь это то, что нужно синоптику-практику: переход от качественной информации об облачности к количественным параметрам реальной погоды!)

Б.В. Кубай

Прошло больше 30 лет со дня моей поездки на Сахалин, но и сейчас считаю основным событием в своей жизни конца 80-х годов знакомство с начальником Гидрометцентра Сахалинского УГМС Борисом Викторовичем Кубаем и его главным инженером Полторатько. Беседа с ними длилась около пяти часов; мне Б.В. Кубай показался руководителем абсолютно нового типа, с жёстким рациональным мышлением, менеджером, склонным к ведению бизнеса в сфере гидрометеорологии, готовым к внедрению новых форм организации и

критериев труда специалистов Гидрометслужбы, каких-то иных методов взаимодействия и сотрудничества руководства и подчинённого коллектива, оплаты труда и премиальной системы. Б.В. Кубай и его коллега “заразили” меня идеей проведения выборов руководителей отделов и групп, что вполне соответствовало духу современной эпохи “демократизации и гласности”. Вместе с тем, беседуя и восхищаясь нестандартностью мышления моих коллег, я с сожалением осознавал, что сам я из другой, более консервативной и менее динамичной эпохи.

После возвращения с Сахалина, в начале ноября, я подписал у В.И. Зиненко свои командировочные документы, а заодно сдал свой “последний бастион сопротивления”: подписал согласие на объединение отделов краткосрочных и долгосрочных прогнозов и гидрометобеспечения народного хозяйства. “А как быть с вашим заявлением об увольнении?” - с улыбкой спросил Василий Иванович, - Смотрите, в следующий раз подпишу”.

В 20-х числах ноября пришло известие об утверждении штатного расписания нашего Управления в Москве, а в декабре 1987 – первом квартале 1988 года началась аттестация руководителей, специалистов всех оперативно-прогностических и наблюдательных структур Управления и перевод их на новые условия оплаты труда. Аттестация сотрудников Гидрометслужбы проходила в виде быстрого экспресс-опроса, своеобразного экзамена на знание основ гидрометеорологии и применении их в практической работе. Так, работники наблюдательной сети должны были знать правила производства метеорологических, гидрологических, агрометеорологических, аэрологических и экологических наблюдений, обработки наблюденной информации, критерии опасных и неблагоприятных (ОЯ, НЯ) явлений, экстремально высокого уровня загрязнения (ЭВУЗ) природной среды, опасных для авиации явлений погоды, порядок доведения штормовой информации до потребителей. Руководители и специалисты оперативно-прогностических органов были обязаны иметь представление о методах прогноза погоды, гидрологических и агрометеорологических прогнозах, природных процессах в атмосфере и гидросфере, приводящих к штормовой ситуации в регионе; документах, регламентирующих доведение штормпредупреждений до органов власти и структур экономики.

Мне предстояло работать в аттестационной комиссии нашего УГМС, которую возглавлял заместитель начальника Управления Роман Яковлевич Гесс. Наша комиссия работала в южной части территории УГМС: Алтайский край и Республика Алтай. Таким образом, мы аттестовали сотрудников Алтайской зональной гидрометобсерватории (АзГМО), АМСГ Барнаул и Бийск, гидрологических станций (Г-1) Бийск и Яйлю, гидрометбюро (ГМБ) Горно-Алтайск, а также сеть агро- и гидрометстанций этой территории. Аттестация проходила в два этапа: 2-10 декабря 1987 года в Барнауле и 3-6 февраля 1988 года в Бийске и Горно-Алтайске. В декабрьскую комиссию вошли начальники отделов

Гидрометцентра В.М. Дубиковский, Г.Е. Урванцева, А.А. Тюменцева, начальник ЦКЗС В.В. Селегей, главный синоптик НЗАМЦ Р.И. Салтыкова, новый начальник отдела кадров К.П. Ульянов, представитель профсоюзного комитета Е.В. Ермоленко. В февральскую комиссию кроме Салтыковой, Ермоленко и Урванцевой вошли директор АЗГМО Н.А. Дрылёв, начальник отдела обсерватории С.В. Шамрай, главный инженер ЦКЗС Ф.А. Оберемко и старший инженер отдела кадров В.П. Дудукина. Мои заместители, Л.И. Староватова и А.Г. Каминский в период после 14 декабря участвовали в аттестации структур УГМС Томской и Кемеровской областей.

К.П. Ульянов

Е.В. Ермоленко

Впечатления от аттестации сети и ведущих специалистов, и рядовых сотрудников оказались чрезвычайно пёстрыми. Конечно, было довольно много крепких спецов, показавших высокий уровень знаний и практических навыков в работе: гидрологи АЗГМО во главе с начальником отдела С.В. Шамрай, а также Г-1 Бийск, синоптики обсерватории и ГМБ (Давулис, Шибких, В.В. Анисимова, Ю.И. Стяжкин), некоторые аэрологи во главе с начальником отдела В.И. Карасёвым, сотрудники ЛКЗС обсерватории с начальником лаборатории С.В. Томиным. В моём дневнике записано, что, "блестяще прошёл аттестацию начальник агрометстанции Славгород П.Ф. Севостьянов", будущий начальник Западно-Сибирского УГМС и Департамента Росгидромета в СФО.

Ю.И. Стяжкин

П.Ф. Севостьянов

Вместе с тем, случались курьёзные моменты. Один из инженеров-аэрологов никак не мог объяснить, почему оболочка шар-зонда, наполненная водородом, поднимается в верхние слои атмосферы. Кое-кто из наблюдателей (метеорологи и гидрологи) и даже из начальников станций не знали критериев ОЯ, не все агрометеорологи имели понятие о физическом смысле терминов “относительная влажность” и “температура точки росы”. Один молодой синоптик АМСГ, зайдя в комнату, где заседала аттестационная комиссия, заявила: “Больше я на ваши вопросы отвечать не буду!” Среди сотрудников гидрометстанций попадались случайные, ничего не знающие в метеорологии люди, принятые на работу по степени родства начальнику станции (золовка, бабка, невестка). Начальник отдела гидрологии АзГМО С.В. Шамрай при анонимном анкетировании попала в сети “плюрализма мнений” сотрудников отдела и огня их критики (“бестактна, не пользуется уважением”), хотя другие “анонимы” отмечали её “требовательность и высокое качество работы”.

Энергично вела опрос работников АМСГ Р.И. Салтыкова, порой буквально “давила” на них, добиваясь чётких ответов по вопросам метеообеспечения авиации. В.В. Селегей задавал ведущим специалистам довольно каверзные вопросы с “политической подковыркой” на тему “Перестройка и я”, то есть, как аттестуемый понимает свою роль и место в процессах перестройки общественной жизни страны. Р.Я. Гесс критиковал руководителя группы синоптиков АзГМО Г.С. Зинченко за недостаточное, по его мнению, внимание к вопросам деятельности станций края по метеообеспечению местных органов власти и народного хозяйства. Слабый уровень знаний явили синоптики АМСГ Бийск. Р.Я. Гесс и Р.И. Салтыкова откровенно злились и даже говорили в заключение о возможности закрытия этого АМСГ. В отдельные периоды работа комиссии проходила чрезвычайно напряжённо. Таким оказался день 5 декабря, когда аттестация сети началась в 9 часов утра и продолжалась до 9 часов вечера, правда, с перерывом на обед в ресторане.

Конечно, не только заседаниями запомнилась аттестационная кампания. Наш заботливый профсоюзный лидер Е.В. Ермоленко сводила группу желающих из комиссии в местный театр на спектакль “Дамы и гусары”, поставленный, как нам сказали, знаменитым московским актёром, народным артистом СССР Ю. Яковлевым. А на одном из вечерних чаепитий в гостиничном номере наша “Салтычиха”, Раиса Ивановна, увлекательно рассказывала о своей поездке по туристической путёвке в страны “загнивающей буржуазии”: Париж, Лондон, Мадрид, Севилья, Версаль, Лувр, Тауэр, Музей мадам Тюссо... Это было живо, красочно и даже завидно, так как я был “невъездной” из-за причастия к работам Семипалатинского ядерного полигона.

А в “проёме” между двумя аттестациями, а именно 1 февраля 1988 года я принимал участие в аттестации первых руководителей территориальных обсерваторий, АМСГ и службы связи (НСАСПД). Помнится, “на ура” прошли аттестацию главы структур Гидрометслужбы

Н.А. Дрыл'ёв

О.П. Андраханова

Т.Л. Соболева

Барнаула и Кемерово Николай Алексеевич Дрыл'ёв и Ольга Павловна Андраханова. Уверенно преодолели барьер аттестации связисты: новый начальник НС АСПД Т.Л. Соболева, её коллеги Н.В. Вирхобский, будущий начальник Новосибирского ЦГМС-РСМЦ, А.И. Карпенко, в недалёком будущем начальник НС АСПД. С некоторым “скрипом” прошли аттестацию директор Колпашевской ГМО А.А. Лобанов и начальник ГМБ Горно-Алтайск Л.Н. Тыдыкова. Людмила Николаевна уверенно, компетентно и красиво говорила о сложных проблемах гидрометобеспечения отгонного животноводства в Горном Алтае и взаимодействии с органами власти Республики Алтай. Но её стиль работы подверг довольно жёсткой критике заместитель начальника УГМС В.Г. Рубекин (недостатки в исполнительской дисциплине), поэтому и Лобанова, и Тыдыкову аттестовали в их реальном статусе с рекомендациями учесть критику в дальнейшей работе.

Н.В. Вирхобский

А.И. Карпенко

Л.Н. Тыдыкова

Но вернёмся на некоторое время к событиям предыдущего года. Как я писал, с Сахалина в ноябре 1987 года я вернулся с идеей проведения выборов руководящего состава Гидрометцентра. Мне это казалось важным для определения степени доверия и уважения сотрудников отделов и групп к своим руководителям, что могло в значительной мере гарантировать благоприятный психологический климат коллектива и плодотворную его работу. 17 ноября я поделился с коллегами этой идеей; как ни странно, но все руководители отделов Гидрометцентра её одобрили. Далее, в последующие два месяца, я подготовил и согласовал с руководством УГМС, профсоюзной и партийной организациями положение о выборах руксостава ГМЦ на основе принципа свободного и тайного голосования. Была задумка, что принцип выборности будет распространяться и на начальника Гидрометцентра с его заместителями. Однако, такое толкование не получило одобрения руководством Управления: мне разъяснили, что решение проблемы руководства ГМЦ – это прерогатива руководства УГМС и даже Госкомгидромета.

Конечно, нам (точнее – мне) хотелось, чтобы выборы проходили на альтернативной основе, то есть, при наличии не одного, а нескольких кандидатов на должность руководителя отдела (группы). Однако, такой вариант выборов удалось реализовать только у синоптиков: на должность руководителя группы краткосрочных прогнозов погоды баллотировались двое – действующий начальник Л.И. Мальцева и старший инженер Т.И. Гаврилова. На собрании отдела 17 февраля оба претендента представили коллективу программы своей будущей деятельности, которые, хотя бы вкратце, были обсуждены. На мой взгляд, более разумной и взвешенной была программа Любовь Ивановны. При тайном голосовании, итоги которого подвела счётная комиссия, голоса распределились следующим образом: Л.И. Мальцева – 9, Т.И. Гаврилова – 6, воздержались – 3 человека. Кстати, ещё до конца января синоптики, краткосрочники и долгосрочники, требовали раздельного существования обоих отделов, соответствующая

В.М. Дубиковский

“петиция” лежала на столе начальника управления В.И. Зиненко, и никто не соглашался руководить объединённым отделом. Василий Иванович принял “соломоново” решение: подчинить отдел, состоящий из трёх групп (краткосрочного, долгосрочного прогнозирования и гидрометобеспечения народного хозяйства) главному синоптику Л.Н. Старовойтой. Правда, в это переломное нелёгкое время Людмила Николаевна часто нервничала, говорила об усталости и желании уйти в отставку. Тогда же в феврале прошли выборы в группе фонда гидрометданных (ГФД), группе гидрометобеспечения (ГОНХ); как и следовало ожидать, руководителями групп были избраны соответственно Л.А. Архипова и И.М. Касацкая. Запомнилось чёткое профессиональное выступление на выборах

руководителя группы климата В.Г. Осокиной. В объединённом отделе гидрологии 12 февраля одновременно прошли выборы и начальника отдела, и руководителя группы гидрологических прогнозов. Претенденты на эти должности В.М. Дубиковский и В.Ф. Богданова представили продуманные и прогрессивные (вполне в духе эпохи) программы своей деятельности и заслуженно были единогласно избраны на соответствующие должности. Помнится, был, впрочем, на собрании вопрос к Владимиру Михайловичу о возможности его вступления в КПСС. В.М. Дубиковский ответил довольно резко, сообщив об отсутствии у него подобных планов в связи с негативными явлениями в партии в далёком (культ личности) и недалёком (исключение Б.Н. Ельцина из состава Политбюро) прошлом. Присутствовавшая на выборах парторг Гидрометцентра С.В. Прилепская “за словом в карман не полезла” и нашла аргументы в поддержку партии, “которая умеет исправлять допущенные ошибки гласно и, когда надо, очищать свои ряды”.

Впрочем, на расширенном партсобрании Гидрометцентра, где я докладывал о перестройке структуры Гидрометцентра, переходе на новые условия оплаты труда и проведении выборов руксостава, руководство Гидрометцентра и меня, в особенности, подвергли жёсткой критике за недостаточную стойкость в отстаивании интересов подразделения. “Клевали” и ветераны (М.А. Черкесова, М.Г. Петрова, А.Н. Топчина), и коллеги (А.А. Тюменцева, М.Г. Зубович, Л.И. Мальцева). Лишь Ю.П. Петров сумел найти какие-то тёплые слова сочувствия и поддержки. (А разошлись мы, конечно, поздно, в восьмом часу вечера, и опять с головной болью.)

Выборная кампания шла одновременно с аттестацией сотрудников Гидрометцентра, обсуждением их характеристик, порой нелицеприятных, с критическими замечаниями, принятием решений об их соответствии конкретным строкам штатного расписания Гидрометцентра. Как записано в моём дневнике, “до хрипоты и слёз” обсуждались характеристики в группе долгосрочных прогнозов, а кандидатуры на сокращение должности решали (по законам демократии!) тайным голосованием. Но даже при этой процедуре жертвы сокращения писали жалобы руководству и партбюро, обвиняя коллег в предвзятости и “геноциде”. Положительные эмоции я получил, кажется, только при аттестации отдела метеорологии 26 февраля 1988 года, куда вошли специалисты трёх групп: метеорологии, аэрологии и контроля наблюдений (инспекторов сети). Я проводил заседание в качестве председателя аттестационной комиссии совместно с А.Г. Каминским и Г.Е. Урванцевой. Заседание проходило в кабинете начальника УГМС, время от времени в кабинет заходил В.Г. Рубекин, иногда задавал вопросы аттестуемым, но не принимал участия в принятии решений по установлению категорий должностей. Практически все аттестуемые показали достойную профессиональную подготовку, и каких-то значительных разногласий у нас в комиссии по конкретным кандидатурам не было.

В.А. Анцыпович

Г.К. Веселова

6 февраля, в самый разгар кампании по аттестации специалистов Гидрометслужбы, работающих в районе городов Бийск, Горно-Алтайск и на территории Республики Алтай, Р.Я. Гесс сообщил, что меня отзывают в Новосибирск и включают в состав комиссии Госкомгидромета для проведения инспекции деятельности нашего регионального института СибНИГМИ. Комиссию должен был возглавить глава Управления научных исследований (УНИ) В.М. Грузинов. Я отвечал за подготовку справки об эффективности выполненных институтом научно-исследовательских работ и внедрённых в оперативную практику методов гидрометеорологических прогнозов. В составе московской комиссии был начальник Главного Вычислительного Центра Гидрометцентра СССР В.А. Анцыпович, секретарь ЦМКП Г.К. Веселова и несколько представителей головных НИУ Госкомгидромета. Справку надо было готовить оперативно, в сжатые сроки. Решился просить у В.И. Зиненко поработать спокойно, на дому. В ответ на мою просьбу Василий Иванович изрекает: “Что-то вы, Ренад Азальевич, стали мало работать, какие-то отгулы, загадочные командировки”. (?!) Было обидно, но не очень... Понимал, что руководитель тоже “зашивается” в лавине бумаг “перестройки и оптимизации”, да и остаётся работать в своём кабинете и после 6, и после 7 часов вечера. Подготовленный проект справки показал В.А. Анцыповичу и В.И. Зиненко. Оба дали противоречивые указания: Василий Иванович – усилить критическую часть, Владимир Александрович – дополнить факты и содержание. Я оказался в положении известного классического персонажа (слуги двух господ или Труффальдино из Бергамо).

Утром 16 февраля в Новосибирск прибыл В.М. Грузинов, явился в Управление, в кабинет В.И. Зиненко. Нас познакомили. Владимир Михайлович вывел меня в коридор и стал доверительно беседовать со мной на тему: “А нужен ли Гидрометслужбе такой институт, как СибНИГМИ?” Я постарался дать объективную, хотя и краткую, информацию о “плюсах” и “минусах” в деятельности института, но с общим выводом: “Институту быть!” В.М. Грузинов не удовлетворился этой беседой и уже без меня стал

заходить в отделы Гидрометцентра, в особенности в прогностические, и расспрашивал специалистов, что они думают о своих коллегах и соратниках по науке. Через день состоялось совместное заседание комиссии Госкомгидромета, руководства Западно-Сибирского УГМС и СибНИГМИ, а также ведущих учёных института. Заседание проходило тяжело. Критическую тональность задал глава комиссии, который сделал в своём выступлении акцент на недоработках института в прогностической тематике НИР, особенно численно-гидродинамического направления. Не остались в долгу и сибирские учёные, которые резко критиковали Москву за недостатки планирования НИР, которое, в частности, выражалось в умалении вклада региональных гидрометинститутов в угоду головным НИУ. Особенно ярко в этом плане выступали Э.И. Гинзбург, В.П. Ергин и М.И. Черникова.

В.М. Грузинов

Впрочем, всю дискуссию и, вообще, бурные события этого дня я воспринимал как в тумане; самочувствие резко ухудшилось, уши как бы заложены ватой, ныли колени, домой шёл с трудом, вечером температура поднялась до $39,5^{\circ}$. А ведь недомогание и высокую температуру я начал ощущать уже с 11-12 февраля: принимал лекарства, ходил с температурой на аттестации специалистов Гидрометцентра, выборы руксостава, заседания комиссии Госкомгидромета, выступал, готовил материалы. Неделю всё же провёл дома на больничном (с диагнозом грипп – ОРВИ), но 26 февраля выписали на работу, и в этот день, как я писал, состоялась аттестация сотрудников отдела метеорологии. В конце дня я чувствовал какое-то жжение в груди, слабость. Температура поднялась до $37,5^{\circ}$, я стал задыхаться. Утром 27 февраля всё же смог приехать в Гидрометцентр, передал полномочия и дела Л.Н. Староватой и отправился в клинику. Там у меня сняли кардиограмму (ЭКГ) и вынесли жёсткий диагноз – инфаркт миокарда. Сразу вызвали карету скорой помощи, я едва успел позвонить домой и сообщить о диагнозе. Отвезли меня в 34 больницу Новосибирска. Кардиолог больницы, татарка по национальности, Фарида Ишмухамедова, встречая меня, радостно воскликнула: “Ренад-эфенде нарушил традицию: ранее до него среди больных татар-инфарктников не было!”

Было досадно: не вовремя я заболел, в разгар перестройки всей деятельности Гидрометслужбы. Не спасли от инфаркта ни моя активная физическая деятельность (дачно-огородные, домашние хлопоты), ни увлечение спортом (лыжи, велосипед, спортзал). Позднее дорогой мой однокашник, профессор Ю.П. Переведенцев, объясняя произошедшее, обосновал мой инфаркт, как функцию от гриппа, конфликтов и перестройки. 8 марта по телефону я поздравил сотрудников

Гидрометцентра и, особенно, синоптиков с Международным женским праздником. Старший синоптик Р.Н.Молчанова воскликнула в ответ: “Скорее выздоравливайте, мы больше никогда не будем с вами спорить!” Милая Римма Николаевна! Если бы ты знала, как моё сердчишко благодарно шевельнулось в ответ на твоё простодушное, но искреннее послание!

Пошли довольно однообразные больничные будни, наполненные бесконечными анализами, процедурами, тревогами и надеждами. Затем начались занятия по лечебной физкультуре и дозированной ходьбе (по коридору и лестнице). Появились желание и возможность (достаточно свободного времени) осмыслить произошедшее и происходящее в нашей стране и в мире, дать свою оценку особо запомнившимся событиям, событиям очень разным, как разноцветные стёклышки в калейдоскопе. Что дала обществу яростная дискуссия, которая выплеснулась на страницы прессы, по проблеме переброски стока сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан с целью возрождения Аральского моря? Директор Института Водных Проблем (ИВП) АН СССР Г.В. Воропаев выступил в феврале 1987 года на Всесоюзном Совещании в Академгородке города Новосибирска, яростно отстаивая этот проект. Однако, “широкие круги общественности”, рупором которых стала редакция журнала “Новый Мир” во главе с С.П. Залыгиным, заклеили его как “антинародный” и “антиэкологический”. Кажется, это был чуть ли не первый случай противостояния различных слоёв такого дружного когда-то советского научного и литературного сообщества. Что поделаешь, перестройка – это плюрализм мнений! В новом кинофильме Э.А. Рязанова зазвучала актуальная песенка чиновников: “Мы не сеем, не пашем, не строим, мы гордимся общественным строем!” Какие выводы сделать из скандального бреющего полёта над полями России молодого немецкого лётчика Руста и его лихой посадки на Красной площади в Москве в начале лета 1987 года? Это демонстрация открытости нашей страны или развала отечественной системы ПВО?! А как осмыслить трагические события нашей истории, о которых мы узнавали из новых разоблачительных документов эпохи “культы личности”? Осенью 1987 года пожилая дама, член КПСС, звали её Оксана Георгиевна, прочла в нашем Управлении лекцию на тему “Уроки Октября”: говорила страстно, эмоционально, с горечью о масштабах репрессий, жертвами которых стали от 8 до 12 миллионов человек, среди них 34% - ветераны Октябрьской революции. Журнал “Огонёк” опубликовал статьи-письма советского дипломата участника Гражданской войны Ф. Раскольниковца И. Сталину: “Народ посадит вас на скамью подсудимых!” В том же году вышли из печати романы В.Д. Дудинцева “Белые одежды” и А.Н. Рыбакова “Дети Арбата”. (У меня в дневнике впечатления от их прочтения - “мрак и жуть”.) В октябре в газете прочёл статью о трагической гибели в Саратовской тюрьме в 1943 году гениального учёного-генетика академика Н.И. Вавилова в его последних письмах к Л.П. Берия. Возникли вопросы: “А ведь кое-кто из тех, кто его пытал и допрашивал, живы до сих пор; так где же

возмездие за преступления против человечности?” Вспоминается фрагмент из кинофильма “А завтра была война”, смотрели мы его 6 ноября в кинотеатре “Победа”. Потрясла сцена похорон девушки, которая покончила с собой после ареста отца по доносу как “врага народа”. Её одноклассница по имени Искра буквально выкрикивает на похоронах есенинские строки: “До свиданья, друг мой, до свиданья!” В этом месте я разрыдался: “Да какое же мы общество построили? Ужели это социализм?!” Вышел из кинотеатра зарёванным...

А наш “верховный перестройщик” Михаил Сергеевич Горбачёв в конце года летал с Раисой Максимовной в США, в Лондоне встречался с главой британского правительства М. Тэтчер, а в Вашингтоне подписал соглашение с Р. Рейганом по ракетам. И общественное мнение на Западе говорило о том, что самая популярная женщина в мире – Маргарет Тэтчер, а самый популярный мужчина – Горбачёв! (Вот такие дела!)

Возможности для интеллектуальных занятий находились и в больничной палате, где я пробыл 20 дней. Пробовал писать воспоминания о детстве, юности, молодости (годы учёбы в университете). Прочёл двухтомник Ф.М. Достоевского “Братья Карамазовы” и роман А.С. Новикова-Прибоя “Цусима”. Нашёл, что в обеих книгах много мудрости: у Достоевского – житейской, социально-бытовой, у Новикова-Прибоя – исторической глубины. Один из персонажей “Карамазовых”, старец Зосима, показался мне не религиозным философом, а просто мудрейшим проповедником добра и гуманизма: “Любовью всё искупается, любовью всё покупается” (каково?!). Ко мне приезжали родные, Тамара и Артур, который уже учился на третьем курсе исторического факультета пединститута. Мы с ним пришли к выводу, что фрагменты романа “Цусима” надо использовать преподавателям истории при изложении событий 1905 года. Контингент больных в палате, в основном, был из категории рабочих профессий: шахтёр, шофёр, токарь, комбайнёр. Все поступившие в палату в своё время много и обильно пили, курили и любили женщин, о чём вечером чаще и вспоминали. Но приходили к выводу: за всё надо платить! Главное вечернее развлечение палаты – телевизор, который стоял удачно и удобно - на подоконнике: можно было смотреть на экран, лёжа в кровати.

Через три недели пребывания в больнице меня отправили для продолжения лечения или, как записали, “реабилитации” в Речкуновский санаторий. Природа здесь живописная: сосновый бор, берег Бердского залива; в аллеях, на ветвях целые колонии нахальных белок, требующих корм и беруших угощение прямо с рук прохожих. Море воздуха – не надышишься! Прописали ходьбу по лесу, тропинкам, лестницам, массаж, лечебную физкультуру, занятия у шведской стенки с мячиком, палками. А гуляли мы с каждым днём всё дальше и дальше, до посёлка, до железнодорожной станции по 1,5-2 часа в день. Наша палата – комната на двоих, и мне сразу повезло с соседом: оказался почти - мой ровесник, а главное – мой земляк, бывший житель Казани. И в первые дни совместной жизни мы с ним до поздней ночи (до часу-двух) вспоминали старую Казань.

Я говорил об улице Галактионова, а он - о близкой к ней улице Жуковского. А потом мы с ним мысленно ездили на трамваях, бродили в лабиринтах Казанского кремля, парках, садах, скверах, посещали любимые кинотеатры, купались в озере Кабан, матушке Волге и её притоке – Казанке.

Суровый, конечно, диагноз – “инфаркт”, но в моём случае он оказался не катастрофическим. Это был “мелкоочаговый” инфаркт; к концу марта ЭКГ показала улучшение, исчезли очаговые поражения. Уже через месяц после постановки жуткого диагноза я рискнул пойти в спортзал санатория, с удовольствием поиграл в волейбол, принял душ и чувствовал себя прекрасно. В апреле я уже крутил педали велоэргометра: крутил долго, устал, вспотел, давление подскочило до 190 на 90 мм. Кардиолог пришёл к выводу: “Сердце – практически здорового человека”. Тем не менее рекомендовал мне сменить профиль работы, то есть перейти на более скромную должность.

Из ярких интеллектуальных впечатлений наибольшее наслаждение получил от демонстрации 14-серийного телевизионного сериала “Жизнь Клима Самгина” (по роману М. Горького). Убеждён, что, как и “Война и мир” великого Льва Толстого, роман Горького – это такая же энциклопедия жизни российского общества, только другой, чем у Толстого, эпохи – на стыке XIX-XX веков, это одна из вершин мировой литературы. Блестящий интеллектуал, ленинский нарком просвещения А.В. Луначарский говорил: “Жизнь Клима Самгина – это жизнь не думающего человека”. Не могу согласиться с таким “ярлыком” главного героя романа. Скорее, судьба Самгина – это трагедия человека (и не глупого), не нашедшего своего места, своей ниши в водоворотах и катаклизмах той эпохи. И фильм создан интересный, с блестящим ансамблем первоклассных актёров: А. Руденский, А. Джигарханян, Е. Соловей, Н. Гундарева, А. Харитонов, С. Смирнова, А. Жарков, И. Мазуркевич, В. Гафт...

Во второй декаде апреля я уже лечился амбулаторно, на дому, врачи снимали новые кардиограммы. Съездил в Гидрометцентр, нашёл своего дорогого заместителя Людмилу Николаевну Староватову в состоянии крайнего духовного истощения, усталости; она жаловалась на чёрствость, непонимание коллег, ниже- и вышестоящих (не называя, правда, фамилий). Тяжело это было слышать, и как в этой ситуации бросать своих коллег и, по рекомендации врачей, уходить в отставку?! (Немыслимо!)

Какая же странная и занимательная штука была эта эпоха перестройки! С одной стороны, открывались новые, чаще жуткие, страницы нашей недавней истории времён “культы личности”. В журналах “Огонёк”, “Иностранная литература”, в “Литературной газете”, передачах новосибирского радио (“Микрофорум”) публиковались материалы о стиле так называемой коллективизации сельского хозяйства, которая порой превращалась в уничтожение материальной базы крестьянина-середняка, экспроприацию его зерна, скота. Утверждали о гибели 25 миллионов голов крупного рогатого скота в начале 30-х годов, что равно поголовью скота в США. И что это стало причиной голода 1933-1934 годов. А в разгар

гитлеровского наступления на Москву в октябре 1941 года 20 крупных военачальников Красной Армии были торопливо расстреляны в Куйбышеве. В опубликованной в “Литературной газете” статье журналиста А. Ваксберга “Процессы” описано краткое (15-20 минут!) судилище над деятелями литературы и искусства И.Э. Бабелем, М.Е. Кольцовым, В.Э.Мейерхольдом, которое провели главные мастера ”инквизиции” тех лет – судьи Ульрих, Родес и другие. Странно кончалась эта статья известного журналиста: “Назвать мастеров пыточных дел поимённо, но не судить”?! Невольно возникала мысль: а что, разве палачи Магадана чем-то отличаются от палачей Майданека и не совершали преступлений против человечества?! Как-то в руки мне попала машинописная копия предсмертного письма Н.И. Бухарина, одного из лидеров ленинского ЦК ВКП(б) 20-х годов “будущему поколению руководителей Партии”: “Ухожу из жизни, опускаю голову перед адской машиной, которая, пользуясь методами средневековья, фабрикует организованную клевету...” Но как своеобразно оправдали писатели Запада всю эту жуть! А. Бехер, даёт поистине марксистское оправдание репрессиям: ”Разрушение капиталистического варварства может само обнаружить черты варварства; возникший таким образом новый порядок на первых порах может нести черты бесчеловечности в силу того, что пролетариат содержался в бесчеловечных условиях”. (Каково?!)

С другой стороны, в журнале “Новый Мир” (статьи И. Герасимова, А. Нуйкина), газетной прессе, других СМИ шли бесконечные дискуссии о проблемах управления на уровне министерств, об идеологических аспектах перестройки, проблемах экономики, с критикой нашей российской неразберихи, показухи, словоблудия. Но странно, что в реальной жизни эти дискуссии сопровождались не наведением порядка, а ухудшением продовольственного обеспечения. Появились карточки на сахар, на спиртное...Академик А.Г. Аганбегян объяснил дефицит сахара необоснованным повышением цен на алкоголь. В 20-х числах апреля дважды стоял в долгих (2-2,5 часа) очередях за вином. Было холодно, ветрено, замёрз. Откуда-то появлялись (цитирую свой дневник) “хамские, красные морды и штурмовали прилавок, двери в магазин, не признавая очереди, отталкивали, валили женщин. Самая жуткая в моей жизни винная очередь.” (Подумал: “Это лучшая пропаганда нашей эпохи.”) А в начале июня вспыхнула паника – в магазинах расхватывали соль и мыло. Поддался ей и я: купил 4 кг соли и 10 кусков хозяйственного мыла.

Вновь начали обостряться межнациональные проблемы. 11 мая по центральному телевидению выступил известный журналист Г. Боровик с репортажем о событиях в Нагорном Карабахе, о жуткой армянской резне в Степанакерте. Телеэкран показывал сгоревшие машины, выбитые стёкла домов, плачущих женщин, бежавших от резни в Ереван. Поражало бездействие властей, армии, милиции. И это – перестройка?! А через три недели - странные сообщения о взрывах вагонов с промышленной взрывчаткой в Арзамасе с десятками и сотнями убитых и раненых,

разрушениях железнодорожной станции и окружающих зданий. Что это - диверсия или разгильдяйство?!

А во внешней политике всё было благополучно и прекрасно: в конце мая 1988 года президент США Р. Рейган вместе с супругой Нэнси прибывают в Москву. Лидер нашей страны М.С. Горбачёв встречался и плотно общался с ними, водил их по Красной площади. Рейган сфотографировался в обнимку с генсеком, его возили в Свято-Даниловский монастырь: патриарх Пимен и другие церковники встречали и провожали лидера США колокольным звоном. Идиллия!

Как-то на ходу обменялись с В.П. Крысовым мнениями о современной эпохе; пришли к выводу: стали жить хуже, но интереснее...

В начале мая – последний, заключительный приём у кардиолога, 15-минутное упражнение на велоэргометре: частота сердцебиения удвоилась (до 150 ударов в минуту). Кардиолог удивился моей выносливостью и поставил диагноз – трудоспособен.

10 мая вышел на работу, принял дела от Л.Н. Староватой. Продолжающаяся перестройка Госкомгидромета и переход на новые условия оплаты труда сопровождался обилием поступающей документации. На майском Всесоюзном Совещании обсуждали коллективные формы оплаты труда, новые принципы премиального положения с повышающими и понижающими коэффициентами трудового участия. Специалисты нашего Управления (и Гидрометцентра) во главе с Р.Я. Гессом в мае приняли участие в комплексной инспекции Гидрометслужбы Казахстана и ознакомились с опытом казахских гидрометеорологов по повышению качества работы наблюдательной сети и гидрометобеспечения потребителей. В конце мая вышел приказ Госкомгидромета (№119 от 11.05.1988 г.) о создании областных (региональных) центров по гидрометеорологии, по существу своих “мини УГМС” с управленческим аппаратом, финхозчастью, экономическим контролем, службой гидрометобеспечения. Возникла угроза существованию Новосибирского Гидрометцентра, так как казалось, надо было нечто аналогичное создавать и для обеспечения проблем гидрометеорологии применительно к Новосибирской области. В руководстве УГМС прорабатывались идеи “прирезать” Гидрометцентр и создать некую областную структуру.

Проблемным и резонансным стал доклад главы Госкомгидромета Ю.А. Израэля на весенней коллегии Гидрометслужбы, где Юрий Антониевич остро говорил о нашем техническом отставании от развитых стран Запада, необходимости создания и внедрения мощных ЭВМ, малой доле ценных прогностических тем НИР (не более 5% всех расходов на науку), слабости технических средств гидрометнаблюдений, что тормозит процесс улучшения социально-производственных условий работы работников Гидрометслужбы...

В начале июля вышел приказ Госкомгидромета об отставке и уходе на пенсию ветеранов Гидрометслужбы: начальника

УГМО С.К. Черкавского и начальника ПЭУ В.Г. Никитина. На стадии перестройки Служба расставалась с настоящими “могиканами и зубрами” нашей системы. Низкий им поклон!

И всё же самым ярким и значимым в общественно-политической жизни страны было празднование 1000-летия принятия христианства на Руси в июне 1988 года. Патриарху Пимену, митрополитам, ведущим церковникам, даже представителям старообрядческой церкви вручали ордена Советского Союза. Громогласно объявили, что религия является “миротворцем и союзником перестройки”! Кажется, с этого года началось торжественное шествие религии, боготворчества и богоискательства, вторжение религиозных идей во все сферы нравственной и общественно-исторической жизни российского общества. Под духовностью стали понимать религиозность. Задачи нравственного воспитания стали интерпретировать как задачи религиозного воспитания. Сократились и исчезли объективно-научные и материалистические беседы и сюжеты о явлениях в природе, об открытиях в науке, которые вёл, например, по телевидению академик С.П. Капица. Научное объяснение недавнего (7-8-летней давности) падения метеорита в районе Челябинска ведущие ТВ-программы заменили пророчествами откровённых психопатов о знамениях грядущих катастроф, ниспосланных свыше. Особенной страстью к богоискательству отличаются люди творческих профессий, известные (и не очень) актёры и актрисы, которые не столько говорят о совершенствовании актёрского мастерства, сколько (и умиленно) о любви к богу и о том, как они тайно (или явно) крестились. Деятели церкви выступают на телевидении и других СМИ, давая свои оценки произведениям искусства, театральным постановкам, событиям нашей истории. Недавно священник, говоривший о февральской революции 1917 года, свергнувшей монархию династии Романовых, заявил, что в феврале этого года “народ предал своего императора Николая II”. Этому священнику, поклоннику царской монархии, не пришло в голову, что Россия в 1917 году объективно переросла идею монархии, страна была “беременна” революцией, и все силы российского общества, от Думы до Генерального штаба и командующих фронтами, буржуазия, армия, флот, народные массы, были против монархии. Видимо, наш святоша забыл универсальную формулу всех революций, когда “низы не хотят, а верхи не могут”.

Я удивляюсь и улыбаюсь, когда вижу бывших членов КПСС (и даже ЦК КПСС), смиренно преклонённых перед иерархами церкви, молящихся в монастырях и церквях. Мне представляется, что Президент России и другие представители власти светского государства должны быть не только вне партий, но и вне религиозных конфессий. Власть должна представлять не только интересы христиан, мусульман, буддистов и других верующих, но и атеистов, то есть, всего народа. Я согласен с мнением академика РАН Э.П. Круглякова, которое он высказал в феврале 2010 года в газете “Советская Сибирь”: “Существующие в мире законы не требуют присутствия Господа Бога. Бог был придуман людьми. Моего

Э.П. Кругляков

образования достаточно, чтобы соблюдать нормы морали, и для этого Бог мне не требуется. Есть люди слабые – вот им вера и нужна”. Здесь, по существу, академик вступает в полемику с Ф.М. Достоевским, который утверждал, что только угроза божьей кары может сделать человека нравственным. А атеисты убеждены, что человек может быть морально устойчивым в силу своего воспитания и образования, то

есть, по причине своей человечности.

Дорогой мой читатель, вероятно, понял, что ваш покорный слуга – атеист. Я - сын своего отца, коммуниста с 1943 года, который относился к религии (мусульманской) с юмором и иронией. Я - сын своей матери, ветерана Гражданской войны, воевавшей за Советскую власть в рядах Красной Армии. Несмотря на свои атеистические убеждения, мои родители сделали для развития татарского языка и культуры больше, чем все имамы и муллы Казани вместе взятые. Я и дети артистов моего поколения воспитывались на антирелигиозных пьесах, созданных выдающимися татарскими драматургами и композиторами (Г. Камал, К. Тинчурин, С. Сайдашев...): “Зәңгәр шәл”(“Голубая шаль”), “Беренче театр (“Первый театр”)), “Хажы эфәнде өйләнә.” (“Хаджи-эфенди женится”). Я знал о противодействии духовенства возникновению татарского театра, о травле первой татарской актрисы С. Гизатуллиной-Волжской, первого татарского скульптора Баки-Урманче.

В июле 2020 года россиянам было предложено голосовать за новые поправки к конституции России по принципу: в целом, за все поправки (“да” или “нет”, а не за каждую поправку отдельно). Я проголосовал “против”. Почему? Меня возмутила новая статья конституции 67’: “Российская федерация..., сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога...” Прошу прощения, но я полагаю, что наши предки передали нам, прежде всего, лучшее в мире советское, естественно-научное, материалистическое образование, основанное на понятиях о детерминированном причинно-следственном характере процессов экономического, социального и исторического развития общества и природы, не требующих вмешательства высших сил, Бога, Аллаха и др. Это образование признаёт понятия вероятности, случайности, достоверности события, диалектических законов отрицания отрицания, единства и борьбы противоположностей, перехода количества в качество. Полученное естественно-научное образование сформировало у меня

материалистическое мировоззрение и атеизм, который невозможно поколебать. (И скорее всего – до конца жизни, аминь!)

Глава 9. Ядерный полигон: последняя командировка.

В конце июня 1988 года начальник Западно-Сибирского УГМС В.И. Зиненко сообщил о сложном финансовом положении Управления: оказалось, в предшествующий период выплатили вдвое больше премиальных, чем могли; большие суммы ушли на выплату 2-хмесячных пособий увольняемым. Начальник ПЭО Н.Е. Чухиль мужественно (и красноречиво) признал свою вину в перерасходе фонда заработной платы и даже подал в отставку, которая, однако, не была принята. В качестве “руководства к действию” ПЭО направил на сеть оперативно-производственных и наблюдательных подразделений УГМС письмо “Об упорядочении сроков выплаты премиальных”, которое, по замыслу авторов, должно было погасить опасения за судьбы всей премиальной системы УГМС. В июле того же года состоялось открытое партийное собрание Управления, на котором ветераны Службы и Войны М.А. Быков, Б.М. Кривоносов и А.М. Горбайчук жёстко критиковали руководство за то, что, проявив внимание к повышению окладов себе, оно не обеспечило устойчивости премиальной системы для рядовых производственников.

Успешнее шли дела у наших коллег в СибНИГМИ: в июне 1988 года директор института П.Ю. Пушистов привёз из Москвы целый “портфель” госзаказов на темы НИР 1989 года. Надо было достаточно оперативно готовить проект документов и обоснования к соответствующему ведомственному заказу от нашего Западно-Сибирского Управления. Я сидел в кабинете Петра Юрьевича: помнится, заходили в поисках заказа потенциальные исполнители тем – учёные И.Г. Храмова, Г.М. Виноградова, В.П. Ергин и другие. При мне Пушистов давал указания исполнителям НИР, начальникам отделов НИГМИ... В кабинете директора ЗСРВЦ В.П. Крысова мы обсуждали с А.А. Фоменко и Г.С. Ривиным перспективы развития численно-гидродинамических прогнозов погоды. Рассматривалось два варианта: создание новой технологии численного прогноза и усовершенствование прежней (действующей) модели “Диабат”. По настоянию И.В. Колотовкина решение было принято в пользу идеи, высказанной А.А. Фоменко, о развитии единой технологии регионального, численного, краткосрочного прогноза с использованием достаточно мощных ЭВМ (типа ЕС-1066).

Уже в конце августа В.И. Зиненко подписал проект ведомственного заказа на 10 тем НИР для СибНИГМИ на 1989 год в области гидродинамических, синоптико-статистических кратко-среднесрочных и долгосрочных прогнозов погоды, гидрологических, агрометеорологических прогнозов, климатических и экологических исследований.

7 сентября 1988 года в Новосибирск прибыл представитель ВМО, француз, Леон Мишо. В беседах с ним принимали участие заместитель начальника УГМС Р.Я. Гесс, П.Ю. Пушистов, И.В. Колотовкин, начальник связистов (НС АСПД) Т.П. Соболева, переводчик и я. Гостю рассказали о масштабах деятельности нашего управления и института, о выполнении нами функций регионального центра в системе ВМО, провели по некоторым залам и отделам здания. Во время беседы Л. Мишо время от времени включал портативный магнитофон. В зале ЭВМ гость был обескуражен грохотом кондиционера нашей (местной) конструкции. Я в своём сообщении рассказал о задачах и функциях Новосибирского Гидрометцентра; Л. Мишо особенно заинтересовался нашими долгосрочными месячными прогнозами погоды, их успешностью, просил дать примеры эффективных прогнозов. В конце встречи мы подарили гостю образцы продукции ГМЦ-РВЦ (бюллетени, карты, прогнозы). Он остался доволен и, прощаясь, воскликнул: "До встречи в Париже!"

На следующий день гостем нашего управления был Ф.Я. Клинов, доктор географических наук, представитель Московского ЦГМС. Он вёл переговоры с руководством УГМС, ГМЦ и методистами по развитию и организации высотных метеорологических наблюдений. В те годы в Новосибирске уже проводились высотные метеонаблюдения на телевизионной башне ГТРК "Новосибирск" за температурой, влажностью, режимом ветра на различных уровнях. Данные этих наблюдений в приземном 100-метровом слое атмосферы использовались синоптиками ГМЦ, авиационными синоптиками НЗАМЦ и других АМСГ в краткосрочных прогнозах погоды, в особенности, для оценки неблагоприятных для авиации метеоусловий (сдвига ветра, болтанки и т.д.). В тот же день мы совместно с начальником ССИ А.А. Демневым и начальником отдела метеорологии ГМЦ Г.И. Урванцевой правили проект протокола (говоря современным языком, "дорожной карты") об организации таких высотных наблюдений на всей территории Западно-Сибирского УГМС или, по крайней мере, в областных ЦГМС (на телебашнях).

А.А. Демнев

А перестройка "катилась" по стране... В конце июня 1988 года состоялась XIX партконференция Коммунистической партии Советского Союза. В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва предлагалось ежегодно проводить съезд народных депутатов Верховного Совета СССР, как высшего органа законодательной власти. Председатель Верховного Совета провозглашался главой государства. В словесном диалоге (поединке) двух лидеров партии Б.Н. Ельцина и Е.К. Лигачёва было, как записано в моём дневнике, "много демагогии с обеих сторон". Кажется, тогда прозвучала знаменитая фраза Егора Кузьмича: "Борис! Ты не прав!" В выступлении академика Л.И. Абалкина сквозила тревожная

нота: рост национального дохода в последние два года уменьшился по сравнению с годами застоя, слишком высока энергоёмкость производства, а рынок слаб. Академик Е.И. Чазов утверждал, что по детской смертности мы догнали такие страны как Маврикий и Барбадос. Глава Госкомприроды Ф.Т. Моргун говорил о размахе экологических бедствий в стране (от Ладоги до Арала). Секретарь ВЦСПС С.А. Шалаев требовал остановить разгул цен. Депутат Квицинский обращал внимание на то, что по числу министерств (около 100) наша страна занимает первое место в мире. Через месяц на расширенном пленуме ЦК КПСС по реализации решений партконференции М.С. Горбачёв предложил довольно стройную программу действий: формирование госзаказа отраслям экономики, денежная реформа, кредитование, перестройка системы управления в партии и стране, решение продовольственной проблемы; впервые “с высоты генсека” было сказано о проблеме очередей.

Молодёжь в телепередачах КВН довольно остроумно “лягала” прошлое: “Мы в молодости все стоя голосовали за, отсюда эпоха застоя”. В двух августовских номерах журнала “Огонёк”, редактором которого в 1986 году стал В.А. Коротич, были опубликованы интересные материалы. В начале августа - статья кинорежиссёра М. Ромма “Четыре встречи с Хрущёвым” с описанием примитивно-фельдфебельского поведения Никиты Сергеевича в общении с творческой интеллигенцией страны, о его невежестве и хамстве, возведённых в политику. “А мы это терпели и одобряли!” - с горечью восклицал режиссёр. В номере журнала от 11 августа старая большевичка (фамилию я не записал), которая знала и Ленина, и Кирова, и Бухарина (“Бухарчика”), вспоминала, как после первого десятилетнего срока многие заключённые получили второй десятилетний срок, и некоторые повесились с отчаяния. Начальник лагеря пытался их утешить, а затем сам застрелился, когда его попытались арестовать. Волну разоблачений подхватила “Литературная газета”; в беседе с корреспондентом газеты писатель В.Д. Дудинцев сообщил, что после публикации его романа “Не хлебом единым” он был арестован; во время допросов следователь НКВД бил его по носу ребром ладони и смеялся, когда писатель ему указывал на статьи закона, которые тот нарушает.

Т. Соловьёва

И хотя перестройка была в разгаре, кое-что всё ещё оставалось по-старому - решения партийных органов обязывали коллектив Гидрометслужбы усилить помощь, не только профессиональную (т.е. прогнозами), но и трудовую – сельскому хозяйству. Вновь приходилось вспоминать крылатое выражение Самуила Моисеевича: “Хлеб всему гогова!” В июле и в августе формировались комсомольско-молодёжные отряды сотрудников УГМС для уборки урожая в совхозах “Лесной” и “Морской” (“огуречный отряд”). При этом, руководство пыталось использовать экономические стимулы: на период уборки

урожая сотруднику гарантировалась стопроцентная зарплата, разрешалось менять людей (через 7-10 дней) и т.д. Я призвал на помощь партком ГМЦ, профком, начальников отделов и групп, беседовал, порой персонально, с каждым кандидатом на уборку. Всё это помогало слабо, разнарядку мы выполняли в лучшем случае на 70%. Запомнилась беседа с сотрудником отдела гидрологии, очаровательной Тамарой Соловьёвой: мило улыбаясь, она загадочно говорила “о своей старости”, а ей было что-то около 25 лет. Руководство жёстко оценивало наши промахи; Р.Я. Гесс на одной из планёрок заявил “о низком уровне воспитательной работы в коллективе Гидрометцентра”. Сидел как оплёванный. А ведь ещё недавно В.И. Зиненко вручил нашему Гидрометцентру Почётную грамоту Госкомгидромета за победу в смотре-конкурсе за лучшее гидрометобеспечение агропромышленного комплекса! Работал порой до 8-9 часов вечера, до ночи... Сколько же можно себя насиловать, насколько хватит сил?!

Накануне, 13 июля произошло ещё одно потрясение: от сердечного приступа скончалась В.С. Громова, бывший начальник отдела гидрологических прогнозов ГМЦ. Хоронили её на Заельцовском кладбище в солнечную погоду. Проводить её в последний путь пришли ветераны Службы во главе с С.М. Шульманом, многие сотрудники Гидрометцентра. Я вёл траурный митинг. Запомнилась трудная, выстраданная речь Самуила Моисеевича, который говорил о заслугах покойной в сфере прогнозирования наводнений и маловодья, а также яркая, тёплая речь её родного брата.

5 августа исполнилось 25 лет моей работы в Гидрометслужбе Западной Сибири, но не было настроения на праздник, на душе было тяжело. Снова дразги, текучка. Правда, 30 августа отметила свой полувековой юбилей главный синоптик Гидрометцентра Л.Н. Староватова. Вместе с ветеранами и коллегами был у Людмилы Николаевны в гостях. Душевно посидели, попели чудесные песни 50-х годов (“На крыльчке твоём”, “Ой, цветёт калина”...). Там же, пользуясь случаем, вручил юбиляру знак “Отличник Гидрометслужбы СССР”.

Мои переживания в конце августа прервал телефонный звонок главного метеоролога Семипалатинского ядерного полигона, полковника В.Д. Ермакова, который просил приехать на полигон. А через несколько дней пришло официальное указание Госкомгидромета о направлении в Семипалатинск представителей нашей Гидрометслужбы. К работам на полигоне были допущены двое: мой коллега (и друг), заведующий лабораторией авиационной метеорологии СибНИГМИ В.Н. Барахтин и я. Мы с ним поочерёдно ездили на полигон, сейчас была моя очередь.

Ну, что же, дорога знакомая. 9 сентября вечерним поездом Новосибирск-Алма-Ата (в 23 часа) еду до Семипалатинска. В поезде успеваю поговорить с двумя попутчиками: молодым казахом и пожилой русской женщиной. Казах говорил о хорошей жизни в республике в годы правления Д.А. Кунаева и ухудшении ситуации при Г.В. Колбине. Женщина говорила диаметрально противоположное. В полдень 10-го поезд прибыл в

Семипалатинск. Хозяйка знакомого офиса на улице Пограничной связалась по телефону с пропускным пунктом станции Конечная, получила “добро” на мой приезд. От железнодорожной станции Семипалатинска вечером пассажирский поезд с 3-4 вагонами отходил по “чугунке” на северо-запад, вдоль левого берега Иртыша до станции Конечная. Три с половиной часа пути с короткими остановками на небольших станциях. Перед Конечной – остановка, КПП – контрольно-пропускной пункт, проверка документов: солдаты в вагоне предельно внимательно изучают паспорта, командировочные удостоверения, предписания, сличают их с какими-то своими списками. Всё, можно следовать дальше, поезд добирается, наконец, до станции. Грузимся в автобус, схожу у гостиницы, которая, конечно, находится на центральной улице Ленина, упирающейся в здание штаба воинской части Семипалатинского полигона. Военный городок, раскинувшийся вдоль левого берега Иртыша, известен под названием Семипалатинск-21 (или Курчатова). Утром следующего дня, прежде чем идти к своим коллегам, военным синоптикам, и на обязательный инструктаж, прошёлся, не торопясь, вдоль живописной набережной. Отчего-то взгрустнулось: вот уже почти 20 лет езdim с Вианором Николаевичем сюда, на полигон, где сменилось несколько поколений местных метеорологов, а мы с ним несменяемые “безмянные герои”, а время летит стремительно. На память пришли строки замечательного татарского поэта Ф. Карима: “Әллә нишләтә күнелне...” (“что-то творится в душе”). Вспоминались колоритные личности, профессиональные синоптики с погонями полковников: П.Т. Воропаев, участник боёв за освобождение Сахалина от японцев в августе 1945 года, Ю.Д. Иванов, чрезвычайно вдумчивый, рассудительный синоптик, любивший строить многовариантные версии развития атмосферных процессов... Командующим полигона, когда я начал там работать, был генерал Н.Н. Виноградов, обликом удивительно напоминавшим знаменитого киноактёра П. Кадочникова. Запомнился эпизод: генерал кому-то что-то объяснял, а собеседник никак не мог “врубиться”; тогда Виноградов сменил тон, сел на стол и громко, с использованием открытого русского мата, стал то же самое повторять и, кажется, добился нужного результата. Преемником Виноградова стал следующий генерал - А.И. Смирнов. Это был полноватый, неторопливый, вальяжный человек, который чрезвычайно доброжелательно относился к своим военным офицерам-синоптикам и, кажется, ко всей Гидрометслужбе страны. На одном из заседаний штаба по обсуждению прогноза погоды кто-то из представителей московских экспертов задал провокационный вопрос, а следует ли безоговорочно доверять прогнозам местных синоптиков вкупе с расчётами представителей Гидрометслужбы из Новосибирска. Я внутренне напрягся, но генерал спокойно, неторопливо и весомо заявил оппонентам, что за долгие годы совместной работы на полигоне не случилось ни одного случая неприятных эксцессов с ядерным оружием по вине синоптической службы. Похоже,

отношение командования полигона к Гидрометслужбе было заметно лояльнее, чем в структурах власти некоторых сибирских регионов.

По прибытии в небольшое здание метеочасти обнаружил, что из офицерского состава осталось трое: главный – полковник В.Д. Ермаков, майоры Платов и Н.М. Волобуев. Узнал, что зимой нелепо погиб майор Моторкин, рослый, молодой красивый офицер – от удара в голову корпусом автобуса. Исчезли из персонала рядовые солдаты, вместо них много гражданских лиц, преимущественно женского пола. Работы по плану (подземные взрывы) намечаются на 14 сентября. По предварительному прогнозу ожидается северная периферия антициклона с центром южнее Караганды.

Здесь, наверное, уместно, хотя бы вкратце, рассказать, в чём заключались обязанности местных синоптиков и наши, с В.Н. Барахтиным. Как известно, в августе 1945 года США первыми применили ядерное оружие, сбросив атомные бомбы на японские города Хиросиму и Нагасаки. В атомном огне погибли сотни тысяч людей, а последствия той бомбардировки сказываются до сих пор. На тот момент США были единственной ядерной державой в мире. И.В. Сталин принял решение ускорить работу по созданию советской атомной бомбы. Две державы, США и СССР, вступили в яростное соревнование – началась гонка вооружений между ними, на что были брошены колоссальные материальные и людские ресурсы. Потребовались полигоны для испытаний ядерного оружия. И они были созданы: в СССР в Казахстане, юго-западнее Семипалатинска и на Новой Земле; США проводили испытания в штате Невада и на некоторых островах Тихого океана (атолл Бикини и др.).

Полигон в Казахстане расположен на стыке Семипалатинской, Карагандинской и Павлодарской областей и занимает площадь 18,5 тысяч квадратных километров. Это горно-холмистая местность, носящая название Казахский мелкосопочник. Первый в СССР ядерный взрыв прогремел здесь 29 августа 1949 года. С этого дня до 1963 года включительно на полигоне было произведено 118 наземных и воздушных высотных взрывов мощностью от 20 до 2000 килотонн тротилового эквивалента. В 1963 году ведущие ядерные державы договорились о прекращении воздушных испытаний ядерного оружия: с этого года начались подземные испытания, и до конца 80-х годов на полигоне было проведено 348 испытаний подземного типа мощностью от 0,5 до 150 килотонн. Все взрывы сопровождалось выбросами радиоактивных облаков, часто – радиоактивными осадками и радиоактивным заражением местности по пути движения облаков. Чаще всего в зону радиационного воздействия полигона попадали территории Восточного Казахстана (Семипалатинская, Павлодарская, Карагандинская области), Алтайский край, Новосибирская и Кемеровская области. Радиоактивные следы ядерных взрывов были обнаружены на территориях Хакасии и Бурятии. Почему это происходило? Дело в том, что принятие решений о проведении взрывов, как правило, связывали с направлением движения воздушных потоков в атмосфере. При

этом, необходимо было исключить ситуации с выходом радиационных частиц за границу – на районы Китая и Тихого океана. Во-первых, это могло быть расценено как нарушение Конвенции о запрещении испытаний ядерного оружия, а во-вторых, анализ этих частиц мог привести к утечке военно-промышленной информации секретного характера. Таким образом, при проведении ядерных испытаний чаще выбирались ситуации в атмосфере, когда над полигоном и сопредельными районами Южной Сибири господствовал юго-западный перенос воздушных масс. Исключались ситуации с северо-западным переносом воздуха, когда радиоактивные частицы могли попасть за границу над долиной Иртыша или через Джунгарские ворота. В качестве экспертов Гидрометслужбы СССР на Семипалатинском полигоне в 50-е годы и в первой половине 60-х годов привлекались сотрудники Гидрометцентра СССР (Москва), а с 1967 года – сотрудники Сибирского гидрометинститута и Новосибирского Гидрометцентра В.Н. Барахтин и Ваш покорный слуга. Мы принимали участие в проведении только подземных ядерных взрывов. Подземные взрывы были меньшей мощности, чем наземные и воздушные; ядерный заряд закладывался в горах, в глубоких штольнях. Но и в этом случае происходило попадание радиоактивных частиц в атмосферу и их перемещение в направлении потоков в нижней атмосфере (в слое до 1-2 км). Поэтому, и при проведении подземных испытаний придерживались упомянутых выше критериев движения воздушных потоков и радиоактивных частиц.

Как строилась работа военных синоптиков на полигоне и наша – экспертов Госкомгидромета? Анализ синоптико-метеорологической обстановки начинался обычно за 3-4 дня до срока проведения испытаний. В процессе подготовки к каждому взрыву мы анализировали фактические и прогностические карты погоды и атмосферных процессов (барической

топографии) над территорией СССР и всего северного полушария. Мы получали расчётные прогностические траектории перемещения воздушных частиц на разных уровнях, которые определялись по современным (для того времени) гидродинамическим моделям на ЭВМ в Западно-Сибирском РВЦ. Довольно, что расчётные данные этих траекторий анализировались и корректировались группой опытных синоптиков Новосибирского Гидрометцентра и учёных СибНИГМИ. Кроме того, мы из командного пункта полигона могли по ВЧ-связи выходить на переговоры с ведущими специалистами Гидрометцентра СССР и получать от них консультацию о вероятных сценариях грядущих атмосферных процессов. У меня были случаи, когда для связи с московскими синоптиками приходилось беспокоить главу Гидрометслужбы СССР Ю.А. Израэля или его заместителя Е.И. Толстикова. И всё же, при всём обилии мнений и консультаций, окончательные выводы и решения следовало принимать нам на месте и, естественно, брать на себя ответственность. На основе тщательного анализа синоптико-метеорологической обстановки на полигоне и сопредельных районах составлялся прогноз погоды и траекторий перемещения продуктов ядерного взрыва в ближайшие 1-5 суток. Офицеры-синоптики полигона наибольшее внимание уделяли прогнозу погоды (температура, осадки, ветер, атмосферные явления...), а мы, эксперты Госкомгидромета, несли основной груз ответственности за достоверность прогноза перемещения радиоактивных частиц за пределами полигона (как говорилось, по дальней зоне) на период более суток. По мере приближения срока работ прогнозы уточнялись, корректировались и ежедневно (во второй половине дня) докладывались в штабе воинской части руководству полигона и членам Государственной комиссии по проведению ядерных испытаний. (Помнится, в глазах рябило от обилия звёзд на офицерских погонах и орденских планок на кителях и костюмах.) Финальный доклад проводился накануне дня работ вечером. Утром следующего дня мы вместе с офицерами-синоптиками и командованием выезжали на машине (передвижной метеостанции) или вылетали на вертолёте ближе к эпицентру взрыва. На месте производились наземные метеорологические наблюдения, запускался радиозонд для определения траектории движения воздушных масс в районе взрыва. Необходимые для анализа синоптические карты принимались по факсимиле. Последняя корректировка прогноза и короткий доклад командованию, обычно подтверждавший вчерашние указания.

Тем не менее, работа продолжается – следим за погодой и направлением ветра. Напряжение нарастает: объявляется 10-минутная готовность, затем минутная. Мучительно тянутся секунды. И вот: "Десять, девять, восемь...три, два, один, пуск!" Слышим грохот, под ногами ходуном ходит земля, невдалеке, в двух-трёх километрах от командного пункта, раскалывается гора, из расщелины вырывается вверх пламя, которое вырастает в грибовидное облако; оно медленно поднимается ввысь, а затем "гриб" начинает перемещаться в направлении воздушного потока. А вот

уже возле радиоактивного облака кружит вертолёт или самолёт, производя замер уровня радиации...

После возвращения в городок, мы ещё в течение нескольких дней анализировали синоптическую обстановку, с учётом авиационных данных отслеживали реальную траекторию движения радиоактивных частиц. Несмотря на недостаточно высокий уровень численных моделей и прогнозов всё же в целом наши прогнозы по “ближней” и “дальней” зонам были, в основном, успешными.

Но вернусь к событиям сентября 1988 года. В этом году ядерные испытания впервые проводились, образно говоря, под международным контролем. На Семипалатинский полигон прибыли наши “закрытые друзья” - американцы. 13 сентября заседание Госкомиссии проходило в коттедже на берегу Иртыша. В зале – длинный стол, уставленный советскими и американскими флажками. С интересом вглядываюсь в колоритные лица наших “партнёров”: один из них напоминает адвоката-интеллектуала XIX века (из ковбойских фильмов), другой – большеглазый, с вытянутым лицом и полуоткрытым ртом, постоянно кивает (или готовится кивать); третий – весьма пожилой и полный, с седыми бровями, похож на карикатуру империалиста в рисунках художника Б. Ефимова из журнала “Крокодил”. С нашей стороны: начальник полигона генерал-лейтенант А.Д. Ильенко, председатель Госкомиссии (фамилии не помню), генералитет (чинами от генерал-майора до генерал-полковника), учёные-геофизики, медики; все, в основном, в солидном возрасте и лысоватые.

Полковник В.Д. Ермаков кратко и чётко доложил синоптическую обстановку и прогноз погоды на утро 14 сентября: метеобстановка ожидалась подходящей для проведения работ - при отсутствии неблагоприятных явлений погоды и при свежем ветре в пограничном слое атмосферы в районе полигона (до 1,5 км) преимущественно юго-западного направления. Геофизики доложили фактическую и ожидаемую радиационную обстановку; американцы подкидывали через переводчика вопросы; чувствовалось, вникают основательно. Генерал Ильенко вёл обсуждение свободно, непринуждённо и даже с некоторым юмором. Когда возник вопрос, какой уровень радиации выбрать в качестве критерия – наш (0,5 р/час) или американский (1 р/час). Ильенко предложил: “Давайте возьмём наш, советский, он гуманнее американского”. Это вызвало непродолжительный взрыв смеха. При выходе из штаба Ермаков, улыбнувшись, сказал мне, что его перед докладом предупредили: “Не вздумай после доклада прогноза щёлкать каблуками сапог!”

Утром 14 сентября к эпицентру взрыва поехала лишь небольшая группа метеорологов во главе с Ермаковым; я остался в городке, в помещении метеочасти, и занимался здесь анализом синоптической обстановки. По местному радио призвали жителей городка в 10 часов 45 минут выйти из домов. Действительно, в этот момент мы ощутили сильный сейсмический удар (даже на первом этаже), услышали отдалённый гул. Спустя время позвонил Ермаков: сработали нормально, без происшествий,

погода и реальное движение радиации соответствовали прогнозу. В этот день я ещё успел рассказать служащим и офицерам метеочасти о происходящих в Гидрометслужбе страны процессах перестройки, развитии мировых и отечественных численных моделей (ЕЦСП, “Регион”), новых системах аэрологического зондирования атмосферы (“Титан-МРЗ-АВК”), новом Положении Госкомгидромета по СГЯ (1986г.).

Это была моя последняя командировка на полигон. В.Н. Барахтин был там в последний раз в начале октября 1989 года. Как я понял, эти испытания были не вполне удачны: произошёл внеплановый взрыв с выбросом высокого уровня радиации. А на следующий год парламент Казахстана принял решение о ликвидации Семипалатинского испытательного полигона. По моим подсчётам, в течении 1970-1988 годов я 20 раз был командирован в эти края, провёл на полигоне в качестве эксперта Госкомгидромета в сумме около 220 дней. В отдельные годы (1970, 1971, 1973, 1981) командировки длились по 2-3 недели: так долго приходилось ждать благоприятную для проведения испытаний ситуацию в атмосфере. Ещё больше времени провёл на полигоне мой коллега В.Н. Барахтин (1967-1989 годы). По его подсчётам мы за это время, в сумме, приняли участие в проведении 93 подземных взрывов на Семипалатинском ядерном полигоне.

Признаюсь, мне нравились командировки в Семипалатинск-21. Там были неплохие социально-бытовые условия проживания: командировочные за сутки нам из воинской части выплачивали в 1,5 раза выше, чем было принято в Гидрометслужбе, оплачивались полностью также проезд и проживание в гостинице, а иногда в коттедже около Иртыша. Отличным было материальное снабжение городка, особенно продуктами питания. Я иногда получал возможность отправлять посылки и к родителям в Казань, и в Новосибирск – своей семье. Обедали, ужинали мы в прекрасной офицерской столовой, где вкусно готовили и невысокой была цена. Магазины привлекали меня обилием интересной военно-мемуарной литературы; я, например, приобрёл мемуары главкома ВМФ СССР адмирала Н.Г. Кузнецова и начальника Генштаба генерала С.М. Штеменко. Нравилась мне природа в окрестностях городка, набережная, пляжи у Иртыша. По молодости я бегал на стадион, играл с коллегами офицерами в волейбол, захаживал на просмотры кинофильмов в двух роскошных Домах Культуры. Неплохо было со снабжением и в самом областном центре - Семипалатинске. Да и сам город, раскинувшийся по обоим берегам Иртыша, был интересен: во время последней командировки я посетил музей казахского просветителя Абая и русского писателя-страдальца Ф.М. Достоевского.

Ситуация в Курчатове стала ухудшаться в конце 80-х годов. В 1988 году там ввели талонную систему на некоторые продукты питания (сахар, масло), нарушилась доставка пассажиров на вокзал городским автобусом. В следующем году, как поведал В.Н. Барахтин, офицерская столовая закрылась, опустели полки магазинов... В последние годы приезжавшие из

тех краёв очевидцы рассказывали, что знаменитый городок сейчас разорён и опустошён.

В.Н. Барактин

В девяностые и в двухтысячные годы Вianор Николаевич Барактин активно занимался вопросами изучения негативных последствий от ядерных взрывов на Семипалатинском и Новоземельском полигонах для природы и населения южных районов Сибири. Ведь даже по официальным данным, за 40 лет ядерных испытаний в природную среду попало радионуклеидов в 50 раз больше, чем при взрыве в апреле 1986 года на Чернобыльской АЭС. В.Н. Барактин в соавторстве с представителем Минздрава на полигоне В.И. Дусем опубликовал в 1999 году книгу “Семипалатинский полигон глазами независимых экспертов”. Он публиковал статьи в областной газете “Советская Сибирь”, выступал в СМИ (телевидение, радио), готовил предложения о создании общегосударственной научной программы по комплексному изучению воздействия радиации от ядерных взрывов на полигонах на население Сибири и направлял их в органы власти, Государственную Думу, МЧС. В этой борьбе его поддерживали коллеги и единомышленники: председатель областного комитета ветеранов подразделений особого риска А. Обливальный, начальник Новосибирского центра мониторинга загрязнения природной среды В.В. Селегей, сотрудник Атомнадзора П.Д. Минтюков, кандидат медицинских наук В.И. Дусь (уже упомянутый выше) и я.

До сих пор никто не знает, сколько людей подверглось радиационному воздействию вследствие испытаний ядерного оружия на полигонах бывшего СССР. Никто не знает, сколько людей умерло вследствие радиационного облучения и какова роль этого фактора среди умерших, например, от рака желудка, язвенной болезни в период воздушных ядерных испытаний.

В 70-х годах я был невольным очевидцем таких последствий: проводились испытания под грифом “Био”, по-видимому, изучалось воздействие радиации на животных. И вот помню, я оказался вблизи группы собак, которых только что доставили из зоны радиоактивного заражения. Это был какой-то апокалипсис: одна собака непрерывно мотает головой, из пасти другой непрерывно сочится слюна, глаза третьей всё время слезятся. И на мордах всех бедолаг выражение безмерного страдания. “Боже мой!” – думал я, - “А что же должен переживать человек, “венец божественного творения”, поражённый радиацией?!” Последовала негромкая команда офицера охраны, и группу “ротозеев”, в которую я нечаянно попал, вытеснили за пределы загона для животных. Прошло более 40 лет после этого события, но память от этой жути до сих пор сохранилась в моей душе.

Как писал в своей статье В.Н. Барактин (газета “Советская Сибирь” от 15.07.1999 г., №128), в 90-х годах выполнялась государственная научная

программа “Семипалатинский полигон - Алтай” по изучению последствий действий радиации на жителей Алтайского края, научным руководителем которой был авторитетный учёный, профессор Я.Н. Шойхет. В результате исследования была дана оценка суммарной коллективной дозы облучения от нескольких взрывов для многих населённых пунктов края, показано, что 60% населения Алтая подверглось радиационному воздействию, а это дало право населению региона на социальные льготы и компенсацию здоровья. В соответствии с распоряжением правительства РФ и благодаря поддержке депутатской группы в Госдуме от края были выделены солидные деньги на финансирование Семипалатинской программы, строительство новой красной клинической больницы. Для реабилитации населения и экономического развития Семипалатинского региона из международных фондов поступило более 8 млн. долларов.

В 1994 году также была принята новосибирская областная научная программа, предусматривающая изучение последствий радиоактивного заражения территории нашей области от ядерных испытаний. Вслед за этим принимается специальное постановление Правительства РФ, которое обязывает администрацию области и ряд ведомств обеспечить проведение научных исследований по установлению влияния многолетних ядерных испытаний на медико-демографическую обстановку в регионе. В соответствии с программой научное руководство работ возглавлял Председатель Сибирского отделения Академии медицинских наук В.А. Труфакин. В исследованиях принимали участие и учёные СибНИГМИ. К сожалению, для полной реализации запланированных работ Минфин России не выделил денежных средств ни в 1995-м, ни в последующие годы. Таким образом, и правительственное постановление, и областная программа не были выполнены, хотя в инициативном порядке исследования велись (при полном отсутствии средств). В.Н. Барахтин и его сотрудники построили основные траектории движения радиоактивных облаков после ядерных взрывов 1949-1962 годов. Используя архивные радиометрические наблюдения, они выполнили ранжирование ядерных взрывов по степени их радиационного воздействия на территорию Новосибирской области и выявили наиболее значимые из них по негативным последствиям.

В публикациях В.Н. Барахтина и А. Обливального наиболее ярко описаны последствия двух взрывов. 12 августа 1953 года на полигоне был произведён первый в СССР взрыв водородной бомбы мощностью ядерного заряда 500 кт. Вспышка при взрыве была столь яркой, что её увидели за многие десятки километров. Через три минуты ударная волна дошла до Семипалатинска-21. Зашатались дома, деревья, столбы. В зданиях вылетели двери, оконные рамы, стены потрескались. Разрушения наблюдались также в Семипалатинске и других населённых пунктах вблизи полигона. Громадное радиоактивное облако диаметром несколько километров поднялось на высоту более 16 километров, и потоками воздушных масс было разнесено на северо-восток на огромные расстояния (вплоть до Новосибирска и далее), повысив радиационный фон в несколько раз:

дозиметрические приборы, установленные на постах в Новосибирске, не смогли зафиксировать истинной дозы – все приборы зашкалило.

Радиоактивное загрязнение от воздушного ядерного взрыва мощностью до 150 кт тротила, осуществлённого 17 сентября 1961 года, оказалось рекордным для Новосибирска за всю историю радиологических наблюдений. Максимальная среднесуточная плотность радиации в районе столицы Сибири в последующие два дня (18 и 19 сентября) была превышена более чем в 4000 раз по сравнению с современным фоновым значением. 19 сентября в 7 часов утра с планшета, установленного на метеорологической площадке Северного аэропорта города, была измерена суммарная бета-активность атмосферных выпадений в размере 641,6 милликюри на квадратный километр. Очевидно, что уровень радиации превышал 1000 мкр в час, хотя дежурный метеоролог не поверил измеренным данным. Однако, зашифрованные данные телеграфом были переданы в Москву, минуя местные органы власти, как и предписывалось действовавшей тогда инструкцией. Таким образом, жители города, как было всегда в те времена, оставались в полном неведении относительно сложившейся радиационной обстановки. Группа В.Н. Барихтина установила, что след ядерного взрыва 17 сентября накрыл не только Новосибирск, но и прилегающие к нему районы: Ордынский, Коченёвский, Искитимский, Черепановский, Тогучинский, Колыванский, Болотнинский.

Несмотря на полученные доказательства влияния ядерных взрывов на Семипалатинском полигоне на радиационную ситуацию в Новосибирской области, нашему региону не удалось стать участником проектов по оздоровлению населения, пострадавшего от радиационного воздействия. Как было сказано выше, только населению Алтайского края было суждено добиться социальных льгот и компенсаций. Соответствующие проекты прошли мимо нашей области вследствие пассивной позиции наших органов власти, МЧС, здравоохранения и экологии.

Завершая своё повествование о Семипалатинском полигоне, хочу сказать, что Вианор Николаевич и я, мы оба, были активными участниками важнейшей государственной программы. Мы прямо или косвенно содействовали проведению испытаний ядерного оружия и его совершенствованию, в результате чего сложился ядерный паритет двух великих держав СССР и США, и это стало на долгие годы надёжной гарантией обороноспособности и безопасности нашей страны.

1 августа 1990 года В.И. Зиненко вручил мне Почётную грамоту Госкомгидромета, подписанную главой Службы Ю.А. Израэлем, “За многолетнюю и добросовестную работу по гидрометеорологическому обеспечению специальных работ на Семипалатинском испытательном ядерном полигоне”. Я воспринял эту грамоту как одну из самых дорогих наград в своей жизни.

Глава 10. Интересные встречи. “Судороги” перестройки. Ещё раз о Дьякове. Научно-координационный Совет.

Погожим осенним утром 17 сентября я вернулся из Семипалатинска-21 в Новосибирск, в родной Гидрометцентр. Настроение было приподнятое: работы на полигоне прошли удачно, и наши прогнозы этому способствовали. Здесь, в Сибири, погодные условия были благоприятными для уборки урожая, а синоптики ГМЦ их успешно предсказали всеми видами кратко-среднесрочных и долгосрочных прогнозов. Развивались наши технологии: 20 сентября начальник отдела РВЦ А.Г. Кулиныч продемонстрировал работу отечественной ПЭВМ “Роботрон” для расчёта запасов влаги в почве, и через три дня он и главный синоптик ГМЦ Л.Н. Староватова вылетели в Ленинград на совещание по проблеме автоматизации обработки оперативной и режимной агрометеорологической информации. В последние дни сентября 1988 года я ознакомился с программой деятельности ВМО на ближайшие десять лет (до 1997 года). Описанные планы и перспективы

А.Г. Кулиныч

показались мне головокружительными: за счёт развития системы объективного анализа и усвоения информации ИСЗ довести период действия численно-гидродинамических моделей в ближайшее время до 10 суток, а в перспективе поднять заблаговременность численных прогнозов до 1-2 месяцев и сезона! Это воодушевляло, на какое-то время забывались проблемы, порождённые перестройкой. А тут пришло приглашение от моего однокашника и друга Ю.П. Переведенцева принять участие в научно-практической конференции, посвящённой 50-летию образования географического факультета Казанского университета (5-7 октября). Вместе со мной в Казань прилетели сотрудники Гидрометслужбы Западной Сибири Р. Багаутдинова и Н. Васильевич, выпускники КГУ 70-80-х годов.

Во время визита на кафедру метеорологии я застал Юрия Петровича в состоянии сильной озабоченности: в том году он уже был не только заведующим кафедрой, но и деканом геофака, а также членом партбюро и депутатом городского совета депутатов трудящихся. Правда, избавился он от меня довольно быстро: познакомил с корреспондентом газеты “Социалистик Татарстан” и втолкнул в аудиторию к четверокурсникам, где я рассказал студентам о перестройке в Гидрометслужбе, переходе на хозрасчёт, автоматизации обработки гидрометданных (и ещё о чём-то). Журналист сфотографировал нас с Ю.П. Переведенцевым и нашим учителем - профессором Н.В. Колобовым, и фото появилось на следующий день на страницах местной газеты.

Юбилейное заседание, посвящённое 50-летию геофака, открылось утром 6 октября в Казанском Доме Учёных. Была масса народа:

выпускники КГУ, начиная с 1941 года, преподаватели, доценты, профессора, представители ректората университета, журналисты... Получасовой доклад Юрия Петровича о становлении и развитии географика и его перспективах прозвучал содержательно, живо и динамично. Начались приветствия в адрес конференции: мне первому предоставили трибуну. В своей речи я вспомнил эпоху студенческих лет (поднятие целины, XX съезд, освоение космоса), рассказал, как я и мои коллеги работаем в Гидрометслужбе и верим в прогресс и лучшее будущее, назвал выдающихся выпускников нашего курса (1963 год), в том числе, уважаемого декана и начальника ЦГМС Йошкар-Олы Т.Б. Дюкову, и завершил выводом, что застой был там и у них, а наши выпускники к застою не причастны! Зал поддержал моё заявление смехом и аплодисментами. Многие выпускники КГУ, особенно 40-х годов, выступили с приветствиями в стихотворной форме. В какой-то момент к трибуне прорвался некто с красноватым лицом, явно “поддатый”, и проревел: ”Ребята! Как я рад вас видеть!”

Секционная часть конференции прошла во второй половине дня во втором (высотном) корпусе университета; работали три секции: физической географии (руководитель – профессор А.П. Дедков), экономической географии (профессор А.М. Трофимов) и метеорологии (профессор Ю.П. Переведенцев), в работе которой я, конечно, принял участие. Интересным был доклад Юрия Петровича, как в условиях перестройки высшей школы строится работа кафедры метеорологии по проведению научных исследований и подготовке кадров метеорологов. Доцент М.А. Верещагин рассказал о связи кафедры с организациями Гидрометслужбы и способах оценки качества выпускаемых специалистов. Представитель метеослужбы ВВС из Свердловска Ю.С. Нефёдов говорил об использовании современных методов прогнозирования в практической работе синоптика. Я сделал сообщение “Метеорологическая наука и её роль в формировании студента-практика” и, хотя старался придерживаться данной темы, всё же уделил значительное внимание вопросам организационной и экономической перестройки в Службе и ожидаемым результатам перспективного развития методов и технологий прогноза погоды.

На следующий день, утром, пригородной электричкой мы прибыли на станцию Высокая Гора (северо-восточнее Казани), откуда пешком вышли на лесную поляну недалеко от берега реки Казанки, где должно было состояться посвящение первокурсников в студенты КГУ. Многие прибыли сюда с жёнами и детьми. Студенческий “сабантуй” проходил интересно и весело: своеобразная эстафета (пилка дров, установка палатки и т.п.), соревнование футбольных команд, молодёжный КВН под девизом “Сожрать и не подавиться!” Посвящение “абитуры” в географы проводил “Падре-географ” в короне и с плащом в виде географической карты, ему помогали слуги в забавных юбках; выступал размалёванный иноземный гость – араб, который нёс всякую тарабарщину переводчику, вещавшему от его имени пожелания молодёжи. Лики первокурсникам чем-то мазали, заставляя несчастных проползать под ветвями ели. В лучах заходящего

солнца Юрий Петрович вручил первокурсникам студенческие билеты великого Казанского университета (с пожеланиями здоровья, успехов в учёбе и труде). В тесном кольце студентов у костра пел под гитару бородатый бард по фамилии Гафаров; удивительным было то, что он стал студентом географа в 32 года. Мы успели ещё провести в компании преподавателей чае-и не только-питие. Кумиром застолья стал доцент кафедры метеорологии Рашид Хайруллин, который в те годы уже успел поработать за пределами СССР, в ряде африканских стран, бывших ранее колониями Франции. А потому он произносил красивые и цветастые тосты на французском языке. А затем вместе со мной и своей женой Рашидой-ханум пел татарские песни и романсы.

Утром следующего дня, накануне вылета из Казани, я побывал на Арском кладбище у могилы моего друга и однокашника Валерия Керна, погибшего в августе 1959 года. Обратил внимание на записку, прикрепленную к памятнику Василию Сталину: “Товарищу казанскому гражданину! Просим не осквернять могилу!” Прохожие сказали, что вандалы выкалывали глаза на фотографии сына “вождя народов”. А вот и свежие казанские новости: в “Литературной газете” появилась жуткая статья Ю. Щекочихина об организованной молодёжной преступности в Казани. По данным журналиста, банды юнцов во главе с уголовниками вымогают деньги у подростков в обмен на безопасность, избивают и калечат непослушных. (И это – перестройка?!)

Завершился пленум ЦК КПСС и сессия Верховного Совета. Перестройка в верхних эшелонах власти ознаменовалась отставкой “брежневской гвардии”: из Политбюро вышли А.А. Громыко, М.С. Соломенцев, П.Н. Дёмичев, В.И. Долгих. Председателем Президиума Верховного Совета СССР был избран М.С. Горбачёв.

На фоне противоречивых политических событий – радостные спортивные новости: блестяще для советского спорта завершились в начале октября Олимпийские Игры в Сеуле. Сборная СССР по футболу стала олимпийским чемпионом, победив в финале сборную Бразилии (2:1). И это повторение триумфа в Мельбурне в 1956 году, то есть через 32 года! В упорной борьбе стала “золотой” советская баскетбольная команда, обыграв сборную Югославии. Наши легкоатлеты были лучшими в беге в мужской эстафете 4х100 м и женской 4х400 м, добыл “золото” в прыжках в высоту наш Геннадий Авдеев (232 см).

Через несколько дней после возвращения в Новосибирск поступила оглушительная новость: в Госкомгидромете принято решение присоединить территориальные центры мониторинга загрязнения природной среды к гидрометцентрам УГМС. Звонил в Москву (УГМО); там информированный источник сообщил, что это решение – следствие давления руководства Госкомприроды. Впрочем, советовали не торопиться, тем более что в начале ноября В.В. Селегей за подписью руководства ЗСУГМС отправил письмо-протест на имя Ю.А. Израэля. Снова заняло сердце, напоминая о перенесённом недавно инфаркте.

В январе 1989 года в Новосибирск прибыли представители Госкомгидромета: уже знакомый В.М. Грузинов и В.Н. Мочалов, которые сообщили две важные новости. Предлагается в первом полугодии 1989 года разработать типовое положение и штатное расписание будущего объединённого Центра. Для научно обоснованного перехода к хозрасчёту ГГО поручено определить стоимость различной гидрометпродукции вырабатываемой в Службе: прогнозов, справочников, бюллетеней, что даст возможность заключать договоры с народнохозяйственными организациями – потребителями этой продукции. А переговоры с некоторыми из этих организаций шли тяжело. Конфликтом завершились переговоры с А.Ф. Шабановой, представителем метеорологической службы Западно-Сибирской железной дороги, о проекте соглашения по метеобеспечению ЗСЖД на 1989 год. Когда я стал указывать на явные несоответствия заявленных ею критериев опасных явлений погоды принятым в настоящее время критериям СГЯ в Службе, а затем на абсолютно нереальные требования к заблаговременности предупреждения некоторых явлений погоды, она заметно порозовела и воскликнула: “Не учите меня работать!” Переговоры прервались. Ситуация осложнялась ещё тем, что в связи с переездом А.А. Кульшенёва в Томск и назначением его начальником Томского ЦГМС руководством Управления было принято решение руководимую им ранее группу авиаметеобеспечения включить в состав отдела гидрометеобеспечения нашего Гидрометцентра. На должность руководителя усиленного отдела (ОГОНХ) в ноябре была избрана Татьяна Эдуардовна Дубиковская, синоптик с большим опытом работы в области метеорологического обеспечения авиации. Через несколько дней новый руководитель получил “боевое крещение”, проведя (24 ноября) довольно масштабное совещание по данной проблеме с начальниками АМСГ I разряда, НЗАМЦ, специалистами ССИ и ГМЦ. Впрочем, в течение дня довольно естественно и легко с методических вопросов “съехали” на экономические и кадровые: заработная плата, премии, дефицит кадров, а также слабость приборной базы.

Несмотря на сложное финансовое положение в годы перестройки, всё же были в нашей Службе “точки роста”! 1 декабря 1988 года В.И. Зиненко, Э.В. Земляная, А.А. Тюменцева и я прибыли на автомашине на гидрометстанцию Тогучин для приёма нового здания станции. Оно нам показалось большим, вполне приличным и даже комфортным по сравнению со старым убогим баракom, в котором ранее располагалась станция. Удачным было то, что новое здание находится на открытой возвышенной местности – показания метеоприборов будут репрезентативны и характерны

Т.Э. Дубиковская

для данного района, а влияние жилых домов и других объектов районного центра будет минимальным. Мы как раз застали момент переезда персонала станции в новое помещение, поэтому посчитали своим долгом помогать грузить и выгружать различное имущество станции. Были обнаружены некоторые строительные недостатки, но они оказались довольно мелкими и легко устранимыми (по указаниям Василия Ивановича). Персонал станции неплохо знал порядок производства метео- и агрометеорологических наблюдений, критерии СГЯ и условия передачи штормовых сообщений о них. В общем, мы остались довольны результатами “блиц-инспекции” станции. Обратили внимание на не вполне типичное явление: начало декабря, а поля в районе практически чёрные, не укрыты снегом. В тот год в ноябре выпало по области только от 11 до 19% от месячной нормы осадков.

В конце ноября мой заместитель А.Г. Каминский по заданию Москвы вылетел в Киев для участия в комплексной инспекции Госкомгидромета подразделений УГМС Украины. А я в начале декабря принял участие в работе совещания специалистов Гидрометслужбы по использованию данных ИСЗ в практике гидрометобеспечения потребителей. Вместе со мной в работе совещания участвовали сотрудник Западно-Сибирского РЦПОД В.И. Костоманов и представитель СибНИГМИ И.П. Прокопьева. Познакомился я там с новым начальником ГУГМО Я.П. Поповым, кандидатом экономических наук, бывшим ранее начальником Мурманского УГМС. Наша беседа с ним по довольно широкой тематике (методические, экономические вопросы, объединение ГМЦ и ЦНЗПС) продолжалась около часа. Правда, как записано в моём дневнике, из десяти моих вопросов на девять он чётко заявил “не знаю”; касательно объединения с экологами советовал не торопиться (он лично – против).

Совещание проходило на ВДНХ, в павильоне “Здравоохранение”; вступительную речь произнёс заместитель Председателя Госкомгидромета А.П. Метальников; он говорил об актуальности и перспективах использования космических данных для мониторинга состояния природной среды и прогноза стихийных бедствий. Большинство представленных на совещании докладов касались методов интерпретации данных ИСЗ, а не способов получения космической информации. Более интересными показались доклады представителей Гидрометцентра СССР: А.Б. Успенский сообщил о возможности использования цифровой информации спутников при метеорологическом обеспечении потребителей; близким с ним по тематике был доклад Князевой об использовании ПЭВМ для обработки данных ИСЗ; их коллега Фёдоров рассказал о методах оценки состояния озимых культур с помощью спутников, а Бухаров – о поисковых работах по опознанию зон выпавшего дождя. Представитель Управления космических систем наблюдений Госкомгидромета В.А. Калошин довольно резко критиковал наше Управление за сокращение передач фотомонтажей облачности (по данным ИСЗ) на оперативно-прогностическую сеть. За

месяц до этого совещания Калошин инспектировал Новосибирский ЗАМЦ по этой проблеме и также довольно зло распекал авиационных синоптиков за недооценку, по его мнению, синоптиками значимости космических снимков. После такой распекающей речи, поистине – “генеральского рыка”, наши новосибирские докладчики (В.И. Костоманов и И.П. Прокопьева) выступили не очень уверенно, Ирина Петровна даже проговорила робко: “Не судите нас строго”. Дискуссия была скомкана: я всё же выступил с призывом не злоупотреблять административной силой, а реально развивать методы космической идентификации зон опасных гидрометеявлений и внедрять их в оперативную практику прогнозистов. Впрочем, решения совещания не обсуждались и не принимались, и это, к сожалению, говорило о слабой его организации со стороны, главным образом, УГМО.

По пути домой, в Новосибирск, я, как обычно, заехал в Казань. Посетил Татарское кладбище (зьярат), где похоронена моя мама (эни). Ещё раз поразился мудрому лозунгу у ворот кладбища: “Исәннәрнең кадерен бел, үлгәннәрнең каберен бел”. (Уважай живущих, помни могилы умерших) Запомнились одетые в белый снежный саван могилы, деревья, звенящая тишина, мои красные гвоздики на могиле эни – маленькие “красавицы” точки среди белого безмолвия...

Странные события стали твориться в эти годы разгара перестройки. В январе 1989 года поступило письмо-разъяснение верховного профсоюзного органа страны – ВЦСПС по вопросам развития социалистического соревнования в трудовых коллективах. Из разъяснения следовало, что “соревнование нужно и полезно, а вот сами социалистические обязательства не обязательны”. Письмо это сразу вызвало брожение умов во всех структурах Управления. В нашем Гидрометцентре лишь два отдела (метеорологических прогнозов и агрометеорологии) готовы были подтвердить свою готовность сформулировать такие обязательства. На профсоюзном собрании новый профлидер ГМЦ В.Н. Лебедев долго и довольно путано призывал к чему-то. Такое же “брожение” наблюдалось и у наших коллег - связистов. А потому на планёрке рукостава УГМС В.И. Зиненко обвинил нас и, в особенности, Т.П. Соболеву в невыполнении служебных обязанностей руководителей своих подразделений.

Более логично и стройно развивались события в СибНИГМИ. В декабре 1988 года учёные-гидрологи порадовали нас новыми методами долгосрочного прогноза сроков замерзания и вскрытия ряда рек в бассейне Оби (В.П. Ергин) и оценок устойчивости снежного покрова (В. Фомин). Наш ведущий учёный-агрометеоролог М.И. Черникова предложила новые подходы к прогнозу урожайности зерновых культур, при этом, впервые предлагалось отдельно рассматривать потенциальную (возможную) при данных агрометусловиях урожайность и хозяйственную (более или менее реальную), то есть с учётом неизбежных потерь урожая при нынешнем уровне хозяйствования. Правда, странными показались результаты переизбрания на новый срок заведующих некоторых структур института.

Большинством голосов члены Учёного Совета проголосовали против избрания С.Д. Кошинского на должность заведующего отделом климата и В.Н. Барахтина на должность заведующего лабораторией авиационной метеорологии. Естественным был провал попыток Е.Е. Каленковича переизбраться на должность начальника отдела гидродинамических прогнозов. Большинство голосов Учёный Совет высказался против этой кандидатуры, а вот А.А. Фоменко получил вотум доверия большинства учёных и занял эту должность.

В один из последних декабрьских дней завершилась итоговая сессия Учёного Совета СибНИГМИ. В блестящей, я бы добавил, импровизационной манере об итогах деятельности института сделал доклад его директор П.Ю. Пушистов. Ему было чем поразить слушателей: объём государственных (ведомственных) заказов на темы НИР вырос за год в 5-6 раз и достиг рекордного результата – 1 миллион рублей! (В зале вспыхнула овация.) Вот только удастся ли институту удержаться на этой высокой планке, а может быть пойти дальше? Хотелось бы, тем более, накануне я с коллегами из нашего РВЦ, НСАСПД и СибНИГМИ готовил в адрес Госкомгидромета научное обоснование по развитию Новосибирского РСМЦ (в системе ВМО) на ближайшее десятилетие. Конечно, такой центр должен был развиваться непременно на базе передовой отечественной гидрометеорологической науки.

А процессы перестройки в общественно-политической жизни страны шли своим чередом. В начале ноября 1988 года в конференц-зале УГМС состоялась встреча с делегатом XIX партконференции КПСС от Новосибирска Жуковой, секретарём парткома швейного объединения. В своём выступлении она защищала принцип совмещения партийной и советской власти, который реализовал М.С. Горбачёв, все извращения и недостатки в области перестройки она отнесла к промахам на местах, а никак не в центре. Говоря о роли Горбачёва, впадала порой в высокопарный стиль, называя Михаила Сергеевича “лучезарным светилом”. Этот мажор зал прерывал аплодисментами.

В последние месяцы 1988 года и в начале 1989 года либеральная журналистская братия явно решила, что критиковать надо не только события 30-50-х годов, но и наше недавнее прошлое - 60-80-е годы. В журнале “Огонёк”, а также в “Литературной газете” публиковались статьи о Генсеке Политбюро ЦК КПСС Л.И. Брежнев, механизме его прихода к власти, стиле работы. Писали, что он не любил читать и писать, с трудом до всего доходил, но старался идти на компромиссы и избегал радикальных решений. Печатались порочащие Леонида Ильича фотографии, которые меня шокировали. Листовка “самиздата” напомнила о событиях августа 1968 года в Чехословакии: “И вы не смоете всей вашей чёрной кровью священной Праги пролитую кровь!” Известный писатель Б. Васильев в своей довольно тенденциозной статье в газете “Известия” (19.01) “Люби Россию в непогоду” назвал советскую литературу в жанре соцреализма

“туннельной литературой”, потоком “идейной, но безнравственной” литературы.

Ослабление цементирующей роли центральной власти первыми почували в Прибалтике. 27 ноября Эстония приняла закон о национальном суверенитете. В Прибалтику выехали члены Политбюро ЦК КПСС В.А. Медведев, В.М. Чебриков, Н.Н. Слюньков. Они встречались с народом, выступали, умиротворяли... Но волнения охватили Баку и Ереван. Ситуацию осложнило случившееся 8 декабря сильнейшее землетрясение, разрушившее крупные армянские города Ленинакан и Кировакан; были человеческие жертвы. Пришлось М.С. Горбачёву прервать свой визит в Нью-Йорк, где он выступал на Генеральной Ассамблее ООН с проповедью общечеловеческих идей, и вернуться в свою страну, которая стала постепенно разваливаться.

Тревожно читалась сводка Госкомстата об экономическом положении страны за 1988 год: рост заработной платы опережает рост производительности труда и производства товаров народного потребления. Валовой объём сельхозпродукции вырос всего лишь на 0,7%. (И правда, на продуктовые талоны I квартала 1989 года я получил только 1,5 кг сахара на человека.) Статистики даже посчитали, сколько времени мы тратим на стояние в очередях к кассам. Оказалось, в среднем 1,5-2 часа в день.

Правда, были и отрадные внешнеполитические события. После визита нового министра иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе в Китай в начале 1989 года стали теплеть наши отношения с Поднебесной. И это – после 25-летней конфронтации с ближним соседом! В те же дни рухнула кровавая 35-летняя диктатура А. Стресснера в Парагвае. Ура!

А 31 января этого же года состоялось традиционное заседание партийно-хозяйственного актива Западно-Сибирского УГМС, посвящённое итогам 1988 года. Я выступил с коротким докладом о результатах оперативно-прогностической и методической работы Гидрометцентра, о перестройке в вопросах организации его деятельности. Конечно, говорил о демократизации в сфере управления и общественной жизни, о прошедших выборах руководителей отделов и групп, о значительном сокращении штатной численности ГМЦ и сетевых подразделений, о курсе на совершенствование технологии работ, автоматизацию обработки гидрометданных, внедрение новых передовых численных и расчётных методов гидрометпрогнозов. Проводимая работа отразилась на качестве метеорологических прогнозов: с 1983 по 1988 год успешность прогнозов на сутки повысилась по УГМС в среднем на 1,2%, достигнув уровня 93,5% (по территории субъекта федерации), а на 2-3 суток на 1,7% (90,5%). (Это скромно, но всё же, всё же!) Привёл в своём выступлении несколько примеров эффективных прогнозов штормовых событий. Один из них – предупреждение на 17-19 апреля 1988 года об ураганном ветре до 25-30 м/с, а на Алтае до 35-40 м/с, вызванном бурным перемещением южного циклона и его атмосферных фронтов. Усиление ветра до опасных пределов было предсказано с заблаговременностью от 0,5 до 1,5 суток. Отметил ещё

эффективное (и даже – красивое!) штормпредупреждение с заблаговременностью 3-5 суток о резком ухудшении погоды на 17-19 октября: дождь, переходящий в снег, усиление ветра до 15-20 м/с, установление временного снежного покрова, гололёдные явления, понижение температуры до минус 5...10°С. Штормовая погода была вызвана арктическим вторжением воздушных масс в тылу “ныряющего” с Северного Урала на юг Западной Сибири глубокого циклона. Перестройка атмосферных процессов и “дыхание Арктики” были блестяще предсказаны Европейским центром среднесрочных прогнозов. По этому поводу в моём дневнике появилась запись: “Да здравствует схема ЕЦССП!” Не скрыл я своего восторга и во время доклада; В.И. Зиненко не разделял такого преклонения перед европейскими коллегами, а потому не без иронии заметил: “Ну, вы перед Западом штаны готовы снять!” А почему бы и нет, если, благодаря такому заблаговременному и точному прогнозу, работники Агропрома сумели ускорить темпы уборки урожая и заготовки овощей на зиму. Вообще, сельскому хозяйству тогда уделялось большое внимание: специализированные агрометнаблюдения на мелиорируемых землях, на полях с интенсивной технологией земледелия и орошаемых полях в 1988 году вели на 65 гидрометстанциях, а соответствующая информация помещалась отдельным разделом в декадных бюллетенях и справках.

В тот год появились новые народнохозяйственные объекты – потребители оперативно-прогностической продукции: в ЗСРП новый водный маршрут Томск – Красный Яр (суда на воздушной подушке), Алтайский центр – Агроресурсы и другие. По просьбе жителей Новосибирска синоптики нашего Гидрометцентра стали размещать в местных газетах (“Советская Сибирь”, “Вечерний Новосибирск”) и в витрине погоды возле здания Управления прогнозы изменения давления вместе с суточным прогнозом погоды.

Позднее пришли итоговые оценки Госкомгидромета по всем показателям деятельности территориальных УГМС за истёкший год. По Западно-Сибирскому УГМС показатели по качеству гидрометобеспечения народнохозяйственных организаций в 1988 году были несколько выше, чем в 1987 году (4,7 балла против 4,5 балла).

Сразу после завершения партийно-хозяйственного актива я направился на железнодорожный вокзал и оттуда, на электричке, в санаторий “Речкуновка”, где провёл три недели отпуска. Великолепный воздух, сосновый бор, отдых, разумное лечение, физиопроцедуры, рациональное питание, лыжные прогулки. С каждым днём я проходил на лыжах всё дальше и больше: пересекал пространство Бердского залива, разведая лыжню, выходящую на лыжную базу Академгородка (им. Алика Тульского), и там с удовольствием проходил все довольно крутые подъёмы и спуски. Я всё ещё был в неплохой спортивной форме, дистанции 5 и 10 км бегал в скоростном режиме на уровне 3-го спортивного разряда.

В период моего отпуска произошло ещё одно важное военно-политическое событие: 15 февраля 1989 года завершился вывод советских

войск из Афганистана; арьергард нашей армии во главе с генералом Б.В. Громыным прошёл по 900-метровому мосту через Аму-Дарью возле узбекского города Термез.

Да, а интрига по вопросу создания объединённой структуры из гидрометеорологов и экологов сохранялась до марта 1989 года. Но весенняя коллегия Госкомгидромета поставила окончательную точку: подавляющее большинство территориальных УГМС Гидрометслужбы высказалось против объединения своих Гидрометцентров и ЦНЗПС. Ух! Казалось, что можно перевести дыхание, но не тут-то было...

В начале марта 1989 года на стол начальника Западно-Сибирского УГМС легло коллективное заявление синоптиков Алтайского ЦГМС об увольнении по причине неудовлетворённости размерами их окладов,

Г.С. Зинченко

премий; в своём письме работники центра утверждали, что их попросту “обделили” ставками по сравнению с другими отделами. Через несколько дней в Барнаул отправилась комиссия Управления во главе с главным синоптиком Гидрометцентра Л.Н. Староватовой. Я попытался провести сравнительный анализ штатно-окладных расписаний специалистов Алтайского Центра в сравнении с другими областными центрами. Оказалось, что оклады “алтайцев” действительно, хотя и незначительно, но всё же уступают окладам синоптиков других центров. 20 марта комиссия

вернулась из Барнаула с нулевым результатом. На требования алтайских синоптиков руководство Управления ответило отказом. Тогда руководитель отдела Алтайского ЦГМС Г.С. Зинченко сообщила, что с 4 апреля синоптики Центра объявляют забастовку, то есть не выйдут на работу. По какой-то причине о телеграмме Галины Станиславовны поздно вечером 3 апреля узнала Староватова; сообщив мне о ней, добавила: “Чтоб ты тоже не спал в эту ночь!” Реакция руководства УГМС была молниеносной: Г.С. Зинченко и ещё трое синоптиков АЦГМС с большим опытом работы были уволены. Мои попытки вмешаться в эту ситуацию, добиться какого-то компромиссного решения с учётом требований забастовщиков, используя авторитет партийной организации УГМС и лично парторга Управления В.П. Крысова, не увенчались успехом. Таким образом, была ликвидирована группа синоптиков, которая обеспечивала прогнозами погоды малой заблаговременности (на двое суток и более) территорию Алтайского края и Республики Алтай. Поскольку эти должности в АЦГМС были к тому же сокращены, руководство УГМС собиралось передать эти функции синоптикам нашего Новосибирского Гидрометцентра. А вот здесь коллектив ГМЦ раскололся: часть синоптиков соглашалась взять на себя ответственность за прогнозы по этой территории, другая часть не хотела быть в роли “штрейкбрехеров” и отказывалась подчиняться указаниям сверху. Усилиями “горячих” голов (М.Г. Зубович, О.Н. Петякшина,

Р.Н. Молчанова) дискуссия в коллективе порой взлетала к “точке взрыва”. В середине апреля на совещании в руководстве УГМС было принято решение доплачивать синоптикам группы долгосрочных прогнозов ГМЦ 50% к окладу за составление прогнозов малой заблаговременности по Алтаю. На этом страсти временно утихли.

С.В. Шамрай

С критическим настроем проходило весеннее заседание Технического Совета УГМС по проблеме подготовки гидрологической сети к весенне-летнему половодью. Горячо, страстно выступала и.о. начальника Алтайского ЦГМС С.В. Шамрай: на сети не хватает лодок, лебёдок, приборов, гидрометнаблюдатели не довольны окладами, отсутствием премий. Ситуацию осложняла аномально тёплая погода в третьей декаде марта, которая способствовала интенсивному таянию снега и развитию весенних процессов на реках южной части бассейна Оби. Нервничали молодой начальник группы гидрологических прогнозов ГМЦ В.Ф. Богданова и её коллеги, поскольку вскрытие Оби и Томи (с притоками) произошло в экстремально ранние сроки. Хорошо ещё, что максимальные уровни весеннего половодья 1989 года были на 1-3 метра ниже нормы.

В конце марта меня пригласили в Обком КПСС на совещание руководителей партийных организаций колхозов и совхозов Новосибирской области. Кажется, я в первый раз был в здании Обкома на Красном проспекте (и, наверное, в последний): поразила роскошная обстановка, ковры, мраморные стены и полы, уют, обслуживающие партийных работников шикарные женщины с красивыми формами. Я доложил информацию о сложившихся и ожидаемых агрометеорологических условиях на весну и лето 1989 года. А условия на полях были сложными, напряжёнными: зима 1988-89 годов выдалась малоснежной, с осени почва была недостаточно увлажнённой. Из-за частых оттепелей и образования ледяной корки гибель озимых в Новосибирской области достигала местами 40-90%. Весной снег с полей сошёл рано, хорошей весенней влагозарядки почвы не произошло. В связи с этим в своём выступлении я ориентировал селян на возможность формирования засушливой погоды в течение летнего вегетационного периода и необходимость проведения сева в сжатые сроки с целью сбережения влаги. Как показала жизнь, эти рекомендации, разработанные агропрогнозистами ГМЦ под руководством Э.В. Земляной, вполне оправдали.

В середине марта мне пришлось совершить неожиданную и, я бы сказал, экзотическую

Н.Г. Матюшечкин

командировку в Новокузнецк и Темиртау: поступило задание от УГМО Госкомгидромета рассмотреть возможность вхождения обсерватории А.В. Дьякова в систему Гидрометслужбы страны. После смерти Анатолия Витальевича в феврале 1985 года обсерваторией заведовал его сын Камилл. Вместе с начальником ОГСН (отдел государственной наблюдательной сети) Н.Г. Матюшечкиным и начальником гидрологической станции Новокузнецк В.С. Кокорниковым мы прибыли в Темиртау. Дом (изба) Дьяковых оказался на вершине горы, куда вела крутая тропа. Нас встретила вдова А.В. Дьякова, седая пожилая женщина. Камилл стоял на крыльце, придерживая собаку; он нам показался приятной наружности, молодым интеллигентным человеком, хорошо сложенным. Говорил неторопливо, вдумчиво, не было в нём никаких признаков театрального, религиозного фанатизма и запальчивости, характерных для его отца; заметна была его склонность к юмору. Сидели мы на знаменитом диване, том самом, на котором сживали, как напомнил Камилл Анатольевич, писатели, журналисты, учёные и даже министры. Из беседы выяснилось, что инициатива с переходом в Гидрометслужбу исходит от него самого: он написал письмо директору ГГО Е.П. Борисенкову, тот перенаправил его обращение руководству Госкомгидромета, а уже оттуда указание пришло в Западно-Сибирское УГМС. Он сообщил, что в Гидрометиздате готовится публикация трудов А.В. Дьякова; задержка связана с М.А. Петросянцем, который всё ещё не даёт отзыва на эти труды. Обратили мы внимание на большую фотографию Анатолия Витальевича в несколько театральной позе, напоминающей позу императора перед сражением. Осмотрели довольно большое здание астрономической обсерватории (15x8 м²) с французским телескопом, подаренным членом Политбюро ЦК КПСС Д.С. Полянским (но за счёт средств местного рудоуправления).

К.А. Дьяков

В ходе беседы мы предложили К.А. Дьякову два варианта вхождения в Гидрометслужбу: либо в структуру СибНИГМИ, как научного сотрудника института, либо в состав наблюдательной сети ЗСУГМС, с организацией метеостанции в Темиртау. Мы не скрыли трудностей, связанных со вторым вариантом: нужен штат не менее 5 техников-метеорологов, приборный парк. Ну, и в случае продолжения его научно-прикладной деятельности, он должен соблюдать принятые в Госкомгидромете нормативные требования при разработке, испытании и внедрении новых методов прогнозирования. Сразу стало ясно, что Дьякова более устраивает научный вариант, хотя на вопрос, составлял ли он прогноз на весну и лето, Камилл Анатольевич ответил уклончиво: мол, прикидки были, но окончательный прогноз не сформулирован. Он полагает, что весна в Западной Сибири будет с частыми возвратами холодов, а засуха вероятна

на юго-востоке европейской территории Союза. (Соображения К.А. Дьякова о характере весенней погоды в Сибири оказались верными, а летняя засуха охватила все южно-сибирские регионы, а не только “кусочек” ЕТС.) Мы всё же зашли в правление ПО “Сибруда” в Темиртау, и Н.Г. Матюшечкин попытался прозондировать возможность выделения рудоуправлением дополнительного лимита по труду (в размере около 500 рублей в месяц) для организации круглосуточных метеорологических наблюдений на “ведомственной” метеостанции Темиртау; управленцы обещали подумать, но через месяц в дополнительном фонде отказали.

После возвращения в Новосибирск я договорился с П.Ю. Пушистовым пригласить К.А. Дьякова на заседание Учёного Совета института, чтобы обсудить с ним возможности научно-прикладного сотрудничества.

Е.Н. Гоголинская

А природа Сибири подбрасывала сюрпризы и катаклизмы: 9-10 апреля из районов Аральского моря на Западную Сибирь прорвался глубокий южный циклон с атмосферными фронтами. Уже 7 апреля мы дали первое штормовое предупреждение об усилении ветра на юге Сибири более 20 м/с. Старший синоптик дежурной смены Е.Н. Гоголинская 8 апреля подтвердила его и усилила в прогнозе силу ветра до 25-30 м/с. В ночь на 9 апреля я уже слышал зловещий свист ветра за окном, а утром шёл на работу, с трудом преодолевая напор стихии. Фактически, на 23 метеостанциях Новосибирской, Кемеровской областей, Алтайского края и Республики Алтай максимальная скорость ветра достигала 25-30 м/с, а на четырёх станциях – 34-40 м/с. На юго-востоке Западной Сибири произошли массовые обрывы проводов, отключения ЛЭП, нарушения энергоснабжения и связи, работы башенных кранов. На одном из участков Кемеровской железной дороги на три часа прекращалось движение поездов.

17 апреля стало известно о внезапной смерти начальника ГМБ Новокузнецк Э.В. Высоких. По указанию руководства УГМС я 18-го выехал в Новокузнецк, где встретился с начальником отдела Кемеровского ЦГМС Мактри, старшим инженером ГМБ А.К. Максимовой и уже знакомым (по мартовским встречам) В.С. Кокорниковым. Максимова в разговоре со мной возложила вину за произошедшее на руководство Кемеровского ЦГМС и УГМС, на всех, кто планировал ликвидацию Гидрометбюро: нервные переживания привели Э.В. Высоких к инсульту и преждевременной смерти. Собрание коллектива ГМБ провели 20 апреля. Выступая перед синоптиками, я напомнил о заслугах Э.В. Высоких в проведении качественного гидрометеобеспечения отраслей экономики и населения юга Кузбасса, призвал бережнее относиться друг к другу и к руководителям. После этой фразы последовал возглас одного синоптика к Максимовой:

“Альбина! Покажи наши кардиограммы!” По моему предложению, провели выборы (тайным голосованием) нового начальника ГМБ. Большинство поддержало А.К. Максимова. Впрочем, когда обсуждали возможность объединения подразделений Гидрометслужбы, расположенных в Новокузнецке, в единую структуру, все эту идею поддержали. Об итогах выборов мы дали телеграмму в Кемерово; через час пришёл ответ от начальника Кемеровского ЦГМС О.П. Андрахановой, что приказом (от 20 апреля) Максимова назначена и.о. начальника ГМБ. Тут же прибывшие бухгалтеры ЦГМС вскрыли сейф и составили акт передачи материальных ценностей новому руководителю (деловой конвейер не должен простаивать!).

А.К. Максимова

Реорганизация подразделений Гидрометслужбы в Новокузнецке завершилась в ноябре 1989 года: в результате объединения всех структур была образована Гидрометобсерватория Новокузнецк, а начальником был избран В.С. Кокорников.

Трагичные события в Новокузнецке заставили отложить наши встречи с К.А. Дьяковым практически на месяц. 16 мая в переполненном конференц-зале УГМС состоялось совместное заседание Учёного Совета СибНИГМИ и Технического Совета Западно-Сибирского УГМС с участием приглашённых учёных и специалистов, просто любопытных слушателей, на котором Камилл Анатольевич рассказал о некоторых принципах составления долгосрочных прогнозов погоды, которыми пользовался его отец (А.В. Дьяков). Мне его доклад показался довольно бледным, без доказательной базы, с какими-то общими рассуждениями, без изложения конкретных этапов и приёмов прогнозирования. Впрочем, комментарии учёных (Э.И. Гинзбург, А.А. Фоменко, Г.М. Виноградова, И.Г. Храмова) были вполне корректными и склонялись к поддержке использования солнечно-атмосферных связей в долгосрочных прогнозах. Опираясь на свой достаточно противоречивый опыт, я критиковал односторонние представления о причинах формирования аномалий погоды, говорил о необходимости объективных критериев оценки качества долгосрочного прогноза. Н.Г. Матюшечкин и Н.Е. Чухиль говорили о возможности открытия метеостанции в районе Темиртау; правда, Николай Емельянович оценивал такую возможность довольно скептически. С учётом дискуссии, Г.М. Виноградовой, К.А. Дьякову и мне было поручено подготовить заявку на тему НИР, предусматривающую обобщение исследований и рекомендаций А.В. Дьякова по составлению долгосрочных прогнозов погоды на базе солнечно-атмосферных связей. Впоследствии была разработана программа работ, которая в июне была согласована с К.А. Дьяковым. Но через год, в июне 1990 года Камилл Анатольевич сообщил, что его избрали главой поссовета Темиртау; естественно, работа по теме НИР прекратилась, а в условиях оптимизации и сокращения “всего

и вся” самоликвидировался и вопрос организации метеостанции в районе Тамиртау.

Но вернуться снова в май 89-го года. В Новосибирске 17-18 мая состоялось первое заседание научно-административного (позднее переименованного в научно-координационный) Совета Урало-Сибирского региона. Директор СибНИГМИ П.Ю. Пушистов организовал работу в стиле заседаний органов ВМО: столы руководства и секретариата были завалены кипами документов, резолюций, проектов. Только на протокольные вопросы (обсуждение повестки дня, разбор деловых предложений и т.д.) ушло не менее двух часов. Обильно и долго спорили по темам НИР. А стоило ли? Ведь 90% тем были переходящими; тем не менее, скомпоновали несколько НИР региональной тематики, которые смогут войти в сводный план Госкомгидромета по науке, если Москва выделит на эти темы дополнительные денежные средства. Кто же принимал участие в этом, первом, заседании НКС? Кроме руководства и представителей Западно-Сибирского УГМС и СибНИГМИ, начальник Уральского УГМС А.А. Успен, начальник Омского УГМС В.С. Пронин, начальник Красноярского Гидрометцентра В.М. Чернов, начальник Иркутского Гидрометцентра Н.В. Савинова. Запомнилось два эпизода этого заседания. Начальник отдела СибНИГМИ М.И. Черникова сообщила, что в недалёком будущем в её отделе будет разработан и передан на оперативные испытания метод прогноза урожайности яровых культур заблаговременностью до полугода, то есть до сева (!!!). Это было в новинку, поскольку факторами формирования урожая являются агрометеусловия (режим осадков и температуры) лета, особенно июня и июля, а по замыслу Черниковой, предпосылки грядущего урожая могли определяться уже ранней весной, например, в марте (?!). Другим эпизодом стало своеобразное противостояние начальника ЗСУГМС и директора СибНИГМИ. Василий Иванович буквально “продавливал” к исполнению некую тему НИР по мониторингу загрязнения атмосферы, а Пётр Юрьевич доказывал невозможность её выполнения в настоящее время. В конце концов, Пушистов вспомнил известное изречение Льва Толстого и изящно перефразировал его, призвав к “непротивлению насилием” при взаимодействии заказчика и исполнителя НИР. Эпизод вызвал смех в зале и несколько разрядил обстановку.

На заседании Технического Совета Западно-Сибирского УГМС 19 мая состоялся обмен опытом “перестройки” с представителями Омского и Иркутского УГМС. В.С. Пронин раскованно и свободно рассказал, что Омск перешёл на новые условия оплаты в числе последних в Гидрометслужбе страны: омичи добились финансовой дотации от Москвы, стабильности фонда заработной платы и премиального фонда. К продаже гидрометданных потребителям омичи ещё не перешли. “Посмотрим на ваши ошибки”, – мудро улыбнулся Пронин. И тут же лукаво поддел нас: “А мы своих из аппарата управления не скрываем в нашем Гидрометцентре!” (Действительно, кое-кто из состава АУП Западно-Сибирского УГМС

числился в штатном расписании нашего Новосибирского ГМЦ.) Когда выступала Н.В. Савинова, то нашему руководству понравилась жёсткость премиальной системы в Иркутском УГМС: по словам Нелли Васильевны, если на какой-либо метеостанции случается ЧП, например, разбит барометр, то отдел метеорологии Иркутского Гидрометцентра весь лишается премии; считается, что инцидент – следствие неудовлетворительного методического руководства наблюдательной сетью. Тут Р.Я. Гесс, наш куратор в руководстве УГМС по работе с сетью, выразительно посмотрел на меня и покачал головой, явно призывая приглушить “либерализм” руководства нашего Гидрометцентра в этом вопросе. Далее Н.В. Савинова поведала, что за проданную потребителям гидрометинформацию исполнителям договоров платят лишь в том случае, если эта информация подготовлена только в нерабочее время. (Небесспорное решение, но нашему руководству и оно пришлось по сердцу.)

Серия майских совещаний 1989 года завершилась довольно-таки скандальной встречей с прибывшим в Новосибирск главным специалистом ГлавПЭУ Госкомгидромета Г.Н. Чернятьевой. Она была направлена к нам в связи с массовыми жалобами сотрудников Западно-Сибирского УГМС на низкие зарплаты и отсутствие премиальных. Накануне её приезда, на одном из последних совещаний, В.И. Зиненко не без раздражения обратился к нам, руководителям головных подразделений: “А может, вы нарочно нервируете людей?” Тем не менее, выступая перед нами, Чернятьева отметила, что жалобы трудящихся обоснованы, что в процессе перехода на новые условия оплаты труда в ЗСУГМС были допущены просчёты и ошибки. Добавила, что для обеспечения устойчивой премиальной системы надо использовать не только ресурсы экономии фонда заработной платы, но надо создать стабильный премиальный фонд. Далее последовала серия не менее “радостных” выводов. Оказывается, наше Управление вышло на первое место по обилию жалоб трудящихся, и, по её расчётам, для обеспечения премиального фонда нашего УГМС надо дополнительно сократить 80-100 единиц рабочих мест, что может дать экономию ФЗП около 200 тысяч рублей. (Доигрались! Вот тебе и Юрьев день! Снова надо “перетряхивать” штаты ГМЦ и других подразделений.)

В конце мая несколько раз заседали с участием Л.Н. Староватой, Р.И. Салтыковой у Н.Г. Матюшечкина, изучали штаты НЗАМЦ, других АМСГ, искали резервы для сокращения. В беседе с В.И. Зиненко я призывал к осторожности, с учётом недавнего “взрыва” в Барнауле предупреждал о возможности новой забастовки. Василий Иванович ответил кратко: “Переживём, но обеспечим премиальный фонд”.

А весна принесла с собой бурные, противоречивые, порой кровавые события. В опубликованном 1 апреля решении ЦК КПСС по сельскому хозяйству провозглашался курс на “крепкого хозяина земли” - арендатора или кооператора, отказ от командного стиля на селе, ликвидировался Агропром. Говорилось о необходимости разумных цен на сельхозпродукты.

Но все эти решения были в общем виде, без конкретных сроков и поручений министерствам.

В Тбилиси 9 апреля начались беспорядки. Митингующие требовали отделения Грузии от СССР, увольнения коммунистов. Улица Руставели была запружена народом. При разгоне митинга сотни человек пострадали, были жертвы. В городе ввели комендантский час. Бурными были дебаты на открывшемся в мае 1989 года Съезде народных депутатов СССР по Тбилисской трагедии. Депутаты обвиняли командующего Закавказским военным округом генерала И.Н. Родионова в организации резни, в применении против демонстрантов отравляющих веществ. Родионов возмущённо оправдывался. Никто из членов правительства не признался в даче приказа на убийство людей. Съезд предложил выразить вотум недоверия правительству.

А накануне тот же съезд двумя тысячами голосов избрал М.С. Горбачёва Председателем Верховного Совета СССР, хотя многие критиковали его за совмещение государственной и партийной власти. Довольно смело и независимо вёл себя второй кандидат на этот пост А.М. Оболенский, как говорили, инженер с Хибинского химкомбината. В своём выступлении на съезде он призвал обратить внимание на тех, кто находится у порога нищеты, на пенсионеров, требовал ликвидировать льготы для высокопоставленных чиновников. Вообще казалось, что этот съезд не похож ни на какие предыдущие события подобного рода: все говорят удивительно остро, метко и довольно умно.

В начале июня произошли кровавые межнациональные столкновения в Фергане между узбеками и турками-месхетинцами, сопровождавшиеся жертвами с обеих сторон. А из-за аварии на участке газопровода Уфа-Челябинск при прохождении встречных поездов в Адлер и Новосибирск произошёл взрыв газа, всё было охвачено огнём. Снова массовые жертвы: погибло 575 человек, свыше 600 получили ожоги и другие травмы. В стране был объявлен траур, к месту трагедии вылетали М.С. Горбачёв и Н.И. Рыжков. (“Удивительно несчастливое царствование”, – думалось мне тогда.)

Из скандальных эпизодов на Съезде народных депутатов запомнилось выступление делегатки из Узбекистана, которая обличала академика А.Д.Сахарова за его утверждение о том, что наша авиация с воздуха расстреливала раненых советских воинов, окружённых душманами в горах Афганистана: “Эстидна вам, таварич академик!”

Политика политикой, но надо было выполнять рекомендации Москвы и прямые указания руководства ЗСУГМС по “обрезанию” Гидрометцентра. Уже через две недели после разгромной речи Г.Н. Чернятьевой поступила новая разнарядка ПЭО на сокращение штатов, а ещё через несколько дней – рекомендации совета трудового коллектива (СТК) УГМС, нашего общественного органа, по тому же вопросу. Между прочим, в справке СТК рекомендовалось АУП отозвать своих сотрудников из головных подразделений Управления (в том числе из Гидрометцентра)

или даже их сократить. Частично эти рекомендации были выполнены. Но “костёр” недовольства, вызванного разрядкой на сокращение, продолжал разгораться. Запомнился визит ко мне начальника отдела краткосрочных прогнозов погоды Л.И. Мальцевой и старшего инженера отдела Р.Н. Молчановой. При этом, наиболее агрессивно как раз вела себя Римма Николаевна: она уже забыла своё обещание не конфликтовать со мной, данное во время моей болезни. Упрекая меня за нежелание сокращать руководство ГМЦ (должность главного синоптика), Молчанова заявила напрямик: “Я бы могла у вас сесть, неужели бы завалила работу?!” Я проявил деликатность и не сказал прямо Римме Николаевне о впечатляющей разнице в компетентности её и главного синоптика ГМЦ Л.Н. Староватой! (А, может быть, надо было?!)

Организационные и нравственные муки отразились на моей нервной системе: навалилась апатия, снизился жизненный тонус, вновь вернулись злые мысли уйти в институт, на малозаметную должность младшего научного сотрудника и скромную зарплату. В одну из июньских ночей ко мне во сне явились В.И. Зиненко и наш “великий вождь” И.В. Сталин, причём у Иосифа Виссарионовича были отчаянно красивые усы, и он говорил почти без акцента. Дуэтом они меня распекали за всё: и за неверие в перестройку, и за торможение процесса перехода на хозрасчёт, и за невыполнение указаний по оптимизации численности коллектива ГМЦ и ещё за что-то. А вот тут “мои вожди” были неправы. Ещё в марте к нам поступили предварительные рекомендации ГГО по определению стоимости гидрометеорологической продукции (бюллетеней, справок, прогнозов и пр.). Мы начали, пока осторожно, сами и через БРИС (бюро расчётов и справок), развивать договорные отношения с потребителями. Создали в Гидрометцентре экономическую комиссию для контроля поступления платежей за гидрометданные. В начале июня ГМЦ заключил первый крупный договор с геологическим управлением, в котором должны были принимать участие отделы метеорологии, агрометеорологии и группа гидропрогнозов. В это же время я набросал проект “Временного положения о распределении средств от реализации гидрометпродукции по договорам”. В середине июня поступили счета за продажу нашей продукции за первое полугодие на сумму около 7 тысяч рублей, и по утверждённому ранее аналогичному “Положению...” в целом по ЗСУГМС нашему Гидрометцентру причиталось 30% от этой суммы, то есть что-то около двух тысяч рублей. 21 июня на планово-экономическом совете ГМЦ после двухчасовой дискуссии, переходящей временами в оглушительный крик, было утверждено (с поправками) наше “Временное положение...”, а заодно и распределение поступивших по договорам денег.

Некоторые головные подразделения УГМС, учитывая допущенные сотрудниками ПЭО ошибки и не доверяя их компетентности, сами стали оценивать и рассчитывать экономию фонда заработной платы. Мы в ГМЦ тоже решили не отставать и время от времени направляли своих представителей к экономистам и бухгалтерам Управления уточнять,

проверять (и перепроверять) экономию ФЗП за конкретные месяцы и кварталы.

Однако, тучи над моей головой сгущались. В начале июля на совещании по итогам гидрометдеятельности за прошедший месяц начальник ПЭО Н.Е. Чухиль доложил, что разнарядку на сокращение штатов не выполнили два подразделения: Новосибирский Гидрометцентр и Кемеровский ЦГМС. Было тяжело, я был вынужден занять “круговую оборону”, тем более, что руководство ГМЦ критиковали не только представители руководства УГМС, но и ближайшие коллеги – руководители других центров. В.П. Крысов заявил, что ГМЦ чувствует себя центром Управления, а потому позволяет себе “фрондировать”, Д.Н. Щенина добавила, что ГМЦ всегда был в привилегированном положении... (с чего бы?!) В.И. Зиненко закончил обсуждение выводом: “Руководство ГМЦ в данном вопросе показало свою несостоятельность, надо лишить его премии”. Когда перешли к обсуждению (или осуждению?) Кемеровского ЦГМС, то Ольга Павловна Андраханова просто разрыдалась. Это было больно видеть: рыдает “железная леди” Кузбасса! После окончания “судилища” в кулуарах пошли слухи, что О.П. Андраханова намерена уйти на работу в органы местной власти. Да, в эти годы перестройки нервы сдавали у многих руководителей, были и более серьёзные проблемы со здоровьем. В 1988 году и в первой половине 1989 года часто болела и ложилась в больницу (даже вовремя летнего отпуска) Л.Н. Староватова, которой пришлось претворять в жизнь ответственные и не всегда выполнимые поручения руководства Управления. Коллеги замечали странности в нервном поведении В.И. Зиненко. Секретарь начальника ЗСРВЦ Н.А. Кречетова как-то проговорилась, что из-за частых стрессов В.П. Крысов приходит на работу и уходит домой в полубольном состоянии. Стрессы отразились на здоровье главы Гидрометслужбы СССР Ю.А. Израэля; говорили, что в конце 1989 года он более трёх месяцев был в болезненном состоянии. Похоже, это произошло после бурного заседания на съезде народных депутатов в июле, когда обсуждалась кандидатура Юрия Антониевича на должность руководителя Госкомгидромета СССР. Критики припомнили ему все “грехи” (и реальные, и мнимые): его ругали и за Чернобыль, и за Байкал, и за Арал...

В мае инфаркт вывел на некоторое время из строя нашего, вновь избранного, профорга В.Н. Лебедева, который работал старшим инженером в отделе агрометеорологии Гидрометцентра и проводил методические инспекции агрометеорологических наблюдений на наблюдательной сети ЗСУГМС. Особое рвение он при этом проявлял при контроле качества, так называемых, специализированных наблюдений на агрометеорологических станциях: теплобалансовых, воднобалансовых, градиентных, актинометрических и других. Но вместо вдумчивой, разъяснительной методической работы с сетью Лебедев исповедовал какой-то наступательно-агрессивный, воинственный стиль. Больше всего доставалось агрометстанции Огурцово, где до перехода в ГМЦ работал Лебедев, и,

особенно, начальнику этой станции П.П. Нечипоренко. В период с декабря 1988 года по февраль 1989 года он дважды, минуя начальника ГМЦ и своего отдела, обращался с докладными к руководству УГМС, требуя за упущения в упомянутых наблюдениях снять начальника станции с этой должности. Когда же ему в этом требовании было отказано, то Лебедев написал письмо на имя В.И. Зиненко в ультимативно-оскорбительном тоне (дескать, сидите вы не в своём кресле!) и в знак протеста порвал полученные им ранее почётные грамоты Гидрометслужбы. (Весьма странной показалась мне тогда такая форма протеста.) Но в качестве профорга Лебедев импонировал коллективу, выступая зачастую против проектов "оптимизации и реструктуризации" сети и отделов ГМЦ. Сотрудники воспринимали его, как "защитника интересов трудящихся".

Между тем наступило лето, аномально жаркое и засушливое не только в Сибири, но и во многих районах страны. На территории деятельности ЗСУГМС кульминация засухи пришлась на период с начала июля до конца второй декады августа 1989 года. Максимальная температура достигала плюс 35...40°С, сопровождаясь суховеями (при скорости ветра 7-10 м/с и понижении относительной влажности воздуха до 15-30%). В большинстве районов за три летних месяца месячная сумма осадков составила не более 30-60% нормы, в отдельных районах Кулунды за лето не выпало ни капли дождя. Пахотный слой почвы был полностью иссушен. У яровых зерновых культур отмечалось засыхание листьев нижнего яруса, пустоколосица, у кукурузы – потеря тургора. Во многих районах уровень пожарной опасности лесов повысился до предельно опасных значений (пятого класса). В Новосибирской области за лето сгорело около 7,5 тысяч гектаров лесной и более 55 тысяч га нелесной площади, в Томской области пожары охватили 300 тысяч га леса. Отрадно, что жару и засуху мы предсказали и кратко-среднесрочными, и долгосрочными прогнозами. Уже в начале июля синоптики Новосибирского Гидрометцентра дали штормовое предупреждение об аномальной жаре (до 35°С и выше) на ближайшие 3-5 дней. Успешность месячных прогнозов аномалий температуры на июнь-август достигала 87-98%, а аномалий месячных сумм осадков – 71-75%. Конечно, жаркое и сухое лето обусловило резкое снижение урожайности яровых зерновых, но и это было предсказано агрометеорологами: долгосрочный прогноз урожайности оправдался по УГМС на 93-95%.

В.А. Бокон

В течение лета Новосибирский обком КПСС и облисполком неоднократно запрашивали справки о сумме выпавших осадков, особенно, по районам Кулунды. Забегая вперёд, скажу, что на осенней сессии облисполкома его председатель В.А. Боков признал свершившийся факт невыполнения планов по сельскому хозяйству: средняя урожайность зерновых по Новосибирской области составила лишь 11,1 ц/га, а по

территории она колебалась от 5 ц/га в Баганском районе до 24 ц/га в Тогучинском. Низким был сбор картофеля. Владимир Анатольевич вынужден был признать, что 15 тысяч тонн картофеля область была вынуждена закупить... в Монголии (!).

Засушливые явления обусловили резкое падение водности рек в бассейне Оби, низкие уровни воды в период летнее-осенней межени (ниже проектных отметок судового хода), что вызвало затруднения в работе речного флота. Приток воды в Новосибирское водохранилище едва превышал половину нормы (55-85%), что создавало проблемы в работе городских водозаборных сооружений Новосибирска и Бердска. Впрочем, и эти аномальные параметры гидрологического режима были в целом удачно предсказаны гидрологами Новосибирского Гидрометцентра.

Лето 1989 года было грозным и опасным не только природными катаклизмами, но социально-политическими событиями. В середине июля забастовали шахтёры Кузбасса, а затем Донбасса: они требовали повышения цен на уголь, отчислений на социальные программы по улучшению жизни шахтёров, увеличению поставки товаров первой необходимости. И напрасно Верховный Совет обратился с воззванием к народу воздерживаться от забастовок до принятия соответствующего закона, маховик волнений раскручивался. К шахтёрам была направлена правительственная комиссия во главе с членом Политбюро ЦК КПСС Н.Н. Слюньковым. В двадцатых числах июля вспыхнули беспорядки в Сухуми на почве национальной розни между абхазами и грузинами.

У коллектива Кемеровского ЦГМС было сильное желание присоединиться к стачке шахтёров Кузбасса; там даже сформулировали требования к руководству УГМС: повысить районный коэффициент к окладу до 0,3, поднять уровень оплаты ночных смен, увеличить длительность очередного отпуска и так далее. 24 июля В.И. Зиненко срочно выехал в Кемерово и отговорил гидрометеорологов от участия в забастовке; более того, убедил их провести сокращение штата, а большую часть тяжёлых и нерешённых вопросов переадресовал в Москву. Кстати, осенью закон о трудовых конфликтах был принят и опубликован. В законе предусматривалось рассмотрение требований работников через примирительные комиссии и арбитраж, прежде чем дело дойдёт до забастовки; запрещалось проводить забастовки в энергетике и на транспорте. Вряд ли принятие этого закона стало сдерживающим фактором конфликтов. (“Джин вылез из бутылки”). В августе пришло сообщение: коллектив АМСГ Минск потребовал пересмотра условий труда; в случае отказа пригрозил забастовкой.

Накалялась обстановка в нашем Западно-Сибирском УГМС. И хотя в начале августа было принято новое премиальное положение по Управлению, прошёл слух, что оно не обеспечено стабильным премиальным фондом. Началось брожение в коллективе связистов НСАСПД, руководимом Т.П. Соболевой. На планёрке рукостава

Гидрометцентра (10 августа) оправившийся после инфаркта В.Н. Лебедев темпераментно призвал бойкотировать разнарядку руководства УГМС по сокращению штатов. В ответ на эти протесты В.И. Зиненко заявил следующее: “Кто не обеспечит сокращение и допустит забастовку, тот руководителем коллектива не будет!” “Генеральное сражение” в коллективе Гидрометцентра состоялось 18 августа: в течение 2,5 часов шло собрание коллектива. Лебедев снова зачитал решение профкома ГМЦ с откровенным призывом к саботажу курса руководства УГМС. Выступивший на собрании Зиненко гарантировал коллективу ГМЦ стабильную премию (не менее 10% к окладу), при условии выполнения разнарядки на сокращение штатов. Следом выступили мы с А.Г. Каминским с призывом поверить руководителю Управления. Хотя часть работников покинула зал заседания, но большинство оставшихся (24 человека) поддержало этот призыв; против проголосовало 16 человек. Сразу после собрания я написал докладную в ПЭО по сокращению штатов (в соответствии с разнарядкой). В моём дневнике появилась запись: “В конце дня был изжён и смят”.

При таких конфликтах и в угнетённом настроении как-то слабо верилось в возможные успехи “основных направлений внешней и внутренней политики СССР”, опубликованные летом этого года в постановлении Верховного Совета страны, где говорилось о корректировке пенсий с учётом “индекса стоимости жизни”, обещании доплачивать тем, у кого зарплата ниже прожиточного минимума. Провозглашалась судебная реформа, внедрение суда присяжных. Говорилось о решении проблемы прав немцев Поволжья, крымских татар, турок-месхетинцев. Раздражали телекадры визита М.С. Горбачёва и его безупречно элегантно супруги Раисы Максимовны в Китай и ФРГ с дежурно приветливыми улыбками гостей и встречающих. А в сентябре в газете “Правда” появилась скандальная статья, перевод из итальянской газеты “Republika” о недостойном поведении Б.Н. Ельцина во время его визита в США. Да мы и сами видели по телевизору, как не вполне трезвый Борис Николаевич говорил о кризисе у нас и процветании в США. Главным было не то, что он говорил, а как это было сказано: “Вэ, Ка, Пе, Бэ и Эс, Эс, Эс, Эр”. На вопрос, остаётся ли он убеждённым коммунистом, он ответил довольно уклончиво: “Ну, меня ещё не исключили из партии”. (И это – будущий правитель России?!) А на сессии Верховного Совета СССР инвалид-афганец критиковал А.Д. Сахарова, Е. Евтушенко, ругал “лихих парней” из телевизионной программы “Взгляд” и призывал бороться за “Родину, Державу и Коммунизм”. (Но эти лозунги уже мало кого вдохновляли.)

В 20-х числах августа, сразу после изматывающего собрания коллектива ГМЦ, я вылетел по заданию Р.Я. Гесса в Казань на переговоры с руководством завода РТИ (резиново-технических изделий), который обеспечивал наши аэрологические станции оболочками для проведения аэрологического зондирования. В необходимости этой командировки была своя логика: накануне начальник отдела снабжения УГМС С.А. Мацура выяснил, что в руководстве завода в основном лица татарской

национальности, и мне, как татарину и уроженцу столицы Татарстана, легче будет выяснить причины невыполнения заводом поставок оболочек в наш адрес и, может быть, добиться их возобновления. В Казани я встретился с заместителем директора завода Газетдиновым и выяснил причины сбоя. Оказалось, что завод РТИ для своей деятельности получает сырьё от ереванского завода, который из-за забастовки в июне не давал сырья, а потому и казанцы находились в отпуске, а завод не производил оболочек. В свою очередь, Газетдинов также высказал претензию, что Западно-Сибирское УГМС из квартала в квартал снижает объём заказов, а это нарушает ритмичность работы завода. Постепенно мы перешли на смешанный русско-татарский диалект. Я упомянул в беседе о своём отце, эстрадном артисте.

С.А. Маврыа

Оказалось, мой собеседник видел его на сцене. Беседа смягчилась, в конце её Газетдинов заверил, что буквально через день-два нужная партия оболочек будет выслана в Новосибирск. Об итогах переговоров я сообщил руководству УГМС; как я понял, и В.И. Зиненко, и Р.Я. Гесс были довольны установлением неформальных связей с казанским заводом РТИ и результатом моей командировки. Но проблема с поставками оболочек вскоре возобновилась: в октябре Азербайджан объявил о блокаде Нагорного Карабаха и Армении. В телефонном разговоре Газетдинов сообщил, что из-за блокады вывоз сырья из Еревана производится самолётами, и он постарается отправлять оболочки в Новосибирск вовремя. Я в разговоре добавил просьбу на татарском языке: “Зинһар өчен”! (Ну, пожалуйста!)

Во время августовской поездки в Казань мне удалось посетить новое здание Ленинского мемориала на крутом берегу Казанки. Обилие фотоматериалов и документов до- и послереволюционной эпохи, периодов раскулачивания и массовых репрессий 30-х годов. Фотография и анкета начальника отдела Генерального штаба Красной Армии Х.Б. Мавлютова, расстрелянного в 1937 году: умное волевое лицо, напоминающее облик убиенного в том же году маршала М.Н. Тухачевского. Похоже, Мавлютов в Генштабе курировал восточное направление возможных военных действий, так как блестяще знал большинство языков тюркской группы: помимо татарского владел турецким, фарси, туркменским, казахским, узбекским. (Мелькнула мысль: “Если даже он в чём-то был виноват, разве нельзя было придумать другой способ наказания, кроме расстрела?”)

Удалось в этот приезд встретиться и пообщаться с отцом, который весной перенёс инфаркт после того, как в Татарском театре и филармонии он справил свой 80-летний юбилей. Но сейчас (Слава

З. Ахтямова

Аллаху!) он бодр и настолько здоров, что ещё принимает участие в творческой артистической жизни Казани. После чаепития мы с его второй супругой Зайтуной под аккомпанемент гармони отца пели татарские народные песни. Зайтуна Ахтямова, Заслуженная артистка Татарстана, солистка Татарского Ансамбля песни и танца, была в своё время известной певицей.

Августовские стычки и конфликты завершились отставкой и увольнением начальника ПЭО Н.Е. Чухиля. Лидером этого отдела стала Л.В. Мишина, дама неглупая, но чрезвычайно экзальтированная и, временами, взбалмошная.

Начало сентября ознаменовалось арктическим вторжением масс воздуха и сильными заморозками в Новосибирской области и соседних регионах: в ночные и утренние часы холодало, на почве и в воздухе, до минус 3...6°C. Заморозки повредили посадки сельхозкультур (кукурузы, овощей, гречихи, подсолнечника) на площади более 60 тысяч гектар. К счастью, о заморозках мы проштормили ещё 30 августа (с заблаговременностью более трёх суток) в виде и прогнозов, и специальных докладных директивным органам. Поэтому аграриями были приняты меры по минимизации ущерба (ускорение сбора урожая теплолюбивых культур, дополнительный полив посадок и др.). Но надо было решать производственную программу и для работников Гидрометслужбы. В середине сентября руководство УГМС организовало копку и вывоз урожая картофеля в одном из пригородных совхозов Новосибирска и вывоз урожая машинами Управления на его базу. А через день мужчины Гидрометслужбы, в том числе А.Г. Каминский и я, до позднего вечера развозили мешки по всем адресам работников УГМС: от аэропорта до Первомайки и Затулинки.

Остались в памяти яркие эпизоды двух юбилеев сотрудников Гидрометслужбы. В конце сентября небольшая группа работников Гидрометцентра и СибНИГМИ была в гостях у А.Г. Каминского, отмечавшего своё 50-летие. Неистощимая на всякие фантазии И.М. Касацкая заставила нас надеть цыганские цветастые рубашки и уже в подъезде дома Каминского затянуть популярную в те года песню “Перекати-поле”. После того, как “табор” ворвался в квартиру, “гадалка” (Инна Михайловна) стала ворожить по руке юбиляра его судьбу и будущее счастье, а потом изящным жестом вытащила из-под юбки свёрток с тёплым спортивным костюмом и подала ему: “Получай, ромалэ!” Я вручил Александру Григорьевичу приветственный адрес от коллектива ГМЦ, грамоту руководства УГМС и знак “Отличник Гидрометслужбы СССР”. Душой застолья стал начальник отдела НИГМИ А.Г. Чубенко; с каким юмором и непередаваемыми интонациями он зачитывал адрес от руководства института, причём, с перечислениями всех знаков препинания: “Уважаемый Александр Григорьевич, восклицательный знак. С чувством глубокого уважения, запятая...” Хорошо в тот вечер пелось: русские,

советские песни, романсы. Розовый от выпивки Чубенко время от времени рывкал: “Санька – с-с-с-ка! (и скороговоркой) Ой, что это я говорю!” А в конце вечера Каминский показал слайды, сделанные в его экспедиции в Горную Шорию с видами грозных снежных лавин, опрокинутых железнодорожных вагонов, поваленных сосен. (Жаль, что он не довёл материалы своей работы до кандидатской диссертации, очень жаль!) От той

сентябрьской встречи остался трогательный снимок: в центре юбиляр, по краям мы с В.М. Дубиковским в цветастых рубашках “цыганского” кроя.

Через месяц мы поздравляли в кафе “Сигма” с полувесковым юбилеем старшего научного сотрудника СибНИГМИ И.П. Прокопьеву, тоже с изрядной долей юмора. В шутовском приветствии от имени руководства Гидрометцентра я выразил сожаление о том, что исследования Ирины Петровны об эволюции и перемещении аральских циклонов не были использованы Минводхозом для спасения Аральского моря. Затем сёстры Бабаевы, Л.Н. Староватова и я изобразили послов некоей восточной державы. Когда мы вручали юбиляру подарок; я (в чалме) нёс на татарском языке всякую несусветную тарабарщину, вставляя временами модные словечки - перестройка, ускорение, бюджет. Муж Ирины Валентин, представительный красивый мужчина, прочёл стихотворение - послание жене: “Любите женщину в полсотни лет”. Под аккомпанемент аккордеона В.Н. Барахтина мы с моей супругой Тамарой спели дуэтом “Не искушай” и “В горнице моей светло”. В ответ Ирина Петровна прочла свои стихи, и очень недурные: о жизни, пройденных годах, друзьях и ещё о чём-то.

“Передышка” была небольшой, проблемы снова настойчиво стучались в двери. В начале октября, после методической инспекции в Алтайском ЦГМС, начальник отдела метеорологических прогнозов ГМЦ Л.И. Мальцева вернулась из Барнаула с тревожным сообщением: принятые на работу, после увольнения в апреле опытных синоптиков ЦГМС, молодые

кадры не имеют опыта и не могут обеспечить высокое качество прогнозов погоды и опасных метеоявлений. За последний месяц качество краткосрочных прогнозов синоптиков Алтайского ЦГМС в сравнении с другими Центрами оказалось примерно на 10% ниже. Ставшая вместо Г.С. Зинченко начальником отдела гидрометеобеспечения ЦГМС Т.В. Томина, молодая ещё женщина, представляясь мне, растерянно приговаривала: “И зачем только я согласилась?!” Надо было усилить внимание к “южному флангу” нашего Управления, подстраховывать Алтай хотя бы среднесрочными прогнозами, которыми занимались наши синоптики-долгосрочники. А потому в начале октября мы восстановили отдел долгосрочного прогноза погоды во главе с М.Г. Зубович, несмотря на противодействие некоторой части АУП Управления (Р.Я. Гесс, Л.В. Мишина). К счастью, наше предложение поддержал В.И. Зиненко. И вовремя: 10-13 октября на территорию юго-востока Западной Сибири прорвался глубокий аральский циклон и со скоростью 80-100 км/час пересёк наш регион. Энергетика циклона была настолько велика, что местами, особенно по Алтаю, ветры достигали ураганной силы (30-39 м/с). Конвективные явления летнего типа (гроза, ливни) сменились с прохождением холодного фронта вполне зимними явлениями (снегопады, метели, гололёдные явления). К 13 октября похолодало до минус 3...8°C, установился временный снежный покров. Через десять суток (20-21 октября) штормовая погода с усилением ветра, резким похолоданием и снежным покровом на Алтае и в Кемеровской области снова повторилась. К чести синоптиков нашего Гидрометцентра, шторма были предсказаны с приличной заблаговременностью (от двух суток), что позволило потребителям принять превентивные меры по минимизации ущерба.

В середине октября 1989 года перед Гидрометслужбой встала очередная, очень непростая, организационно-финансовая задача – обеспечить оплату ночных смен на наблюдательной и прогностической сети Госкомгидромета. Об этой проблеме поведала председатель ОКП Д.Н. Щенина после возвращения с Пленума ЦК профсоюза авиаработников, когда профсоюз потребовал от руководителей Гидрометслужбы изыскать финансовые средства на эти цели. В такой дотации почему-то особенно нуждалась сеть авиаметеостанций (АМСГ): и прогностическая, и наблюдательная. В начале октября пришло разъяснение из Москвы, что ресурсы для АМСГ следует изыскивать за счёт сокращения других структур Гидрометслужбы, то есть других гидрометстанций и головных подразделений (ГМЦ, ЦГМС, АСПД и пр.). Было понятно, что это приведёт к новому обострению социальной обстановки. При поддержке ОГСН и его начальника Н.Г. Матюшечкина мы подготовили проект обращения на имя руководителя Госкомгидромета Ю.А. Израэля, в котором обосновывали необходимость выделения денежных дотаций на оплату ночных за счёт федеральных средств Гидрометслужбы, поскольку все региональные структуры Гидрометслужбы уже прошли несколько этапов сокращения штатов. 24 октября на профсоюзной конференции Западно-Сибирского

УГМС проект нашего обращения в Москву (с небольшими поправками) был принят, и представитель теркома профсоюза авиаработников Вихарев обещал его со своей стороны поддержать при поездке в Москву. Но профконференция обсуждала не только этот вопрос: это была отчётно-перевыборная конференция, на которой Д.Н. Щенина выступила с докладом об итогах работы ОКП в условиях перестройки Гидрометслужбы. Хотя в докладе содержались критические нотки в адрес руководства УГМС, но, в целом, он был изложен достаточно дипломатично и даже гладко. А потому некоторые ораторы (В.Н. Лебедев, А.Х. Гафаров) упрекали руководство профсоюза в недостаточно принципиальной позиции при отстаивании интересов трудящихся. Лебедев прямо призывал усилить конфронтацию между профсоюзом и администрацией. Гафаров в своём выступлении связывал, что ОКП, партбюро и администрация вместе “танцуют краковяк”. В результате, при голосовании на пост руководителя ОКП, Дина Николаевна получила довольно много голосов “против” (примерно 1/3 от числа делегатов) и даже заявила самоотвод. Но всё же её убедили остаться главой ОКП ещё на один срок.

А “битва” за изыскание средств на оплату работы в ночное время продолжалась ещё несколько месяцев. Осенью 1989 года состоялось заседание Президиума Техсовета ЗСУГМС с участием руководителей НЗАМЦ, других прогностических АМСГ и руководства Западно-Сибирского Управления гражданской авиации (ЗСУГА). Руководство УГМС (В.И. Зиненко, Р.Я. Гессе) терзали руководителей АМСГ по вопросам сокращения штатов и даже создали комиссию по анализу штатной численности этих подразделений. Затем все представители Гидрометслужбы обрушились на руководство ЗСУГА за невнимание к нуждам АМСГ: та сторона соглашалась, что надо бы отчислять проценты от прибылей УГА, ввести квоты на бесплатные авиабилеты для авиаметеорологов и т.д. Позднее руководство Госкомгидромета (В.Н. Мочалов) сообщило, что 20% фонда заработной платы нам на оплату ночных дадут, но остальные (недостающие) средства мы должны изыскать сами. Активизировался ПЭО. Его новый руководитель Л.В. Мишина на одном из совещаний заявила, что по её сведениям соседние УГМС (Омское, Уральское) провели дополнительное сокращение штатов и изыскивали необходимые резервы. На одном из заседаний В.И. Зиненко заявил о необходимости сокращения по УГМС не менее 75 единиц работников Службы и дал указание ОГСН и всем головным подразделениям готовить соответствующие предложения. Откровенно, я бы даже сказал – коварно, подыгрывая Василию Ивановичу, Мишина брякнула: “А Гидрометцентр предложений не даёт и угрожает забастовкой!” Через несколько дней я пообщался по телефону со своими коллегами из соседних УГМС. В Омске и Красноярске мне сообщили, что московские дотации достигают 40% от ФЗП, а недостающие средства они берут от результатов договорной деятельности, и нигде гидрометцентры более не сокращают, да и сами доплаты за ночные дежурства вводят поэтапно.

В смутной и напряжённой обстановке подошла очередная годовщина Великой Октябрьской Социалистической Революции. Накануне годовщины Октября пленум Новосибирского обкома КПСС избрал нового секретаря – В.П. Муху. В народе пошла байка: “Будем ходить под мухой!”

Под впечатлением от публикаций последнего времени я написал для стенной газеты нашего Гидрометцентра статью о величии и трагедии Октября 1917 года. Основная мысль, заложенная в этой статье, была о том, что вожди партии, представляющие субъективные факторы революционного движения страны, не в полной мере использовали объективные возможности и потенциал движения к социализму. Более радикальные заметки опубликовали О.И. Лысков (РВЦ) и В.Н. Лебедев. Лысков утверждал, что партия предала идеалы революции, а Лебедев просто “крыл” и ругал руководство УГМС за организационные решения последних дней. На торжественном собрании коллектива Управления, посвящённом революционному празднику, В.И. Зиненко обрушился с критикой на “горе-интеллигентов”, заводящих нашу перестройку в тупик. Особое внимание Василий Иванович уделил нашим “экстремистским” статьям, помещённым в стенгазете “Погода”. Утро 7 ноября было хмурое, морозное (под минус 20°С). От Западно-Сибирского УГМС в колонне демонстрантов нас было человек двадцать, но зато на демонстрацию вышел находящийся на пенсии С.М. Шульман со своим внуком. Холодная погода ускорила шествие по Красному проспекту и площади Ленина под бодрые марши военного оркестра. Во время демонстрации Д.Н. Щенина поведала о своём отце – чекисте, расстрелянном в 1938 году. Она даже не знала подробностей его трагической судьбы. Кажется, это была последняя демонстрация, связанная с “красным днём календаря” в Новосибирске.

В.С. Пронин

В.И. Барсуков

Через неделю, 13-14 ноября, состоялось второе заседание Научно-координационного Совета Урало-Сибирского региона; оно проходило в Омске. На вокзале нас приветствовал хозяин встречи – начальник Омского УГМС В.С. Пронин. Обсуждали проекты планов НИР на 1990 год и принципы их планирования на следующую пятилетку (1991-1995 годы). Директор СибНИГМИ П.Ю. Пушистов и учёный секретарь института

М.А. Чубенко рассказали о прошедшей в октябре на заседаниях Госкомгидромета в Москве борьбе за темы НИР регионального заказа. Выяснилось, что Москва с большим “скрипом” признаёт права регионального НКС на планирование научной тематики. Обсуждение планов шло более трёх часов; некоторые темы (прогноз загрязнения по Норильску, “программирование урожая” для Иркутского и Уральского УГМС) вызвали острую дискуссию, вопросы. Особую и заметную активность в этом проявляли начальник Красноярского УГМС В.И. Барсуков и наш В.И. Зиненко. П.Ю. Пушистов предложил новую концепцию ведомственного (регионального) заказа НИР: во-первых – темы, нацеленные на решение общих для Урало-Сибирского региона проблем, и во-вторых – темы, решающие частные для отдельных УГМС задачи. Эта концепция была одобрена. Группа экспертов (М.А. Чубенко, Л.Е. Каминская и я) почти до двух часов ночи готовили проект резолюции сессии НКС. Любезные хозяева организовали для нас экскурсию по зданию Омского УГМС. Мы посетили кабинеты синоптиков, гидрологов, службы связи, помещение синоптического архива. Нам показалось, что порядок везде был идеальный (я бы добавил – слишком идеальный!).

В последней декаде ноября состоялось заседание Учёного Совета СибНИГМИ, на котором лидеры численно-гидродинамического направления в прогнозах погоды А.А. Фоменко и Г.С. Ривин говорили о развитии международных связей и заключении договора о проведении НИР в этой области с братской страной – Болгарией, причём, на взаимовыгодных условиях: Болгарская Гидрометслужба должна была поставить нашему институту два персональных компьютера. А вскоре прошло заседание президиума Технического Совета ЗСУГМС, на котором И.В. Колотовкин представил концепцию развития сети ПЭВМ, с перечнем технических задач, решаемых на базе самой передовой компьютерной техники (к сожалению, американской). Накануне новый заведующий лабораторией авиапрогнозов СибНИГМИ С.М. Кононенко продемонстрировал Л.Н. Староватовой и мне работу американского микрокомпьютера: на цветном экране высвечивались снимки облачных полей по данным ИСЗ, траектории воздушных частиц, аэрологические диаграммы. Всё это было красиво, наглядно и удобно - просто здорово!

Брожение умов в эти месяцы поздней осени, предвзято, шло в стране полным ходом. На очередном пленуме ЦК КПСС обсуждалась идея придания статуса союзных республик автономным образованиям. В Казани был создан Татарский общественный центр, возникло движение за создание союзной республики. Новый секретарь Ленинградского обкома КПСС Б.В. Гидаспов организовал митинг под лозунгом: “Не дадим кораблю перестройки ударить по коммунизму!” На экранах центральных каналов телевидения появились экстрасенсы и гипнотизёры А. Чумак и В. Кашпировский, которые на глазах у миллионов телезрителей заряжали воду положительной энергией, исцеляли желающих (и нежелающих), посылали с экрана в зал и за его пределы оздоравливающие “флюиды”. А

кликуши вопили здравицы в их честь. (Ужас, какая ересь!) Вскоре знаменитые актёры А.Ширвиндт и М. Державин стали со сцены пародировать выступления экстрасенсов. А в Новосибирске открылась выставка народного художника СССР И. Глазунова. Внимание моё и других посетителей выставки привлекли два монументальных (размером 4 на 5 метров) полотна: “Мистерия XX века” и ”Вечная Россия”. Это какое-то удивительное нагромождение исторических личностей: от киевских князей до деятелей позднего периода (Пётр I, Николай II, Распутин, Достоевский, Чайковский, Ленин, Троцкий, Сталин, Хрущёв...). А монархисты в Москве устроили свой шабаш: жгли красные флаги, рвали портреты Ленина, несли трёхцветные флаги России.

Этот идейный разброд отразился и на судьбе комсомольской организации нашего УГМС. В начале декабря сорвалась жалкая попытка провести комсомольское собрание Управления: явилось всего десять молодых людей; руководителей подразделений УГМС в зале было намного больше. Когда же В.И. Зиненко предложил уйти из зала тем, кто не хочет быть в рядах ВЛКСМ, то в зале осталось не более четырёх человек. Через несколько дней состояние работы комсомольской организации разбирали на партбюро Управления. Резкой критике подверг Василий Иванович комсорга УГМС В.Ф. Богданову, которая, по его мнению, не принимала никаких мер по реанимации комсомольского движения и повышению уровня идеологической работы в свете партийных указаний о перестройке в стране. Бедная Валентина Фёдоровна расплакалась и сбежала с заседания. Руководство Управления сгоряча даже вычеркнуло Богданову из списка очередников на получение квартиры в системе МЖК. Но здесь вовремя вмешалась лидер профсоюза (ОКП) Д.Н. Щенина, и справедливость была восстановлена. Тем более, другие члены партбюро (М.А. Быков и др.) резонно заметили, что нельзя вину за угасание идеалов социализма в комсомоле возлагать только на одного секретаря комсомольской организации УГМС; это следствие глубинных политических процессов в стране.

Н.И. Кутелев

В декабре 1989 года мне пришлось выполнить ещё одно поручение руководства Западно-Сибирского УГМС: совместно с начальником Томского ЦГМС А.А. Кульшенёвым 17-18 декабря провести выборы нового начальника (директора) Колпашевской гидрометобсерватории. Ситуация осложнялась тревожным ЧП: в ночь на 17 декабря сгорело служебное помещение метеостанции Ванжиль-Кынак (на крайнем севере Томской области). В тот день на станции находился инспектор-метеоролог нашего Гидрометцентра Н.И. Кителев, который вместе с сотрудниками станции сумел спасти самое ценное из имущества. Был организован срочный рейс вертолёта для спасения людей, жертв удалось избежать. По словам Николая

Ивановича, причиной пожара стал свищ в печной трубе и ветхость здания станции. Директором Колпашевской ГМО был на тот момент А.А. Лобанов, который проработал в Гидрометслужбе уже 23 года, но решил уволиться, поскольку, как он говорил, не нашёл общего языка с коллективом. На директорскую должность претендовали сотрудник обсерватории В.М.Бузунов и некто Надежкин, по образованию геофизик, который занимался обработкой геофизической информации в местном вычислительном центре, хоздоговорами и вопросами строительства. Председателем конкурсной комиссии был выбран А.А. Кульшенёв; я председательствовал на собрании и предложил претендентам доложить (рассказать) программы своей деятельности в случае их избрания руководителями ГМО. К сожалению, внятных программ никто из них не представил. Умнее и свежее выглядел Надежкин, а Бузунов как-то мялся и довольно коряво отвечал на вопросы, особенно по фактам его пристрастия к спиртному и административным взысканиям. С учётом услышанного, я кратко прокомментировал деловые качества обоих. При обсуждении в коллективе один из выступавших не без раздражения заметил: “Ягудин вбивает кол в нашу демократию!” При голосовании с очень небольшим перевесом (три голоса) взял верх В.М. Бузунов. В конце заседания и Кульшенёв, и я отвечали на вопросы: о перестройке в Гидрометслужбе, о задачах Томского ЦГМС и перспективах автоматизации, о хозрасчёте и развитии договорных отношений с потребителями.

Вернувшись в Новосибирск, я доложил руководству УГМС об итогах выборов; решили вызвать В.М. Бузунова “на ковёр”. Через неделю ещё раз заслушали его на заседании руководства. Новый директор выглядел слабо, на большинство вопросов он реагировал так: “Надо этим вопросом заниматься” (?!). Такое поведение вызвало критические высказывания Р.Я. Гесса, Д.Н. Щениной и мои. Всё же решение коллектива Колпашевской ГМО утвердили.

29 декабря в конференц-зале было организовано взаимное поздравление головных подразделений УГМС с наступающим 1990 годом. Вокальная группа Гидрометцентра исполняла мюзикл с песнями о погоде и рекламой спецодежды (халатов) для синоптиков. Квартет АСПД во главе с В.Г. Липчанским под гитару пел частушки о жизни нашей Гидрометслужбы. В команде РВЦ ярко выступил А.Х. Гафаров в роли экстрасенса Кашпировского. А вечером этого дня мы (с супругой Тамарой) были приглашены на новогодний ужин с коллективом РВЦ в кафе “Скоморохи”. Неутомимо и зажигательно вели концертную программу бесподобный юморист В. Бурыхин и его изящная соведущая Н. Гаврилова. Объявили наш дуэт с А.Х. Гафаровым: “Выступают гости из солнечной Татарии!” Пьяный гул в зале стих. Мы спели с Альбертом татарскую песню “Ай, былбылым” (“Соловей”). В зале сразу уловили ритм песни и стали хлопать в такт, значит, песня понравилась! В конце вечера я зачитал стихотворное новогоднее пожелание славному коллективу РВЦ, написанное в стиле В. Маяковского и А. Пушкина. Послание мне помог сочинить наш

сын Артур, который завершал в будущем году учёбу в Новосибирском педагогическом институте.

Решающие “схватки” за изыскание средств на оплату ночных дежурств и (в связи с этим) сокращение штатов прошли в конце декабря 1989 – первые месяцы 1990 года. Состоялась серия заседаний (длительностью до 2-5 часов) руководящего состава Гидрометцентра, УГМС (В.И. Зиненко, Р.Я. Гесс) с участием ОГСН (Н.Г. Матюшечкин), Технического совета УГМС, Совета трудовых коллективов (СТК) УГМС по этим вопросам. После бурных дебатов определили перечень из примерно 25 метеостанций Управления, которые могут быть сокращены с фондом заработной платы не менее 100 тысяч рублей. В январе 1990 года в Госкомгидромете было принято решение о прекращении аэрологического зондирования атмосферы в срок 21 час московского времени, то есть, вместо трёхразового зондирования в сутки в Гидрометслужбе переходили на двухразовое зондирование. Значит, автоматически прекращалось составление карт барической топографии за указанный срок, соответствующее сокращение штатов можно было провести на аэрологической сети, у синоптиков Гидрометцентра: сокращались затраты на расходные материалы для зондирования атмосферы и т.д. Совершенствовалась система обмена метеорологическими данными на сети АМСГ: вместо аренды ведомственных каналов авиасвязи (СПАС) в конце 1989 года перешли на эксплуатацию своих систем связи (АСПД). Это также давало немалую экономию материальных средств.

Несмотря на принятые меры и решения, давление ПЭО на руководителей главных подразделений Западно-Сибирского УГМС продолжалось. В двадцатых числах января Л.В. Мишина “ошарашила” нас новой разрядкой по сокращению штатов в Гидрометцентре, НСАСПД и ЦНЗПС. На этот раз мои коллеги, руководители служб связи и экологии (Н.В. Вирхобский и В.В. Селегей), выступили в одной связке со мной против этой разрядки. Николай Васильевич возмущённо произнёс: “Пора бы ПЭО освоить не только вычитание, но и алгебру!” Я в своей ответной речи доказывал, что на достигнутом этапе работы сокращение штатов возможно только за счёт сокращения целых направлений работы и отдельных подразделений. Тема сокращения штатов и злополучной разрядки ещё раз прозвучала на заседании партийно-хозяйственного актива Управления в конце января 1990 года, посвящённого итогам работы за прошедший год. Моя речь, насыщенная критикой в адрес Москвы и АУП нашего Управления, снискала аплодисменты зала, но не получила должной поддержки. Обосновывая свой протест против сокращения Гидрометцентра, я приводил примеры решений по соседним Управлениям Гидрометслужбы, предлагая обеспечить более строгий учёт средств, поступающих от продажи гидрометданных и прогнозов, критиковал введение так называемого (и неопределённого) “фонда содействия” исполнителям договоров. Говорил о проведённой в нашем Гидрометцентре работе по минимизации ручных процедур построения прогностических приземных карт на 24 и 36 часов:

эти карты в 1989 году стали расчерчиваться с помощью компьютеров ЕС-ЭВМ на базе поступающей из ЕЦССП численно-прогностической информации в коде “Грид”, что позволило сократить штат синоптиков ГМЦ. Этому же процессу содействовала частичная оптимизация работы прогнозистов: отмена (по согласованию с ГлавУГМО Госкомгидромета) составления некоторых видов карт (тенденций естественно-синоптического периода, средних карт ОТ⁵⁰⁰₁₀₀₀ е.с. периодов и т.д.). Острее других ораторов выступил на активе начальник Томского ЦГМС А.А. Кульшенёв, который доказывал невозможность изыскания средств на оплату ночных за счёт сокращения наблюдательной сети и продажи гидрометинформации. Он также напомнил об аварийном состоянии здания Томского центра и угрозе его закрытия, если не будут найдены федеральные средства для его ремонта. С заседания актива я ушёл с тяжёлым сердцем, плохим настроением. Тем более, что в последующие недели руководство УГМС и ОКП наваливалось с критикой и на другой документ – премиальное положение Гидрометцентра, говоря, что критерии надо ужесточить, а размер премий уменьшить. Я отбивался, приводя критерии премирования других Управлений и напоминая о социальной напряжённости в коллективе. Возмущала и демагогическая фраза Р.Я. Гесса: “Кто сократится, тот получит ночные!” А В.И. Зиненко добавлял: “Выплату ночных в последнюю очередь получит Гидрометцентр!”

Только после весенней (1990 года) коллегии Госкомгидромета пришла информация о том, что Москва выделила недостающие средства на оплату работы в ночное время, и В.И. Зиненко дал соответствующее указание ПЭО издать приказ о необходимых выплатах на наблюдательной и прогностической сети (в том числе и синоптикам Гидрометцентра). Победа!

Потрясающе стремительно таял в конце 1989 – начале 1990 годов лагерь социализма в Европе. В ноябре рухнула Берлинская стена, исключили из партии и арестовали лидеров ГДР Э. Хонеккера и В. Штофа. В Болгарии ушёл в отставку 78-летний лидер страны Т. Живков. В Чехии объявил о свое отставке Президент страны Г.Гусак. В двадцатых числах декабря, после вооружённых столкновений сторонников и противников режима Н. Чаушеску (с применением танков и артиллерии), власть в Румынии перешла в руки “национального фронта”. В Польше объявили о кончине Объединённой Рабочей партии и превращении её в социал-демократическую партию. А в Софии бесчинствующая толпа чуть не разгромила мавзолей Г. Димитрова, первого главы социалистической Болгарии и героя Лейпцигского процесса 1933 года. В марте 1990 года начались переговоры об объединении Германии по формуле 2+4 – ФРГ, ГДР и четыре державы антигитлеровской коалиции. Не дожидаясь завершения переговоров, канцлер ФРГ Г. Коль нагло разъезжал по городам ГДР и призывал голосовать против коммунистов.

При такой сложной политической обстановке М.С. Горбачёва в начале декабря 1989 года встречают в Италии как триумфатора; помпезное шествие почётного караула в Ватикане в римских шлемах, кирасах и

доспехах. Папа Римский говорит с Михаилом Сергеевичем о привилегиях и свободе для церкви без переводчика. Телевидение показало кадры встречи лидеров США и СССР (Буша и Горбачёва) на теплоходе “Максим Горький” в Средиземном море, у острова Мальта, оба заразительно смеются. Через несколько дней в Киеве произошла встреча М.С. Горбачёва с Президентом Франции Ф. Миттераном: договорились о созыве общеевропейской конференции (Хельсинки -2). Один только мудрый лидер Кубы Ф. Кастро на митинге в Гаване хмуро заявил о кризисе в лагере социализма, от которого “мы можем ждать только негативных последствий”.

Странно, что в новогоднем обращении к советскому народу, с которым М.С. Горбачёв выступил 31 декабря 1989 года, не прозвучало особо тревожных политических оценок ситуации в нашей стране и за рубежом. Запомнилась только одна его фраза о том, что мы “в прошедшем году впервые познали забастовки”.

Наступал тревожный 1990 год.

Глава 11. От Ташкента до Москвы и Казани. Совет начальников Гидрометцентров. Юбилей. Последняя “союзная” инспекция.

Всё более напряжённой становилась обстановка в стране. В середине января 1990 года СМИ объявили о резне армян в Баку, Сумгаите, других городах, введении там чрезвычайного положения, комендантского часа, эвакуации части населения в Красноводск. В Карабахе – бои, нападения боевиков Народного фронта на оружейные склады, попытки захвата танков. Нахичеванская АССР заявила о своём выходе из состава Азербайджана и СССР, обратилась с воззванием к Ирану и Турции. В начале февраля в конференц-зале Западно-Сибирского УГМС состоялась встреча с кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР Ю.Г. Марченко, который назвался представителем “Союза духовного возрождения России”. В своей речи Марченко громил “продажных англо-саксов, ведущих страну к домонополистическому капитализму”, говорил о распаде СССР, правах России на отдельные территории, падении экономики, преступной распродаже наших земель и собственности иностранцам по “секретно-убыточным” соглашениям с Западом. Назвал перестройку “катастрофой”, набором социальных катастроф (Чернобыль, Карабах, Сумгаит...).

Областная газета “Советская Сибирь” в начале января сообщила о создании в Новосибирске Татарского культурного центра (ТКЦ). В телефонном разговоре его секретарь Д.Х. Юферова сообщила мне, что задачей Центра является развитие и популяризация татарской национальной культуры, общение различных групп татар, изучение и пропаганда татарского языка, музыки, поэзии. Форум татарской общественности Новосибирска состоялся 20 января в клубе Жиркомбината. По инициативе председателя ТКЦ А.Н. Насырова приняли устав Центра, обсудили вопросы

и предложения по организации курсов татарского языка, самодеятельности, помощи в строительстве мечети. Запомнилось выступление в дискуссии профессора Новосибирского педагогического института М.Н. Мельникова, ветерана-фронтовика, очень живого и энергичного, несмотря на солидный возраст (около 70 лет). Он говорил, что занимается изучением языка и культуры малых народов Сибири (эвенков, шорцев и др.). Утверждал, что у представителей этих этнических групп лучше развито правое полушарие мозга (эмоциональное), а потому эти люди часто становятся художниками, певцами, то есть тяготеют к творческим профессиям, а не к техническим. Михаил Никифорович критиковал татар за разобщённость, отчуждённость (чем не страдают этнические немцы); советовал создавать библиотеки татарской литературы, добиваться вещания новостей и передач в местных СМИ на татарском языке. Импонировало, что в выступлениях ораторов не было призывов к экстремизму и насилию. (Всё же у нас Сибирь, а не Кавказ!)

Так как руководство нашего УГМС не было удовлетворено темпами развития договорных работ по представлению платных услуг в сфере гидрометеорологии, В.И. Зиненко решил направить меня в командировку по обмену опытом коммерческой деятельности в одно из передовых Управлений страны. По данным различных обзоров Госкомгидромета особыми достижениями в коммерции в последние годы отличалось Узбекское УГМС. И хотя в эти зимние месяцы 1990 года ещё в разгаре были “бои местного значения” по разнарядкам на сокращение штатов, и было рискованно покидать свой Гидрометцентр даже на короткое время, но 12 февраля я вылетел в Ташкент.

Итак, я снова в городе моей научной молодости, где я “защитился”. После бессонной, полудремотной ночи в нашем аэропорту Толмачёво и в самолёте в голову отчего-то назойливо лезли напевы популярной в 80-е годы песенки: “Ташкент, Ташкент! Прекрасный город мой...” Улетал я на юг из сибирской зимы, а столица Узбекистана встретила меня морозящим дождём, не то позднеосенним, не то ранневесенним.

По предварительной договорённости, коллеги из Ташкентского Гидрометцентра забронировали мне место в какой-то ведомственной гостинице (или общежитии) микрорайона Юнусабад. Обстановка в городе, чувствовалось, была напряжённая. Хозяйка общежития, молодая пышная блондинка, вздохнув, сказала: “Знакомые передали, сегодня будут бить русских”. Я спросил меланхолически: “Татар, поди, тоже будут бить?” Ответ обнадеживал: “Да нет, говорят, мусульман не будут”. На душе полегчало, сочувственно и бодро, но на всякий случай понизив голос, предложил: “В случае чего, я окажу вам своё покровительство”. Благодарно розовея, хозяйка поселила меня одного в отдельном изолированном блоке из двух комнат почти со всеми удобствами.

По пути в Узбекское УГМС сошёл на транспортной остановке с названием “Гидрометцентр”. Это меня ошарашило: я не знаю ни одного города в стране, где есть остановка транспорта с таким названием. Сделал

для себя вывод: в городе, где так высоко ценят Гидрометслужбу, Гидрометцентр никогда не пропадёт! Основные контакты здесь у меня были с главным синоптиком Гидрометцентра Ниной Сергеевной Гавриловой, обаятельной молодой женщиной, удивительно похожей на звезду советской оперетты Т. Шмыгу. Оказалось, что начальник ГМЦ Овчинников недавно попал в больницу – инфаркт. (И он стал жертвой перестройки!) Нина Сергеевна дала мне для ознакомления обширную подборку материалов о структуре Гидрометцентра, должностных обязанностях ведущих специалистов, договорной деятельности с потребителями гидрометинформации, познакомила с руководителями отделов Центра. Меня поразила штатная мощь республиканского Гидрометцентра: даже после сокращения штатов в Центре числилось 158 сотрудников. (В Новосибирском ГМЦ в 1,5 раза меньше!) Сделал вывод, что большие деньги идут к большим деньгам. За счёт средств от договорной деятельности они имеют возможности выплачивать коллективные премии в размере 40% от ФЗП, а индивидуальные премии иногда достигают 70% к окладу. Продают практически всё: и прогнозы, и наблюденную и режимную информацию; при этом, не очень следуя ограничениям и нормативным указаниям, поступающим из Москвы. Успешное развитие договоров позволило перевести часть сотрудников ГМЦ в штат БРИС, как бы в качестве хоздоговорной группы. Удивило то, что в штате Гидрометцентра есть экономисты, которые изучают потребителей гидрометинформации, их запросы и требования, готовят проекты договоров, участвуют в переговорах. Долгую и интересную беседу я имел с заместителем начальника УГМС В.Е. Чубом, курирующим работу наблюдательной сети и финансовую деятельность. Он мне показался деловым, компетентным, умеющим подбирать кадры управленцем, сумевшим наладить связи со СМИ, Госснабом, предприятиями Минобороны республики. Пообщался с руководителями прогностических и режимных отделов Гидрометцентра, интересовался ходом работ по автоматизации обработки гидрометинформации. Предметно и более детально поговорил с начальником долгосрочного отдела Хисамиевой; оказалось, что она выпускница Казанского Университета, моя землячка. Был рад узнать, что тогда всё ещё работали ветераны САРНИГМИ: вдова В.А. Джорджио М.В. Буркова и С. Иногамова, очевидцы и свидетели защиты моей кандидатской диссертации в июне 1970 года. К сожалению, не удалось пообщаться с руководителем моей работы Н.Н. Романовым.

Мне удалось попасть на оперативное совещание (планёрку) у начальника УГМС Н.Н. Аксарина, где докладывали представители всех оперативных служб: РВЦ, связи, МРЛ, АМСГ, синоптиков, аэрологов, гидрологов, агрометеорологов с демонстрацией всякого рода графиков, карт, диаграмм. Обратил внимание, что “оперативка” проходит динамично и очень быстро (может потому, что все участники совещания стоят?) Стиль ведения планёрки у Аксарина довольно жёсткий, но вполне профессиональный и компетентный. На семинаре сотрудников ГМЦ я в

течение часа рассказал о работе Новосибирского ГМЦ, достижениях, проблемах, трудностях, ответил на вопросы. Во время своего кратковременного пребывания в Ташкенте стал невольным свидетелем забавного, но вместе с тем поучительного, “околонаучного” эксперимента. В Узбекистане объявилась группа экстрасенсов-психологов, которые, будучи на приёме у главы Каракалпакской автономной республики, убедили его, что могут вызвать сильные осадки и заполнить водой высыхающее Аральское море. На радостях премьер Каракалпакии обещал им в случае успеха поставить памятник из чистого золота, С мошенниками вели переговоры самые высокопоставленные лица Узбекистана. Наконец, “волшебники” набрали на Гидрометцентр. И здесь обаятельная и лукавая Н.С. Гаврилова предложила им сформировать на следующий день в районе Арала хотя бы крошечный циклон. Увы, чуда не произошло: через день бледные экстрасенсы невнятно пробормотали, что они не сумели это сделать, так как не смогли преодолеть противостояние... неких “вооружённых сил” (?!). Мошенники были посрамлены: наверное, и русский бог, и узбекский аллах не могли допустить такого вопиющего мракобесия.

Почти 15 лет я не был в Ташкенте. Конечно, облик города сильно изменился; появились новые кварталы, архитектурой и отделкой домов претендующие на оригинальность, величественное здание мемориала В.И. Ленина, метрополитен, явно роскошнее новосибирского, с мощной колоннадой и национальным орнаментом. Но многое сохранилось и вспоминалось заново. Черноглазые и черноволосые, иссиня-смуглые красавицы с миндалевидным разрезом очей. Глядя на них, отчего-то вспоминалось есенинское: “Шаганэ, ты моя, Шаганэ”. В автобусах, трамваях невозмутимые бородатые старцы в толстых, стёганных халатах, напоминающие басмачей из советских кинофильмов. Сизый, щекочущий обоняние дым от десятков чайхан, шашлычных, котлов на улицах; обжигающий гортань от обилия перца вкус национальных блюд (лагман, плов, самса и прочее), после которых дня два хочется только пить. Кажется, в Ташкенте нельзя умереть от голода, но погибнуть от жажды вполне возможно. В киосках продают газеты: “Правда Востока”, “Ташкентская правда” и просто “Правда”. (Интересно, а есть “Правда Запада”?) Пронзительный голос диктора радио о чём-то вещает по-узбекски, среди хаоса слов угадываю знакомые: “дустлик” (дружба), “тиниглик” (мир), но отчего-то эти слова звучат угрожающе. По городу ползут слухи о том, что группы творческой интеллигенции из объединения “Бирлик” (единство) направляют узбекскую молодёжь на русских. Военные в доверительной беседе говорят о танках, пулемётах, кордонах.

Обратно в Россию решил ехать поездом. Трое суток в дороге, вагоны старые, донельзя обшарпанные и убогие. Вечером лампы едва освещали озабоченные лица пассажиров, вагоны погружались в полумрак, который нарушался шлёпаньем карт, брэнчанием стаканов, тревожными, приглушёнными разговорами о язвах нашей жизни. Весенняя погода на

широте Чимкент – Алма-Ата сменяется севернее растущими снежными полями, настоящими плантациями снега. Утро 18 февраля. Новосибирск встречает крепким 25-градусным морозом, я дышу с громадным удовольствием.

После моего доклада об итогах визита в Ташкент В.И. Зиненко предложил активизировать договорные работы с потребителями, а также заимствовать некоторые принципы и тактические приёмы ведения коммерческой деятельности, принятые в Ташкенте. Но идея “аксаринских” быстрых планёрок, на которых никто не сидит, должной поддержки в Новосибирске не получила.

В 20-х числах февраля состоялась итоговая сессия Учёного Совета СибНИГМИ с участием ряда представителей УГМС Сибири (членов НКС Урало-Сибирского региона и их коллег). В работе сессии участвовали начальник Омского УГМС В.С. Пронин, по-прежнему не теряющий умения обаятельно шутить, новый начальник Омского ГМЦ В.И. Скибо, молодая очаровательная женщина с каким-то горячим (южным) блеском в глазах, начальник группы испытания методов гидрометпрогнозов ГМЦ В.Ф. Оленёва, начальник Красноярского ГМЦ Е.Л. Зализняк, седеющий умный, элегантный мужчина, и.о. начальника Свердловского ГМЦ В.А. Крупенников, пожилой офицер (в отставке), синоптик и гидролог (одновременно), мудрая и сдержанная Н.В. Савинова, начальник Иркутского ГМЦ.

М.И. Черникова

Вступительное слово произнёс директор СибНИГМИ П.Ю. Пушистов, призвав к конструктивному диалогу учёных, разработчиков тем НИР, и представителей заказчиков этих тем. Яркими и основательными были доклады А.А. Фоменко о разработке новой региональной модели численного гидродинамического прогноза погоды (с внедрением в наш РВЦ новой ЭВМ ЕС-1066), которая позднее получила название “Регион”, И.Г. Храпцовой о создании синоптико-статистической модели прогноза осадков на 1-5 суток, с использованием в качестве предикторов (предсказателей) параметров облачности по данным ИСЗ, и В.М. Мальбахова о математической модели возникновения и развития конвективной кучево-дождевой облачности. Содержательный доклад представила Г.М. Виноградова о разработке нового физико-статистического метода долгосрочного прогноза погоды с детализацией по декадам и пентадам. Темпераментно (и несколько демагогически) выступила лидер агрометеорологической науки института М.И. Черникова: говорила о перестройке в области агрометпрогнозов, концепцию которой развивал ВНИИСХМ; здесь Мария Ивановна привела термин “имитационная система” (что-то жутко научное и звонкое); критиковала “реакционный консерватизм” наших агрометеорологов-практиков, тормозящих, по её мнению, внедрение передовых методов агрометнауки, призвала в

авторитеты Партию, Правительство, Израэля, что вызвало у присутствующих в зале улыбки. В ответном слове я критиковал учёных-агрометеорологов за отрыв от практики агрометеобеспечения; Черникова обиделась... (Да прости меня покойная Мария Ивановна за эту критику!)

Дома ночью мне стало плохо, я даже терял сознание. Тамара моя вызвала скорую помощь. Врач сделал мне какой-то укол, рекомендовал полежать. Я эту рекомендацию, конечно, проигнорировал, поехал на работу. Выступил на Учёном Совете ещё два раза: с краткой информацией об итогах гидрометеобеспечения народного хозяйства в 1989 году и некоторых проблемах, а также в общей дискуссии, в которой активное участие приняли наши гости. Омичи, Скибо и Оленёва, предъявили претензии СибНИГМИ за невнимание к нуждам Омского УГМС, приводили в качестве примера активизацию группы учёных СО ВАСХНИЛ (В.А. Понько и др.), которые пытаются рекламировать и продавать свои долгосрочные прогнозы погоды Омскому Агропрому. Чётко и сдержанно выступили Зализняк, Савинова и Крупенников и дали свои предложения по научной тематике. В.И. Зиненко изложил заявку от Западно-Сибирского УГМС на темы НИР в 13-ой пятилетке. Начальник ЦНЗПС В.В. Селегей критиковал институт за невнимание к экологически бедственным зонам в бассейне Оби и Томи. Критика была содержательной и настолько резкой, что П.Ю. Пушистов был заметно шокирован. Принято было в достаточно сдержанной форме решение итоговой сессии Учёного Совета с обещанием уточнить список заявленных тем на ближайшем заседании НКС и с учётом финансирования науки.

Только закончилась научная сессия, как наступил канун Международного женского праздника 8 марта. К этому событию я подготовил статью для нашей стенной газеты, в которой попытался обосновать тезис о том, что все (или почти все) политические, исторические и социально-экономические события, происходившие на нашей Земле, связаны с влиянием женщины. Перейдя к литературе, я доказывал читателям, что подавляющее большинство хороших и жизненно необходимых слов имеют женский род; например, дружба, доброта, красота, родина, победа. Убеждал, не надо обращать внимание на слова, не самые хорошие: зависть, злоба, измена. Уверял, что главное слово нашей эпохи “перестройка” обязано своим происхождением опять же женщине. А потому, завершая статью, я желал нашим женщинам в этот праздничный день помнить о своей активной роли во всех сферах “нашей такой интересной жизни” и тем не менее оставаться обаятельными, очаровательными и интересными для мужчин сообщества.

Весной этого года перестройку никто и не собирался заканчивать. 18 марта завершился третий (внеочередной) съезд народных депутатов СССР; съезд избрал первым (и как оказалось – последним) Президентом СССР М.С. Горбачёва; за него голосовало 59% депутатов съезда. Незаконным было признано решение парламента Литвы о выходе из СССР. Возникла необходимость разработки регламента выхода республик из

СССР. Такой закон-регламент был опубликован 9 апреля: выход считался законным, если за него проголосуют не менее 2/3 жителей конкретной республики. Как ни странно, но в конфликте с Литвой Запад выступил на стороне Горбачёва. Главы ФРГ и Франции, Г. Коль и Ф. Миттеран, призвали Президента Литвы Ландсбергиса воздержаться от крайностей, приостановить действие новых литовских законов. А в начале мая Латвия приняла декларацию о независимости (и без всякого референдума!). Эстония приняла закон о государственной символике (чёрно-сине-белый флаг). Так, весной 1990 года почти вся Прибалтика откололась от Советского Союза.

В апреле прошёл XXI (и, кажется, последний) съезд ВЛКСМ. Выступая на съезде, М.С. Горбачёв призывал молодёжь идти с партией (то ли вместе, то ли рядом) по пути перестройки курсом на обновление социализма, но не к капитализму. А в решениях съезда российского комсомола говорилось не о коммунистическом воспитании, а о “защите прав молодёжи”. В те дни я посетил занятия пропагандистов в райкоме КПСС Центрального района Новосибирска. Один из сотрудников аппарата райкома так прокомментировал итоги выборов в депутаты Верховного Совета Российской Федерации: “Партия проиграла выборы из-за слабой своей активности”. Успех оппозиции (Мананников и К°) объяснили наличием мощной интеллектуальной группы поддержки.

В шоу КВН изощрялась остроумная команда из Одессы: “А ну, дреговичи, угличи, вятичи – в поход на коротичей!” Артисты одного из столичных театров на своём “капустнике” пели на мотив песни Мурадели: “Зовёт на подвиги советские народы оптимистическая партия страны”. СМИ сообщили, что жители Горького требуют вернуть историческое название города – Нижний Новгород, всерьёз обсуждается вопрос открытия публичных домов и установления пенсий проституткам.

Накануне Дня Победы М.С. Горбачёв на торжественном заседании озвучил новые цифры жертв Великой Отечественной войны 1941-1945 годов – 27 млн жизней советских людей, а также 40 тысяч командиров Красной Армии – жертв репрессий 1937-1939 годов, отдал дань уважения труду учёных в так называемых закрытых “шарашках” и заключённых на объектах ГУЛАГа.

Весенние политические шторма сопровождались природными катаклизмами. Вследствие засушливых лета и осени 1989 года поля в зиму 89-90 годов ушли с низкими запасами влаги. Составленный в феврале 1990 года агрометеорологами нашего Гидрометцентра под руководством Э.В. Земляной прогноз ориентировал селян юго-востока Западной Сибири на недостаточное увлажнение почв к началу вегетационного периода.

Весна 1990 года наступила ранняя, дружная, с экстремально тёплой погодой (в среднем на 3...5°С выше нормы), с недобором осадков, сильными ветрами и пыльными бурями. 3-4 апреля, а затем через месяц (5-6 мая) максимальная скорость ветра в большинстве районов юго-востока Западной Сибири достигала 25-30 м/с, а порывы ветра местами – 35-40м/с.

Ураганный ветер вызвал повреждения линий связи, ЛЭП, прекращение электроснабжения многих населённых пунктов, нарушение работы шахт Кемеровской области; в мае наблюдались лесоповалы и возгорание леса, надворных построек и даже (в отдельных районах) кварталов жилых домов. Но ущерб, наверное, мог быть более значительным, если бы синоптики Новосибирского Гидрометцентра и региональных ЦГМС не предупредили бы о надвигающихся ураганах с довольно большой (суточной) заблаговременностью.

Игнорируя политические и природные бури, 7 апреля мы отметили 50-летие нашего ведущего агрометеоролога Э.В. Земляной. Она очень эффектно и женственно выглядела в каком-то причудливом, золотистого цвета платье. Я произнёс приветственное слово, вручил Почётную грамоту Госкомгидромета и премию – 50 рублей (“в неконвертируемой валюте”), упомянул об интеллектуальных и женских достоинствах юбиляра, о её “украинском бельканто”. Александр, её муж, сотрудник СО ВАСХНИЛ, блестяще играл на баяне, прекрасно тенорил; мы с ним брали на спор какую-нибудь высокую ноту и азартно тянули до “победного конца”. Эмма Владимировна с Александром, я с Тamarой, плюс Н.А. Кречетова в пять голосов спели украинскую песню про месяц на небе. Танцевали ламбаду, вошедшую тогда в моду, и рио-риту под грампластинку, которую мы привезли с собой.

Во второй половине апреля по рекомендации лечащих меня офтальмологов Е.В. Егоровой и М.А. Овчинниковой я предпринял последнюю отчаянную попытку улучшить зрение, устранить последствия кровоизлияния в левом глазу (“пятно Фукса”). Решил на две недели лечь на операцию в новую клинику МНТК “Микрохирургия глаза”, которая была открыта в Новосибирске недавно – в сентябре 1989 года. Открывали клинику ведущие офтальмологии страны С.Н. Фёдоров и В.В. Лантух. Клиника меня совершенно очаровала: просторные, светлые кабинеты, современная медицинская аппаратура, предельно вежливый и доброжелательный персонал врачей и медсестёр; одно- и двухместные палаты в гостинице для проходящих лечение, уютные столовая, буфеты с комфортным питанием; вызовы на диагностику и лечение по электронной очереди, не вызывающей невроза у ожидающих. Операция на виске называлась, помнится, варикоординационной, её целью было улучшить кровообращение в зоне головного мозга и левого глаза. Операция, в общем безболезненная, длилась около получаса, но ожидаемого эффекта не принесла – проклятое пятно даже не шевельнулось. Тогда изобретательная Елена Владиленовна прописала мне серию из трёх уколов в процедурном кабинете. Ничего не подозревая, я спокойно сел в кресло. Здоровяк в белом халате, врач или “медбрат”, подошёл ко мне, держа в руке весьма объёмный шприц; и игла, и колба напоминали те аксессуары, которые использовались для укола Бывалому (персонажу актёра Моргунова в кинофильме “Кавказская пленница”). Игла вошла в щёку, затем с последующим поворотом шприца лекарство впрыскивалось внутрь. Жуткая боль...

Показалось, что щека и левый глаз начали выпирать и двигаться наружу. Через некоторое время, придя в себя после болевого шока, уже в своей палате посмотрел в зеркало: жуткое зрелище – левая щека с глазом, казалось, вздулось так, чтобы оторваться от “соседа” справа. А впереди ещё два укола! Вспоминались страдания философа Хомы, который должен был отслужить три ночи-панихиды в церкви у гроба панночки-ведьмы. Когда пришёл через пару дней на следующий укол, на вопрос о самочувствии нашёл в себе силы ответить: “Как после поцелуя женщины”. Ответная реакция – улыбки и смех моих эскулапов прозвучали уважительно в адрес пациента. Как ни странно, но боль во время второго и третьего укола оказалась слабее, хотя зеркало в палате по-прежнему демонстрировало кошмарные “видики”. Когда я рассказал Е.В. Егоровой о своих ощущениях, она заметила: “А я думала, что вы откажетесь от уколов” (?!). Похоже, она недооценивала силу моего стремления вернуть нормальное зрение даже ценой переживаемых страданий. После этого неудачного медицинского эксперимента я оставил попытки радикально излечить свой левый глаз. Отныне и в последующие годы (10, 20 лет и далее) я стал исповедовать стратегию обороны: поддерживать лечением текущий уровень зрения – лишь бы не стало хуже.

А весенняя засухливость усиливалась, наземные и авиационные маршрутные обследования выявляли недостаточное увлажнение метрового слоя почвы в большинстве районов юго-востока Западной Сибири (30-75 % и менее наименьшей полевой влагоёмкости). С учётом этих данных, а также прогнозов высокой теплообеспеченности и рекомендаций наших агрометеорологов, учёными СО ВАСХНИЛ и специалистами-аграриями была скорректирована тактика посевной кампании. И снова с началом посевной кампании мы увеличили объём гидрометинформации для села: составлялись 5-7-дневные прогнозы погоды, недельные агрометеорологические обзоры, которые передавались селянам и СМИ. Тогда, в 1990 году, прогнозы погоды, например, по Новосибирской области и городу Новосибирску вещались 9 раз в сутки по радио и 2 раза по двум программам телевидения, печатались в трёх газетах. В связи с обращениями руководящих органов мы ужесточили контроль за содержанием информации о погоде по Сибири, передаваемой Центральным ТВ из Москвы, и в случае серьёзных расхождений с нашей местной информацией соответствующие замечания направляли в Москву (УГМО Госкомгидромета и Гидрометцентр).

Гидропрогнозисты нашего Гидрометцентра под руководством В.Ф. Богдановой также внесли свой вклад в информационное обеспечение нужд сельского хозяйства. С учётом составленных ими прогнозов маловодья и низкого уровня притока воды во втором квартале в Новосибирское водохранилище (75-88 % от нормы), специалисты ВОБВУ, регулирующие режим его наполнения, обеспечили к 20 мая подъём уровня водохранилища до отметки 112,2 мБС, что оказалось достаточным для введения в действие

оросительных систем (для полива ранних овощей) в прилегающих к водохранилищу районах Новосибирской области.

И вдруг, в череде политико-природных катаклизмов, борьбы с недугами и, как сказал поэт, “буче, боевой кипучей”, наступил (явился, ворвался, шарахнул) мой собственный полувековой юбилей. Праздничный банкет в кафе “Берёзка” состоялся 20 мая (через три дня после моего фактического дня рождения). Пригласил я на него своих ближайших коллег и друзей (человек пятьдесят), сотрудников ГМЦ, РВЦ, СибНИГМИ, ветеранов и никаких руководителей Управления, института (они меня до того “достали”!). Из ближайших родственников были моя Тамара и сестра

Гульшат, которая приехала из Куйбышева. Приглашал также из Казани отца с его супругой, но он телеграфировал, что не может приехать по состоянию здоровья. Было жарковато в этот день (около 25°C) и на улице, и в банкетном зале, где на стенах были развешаны плакаты и стихи, посвящённые юбиляру. Во вступительной речи я представил своих близких, как бывших сотрудников Гидрометслужбы. И это было почти правдой: как я писал в первой части моих “осколков”, сестра в годы войны работала метеорологом в Сталинградской школе военных лётчиков, а Тамара после окончания школы проработала недолго техником-метеорологом на АМСГ Казань. Уважаемый и обожаемый мной

Сестра Гульшат

Володя Бурыхин, сотрудник РВЦ, установил в зале магнитофон, блестяще “тамадил”, наводя порядок среди гостей оглушительным свистом. Раскаты музыки прерывались приветствиями, тостами. Л.Н. Староватова зачитала приказ по Управлению в связи с юбилеем начальника ГМЦ и вручила премию в размере пятидесяти рублей. Эффект её выступления оказался скромнее речи Л.Е. Каминской, которая зачитала приветствие руководства НИГМИ, где отмечались особенности ума юбиляра, “знающего специфику науки”, а размер денежного вознаграждения был в два раза выше (аж 100 рублей!). Творческая энергия присутствующих изливалась в стихах, песнях, юмористических монологах. Артистичная И.М. Касацкая произнесла монолог некоей нэпманши 20-х годов, связанной с коммерческими операциями в сфере гидрометеорологии. В. Бурыхин и А. Гафаров исполняли отрывки из произведений М. Жванецкого и М. Задорнова. Лихо и виртуозно играл на аккордеоне В.Н. Барахтин, исполняя популярные тогда советские песни (русские, украинские, цыганские), провозируя хоровые напевы. Мы с Тамарой спели асаPELLa дуэт Эдвина и Стаси (из оперетты Кальмана “Сильва”), романсы “Не искушай” и “Не уходи”. Видимо это было трогательно, потому что наш ветеран Ю.П. Петров даже

всплакнул. И без конца танцевали, танцевали, танцевали... В конце вечера осталось в зале человек пятнадцать, самых музыкальных и поющих, но здесь уверенно солировал полюбившийся многим с апрельского юбилея Саша Земляной. И подарки юбиляру от гостей были хорошие, а главное – полезные: радиоприёмник, наручные часы “Электроника”, настольная лампа, свитер.

Через неделю после юбилейного банкета я вылетел в Москву на совещание начальников Гидрометцентров всей Гидрометслужбы страны. 29 мая все прибывшие собрались в конференц-зале Гидрометцентра СССР. Инициатором собрания был начальник Сахалинского Гидрометцентра Б.В. Кубай. Ещё летом прошлого года он обратился с письмом ко всем коллегам создать совет начальников Гидрометцентров при ГлавУГМО Госкомгидромета, как совещательный орган по ”практической” гидрометеорологии. Тогда, в ответном письме, я выразил принципиальное согласие с его идеей, хотя и не скрыл некоторых сомнений в эффективности работы будущего Совета: сможет ли он конкурировать, например, с деятельностью ЦМКП (Центральной методической комиссии) Госкомгидромета, Учёными Советами головных НИУ Гидрометслужбы и т.д.? Но в тот майский день 90-го года скепсису места не было. Такой Совет был создан; председателем Совета был избран Б.В. Кубай, я вошёл в состав Совета с поручением курировать вопросы координации гидрометеорологической науки и практики (совместно с начальником Калининградского ГМЦ Г.П. Масыгиным). В состав совета были избраны начальники гидрометцентров: Ленинградского - В.М. Баскаков, Ростовского - Н.А. Самолётова, Алма-Атинского - Л.К. Некипелова, Горьковского - В.И. Колкутин, Архангельского - Я.М. Гольник. По предложению начальника Кировского ЦГМС (моего однокашника) М.О. Френкеля новый общественный орган назвали Советом начальников ГМЦ и ЦГМС. В совете Марат Ошерович взял на себя вопросы деятельности наблюдательной сети, а Яков Маркович – проблемы хозрасчёта и коммерческой деятельности. Наш председатель, Борис Викторович, решил курировать вопросы автоматизации обработки гидрометданных и прогнозирования. Поскольку в Совете оказались четыре выпускника Казанского университета (Гольник, Масыгин, Френкель и я), нашу группу окрестили “казанской мафией”.

Первое заседание Совета начальников ГМЦ и ЦГМС состоялось 30 мая на ВДНХ СССР в тесноватом зале павильона ”Физика”. Открывая собрание, начальник ГлавУГМО Я.П. Попов сузил тему совещания, обозначив его как “Вопросы гидрометобеспечения народного хозяйства при стихийных гидрометявлениях”. Зал недовольно забурился, загудел, захлопал. Базовые доклады представителей Госкомгидромета, Гидрометцентра СССР, ВНИИСХМ (В.А. Тренин, Н.Ф. Вельтищев, Пасов) не отличались особой глубиной и внятным видением перспектив. Проскальзывали какие-то мечтания об установке ПЭВМ на метеостанциях и хозяйствах, где используется наша гидрометинформация. Говорили о подготовке нового

руководства по гидрометобеспечению народного хозяйства. При этом было непонятно, а как работать станциям в современных условиях и будут ли новым руководством учтены новые хозяйственные механизмы и реалии. Более основательными нам показались доклады представителей Гидрометцентра СССР П.П. Васильева и А.И. Снитковского о разработке технологии численного среднесрочного прогноза погоды, основанного на использовании зарубежных численных моделей, результаты расчёта которых поступают в наши Центры в коде ГРИД; предлагалось использовать также численные траектории частиц воздуха на разных уровнях для оценки характера стратификации атмосферы и прогноза конвективных явлений погоды.

Вопросы почти всем докладчикам задавались в острой (подчас злой) формулировке. Чувствовался критический настрой зала, всё время слышался гул недовольных голосов. Кубай первым обрушил волну критики с трибуны. Его речь прерывалась раздражёнными репликами Попова, но оратор тем не менее мужественно довёл свою речь до конца. Вторым выступил я, и тоже с изрядной долей критики по поводу концепции гидрометобеспечения потребителей, изменения его форм и технологии с учётом современных условий. Я и, позднее, мои коллеги из зала критиковали руководство Гидрометцентра СССР за излишнюю секретность составляемых там долгосрочных сезонных прогнозов погоды, ратовали за их рассекречивание и своевременную высылку в регионы. После довольно провокационной реплики В.А. Тренина, сотрудника ГлавУГМО, о прошедшей в последний год в Гидрометслужбе “оптимизации структуры органов Службы”, я заявил, что при решении вопросов сокращения штатов не была принята во внимание необходимость научного обоснования нормативов труда. Это заявление было поддержано одобрительным гулом зала, хотя (увы!) “поезд уже ушёл”. В конце заседания Френкель огласил обращение делегатов съезда Федерации Профсоюза Авиарботников (ФПАР) к Правительству СССР о бедственном положении Гидрометслужбы, о предполагаемой встрече с членами Правительства, призвал присутствующих дать свои предложения ФПАР. Сидящие в зале вполне разделяли обеспокоенность деятелей профсоюза ситуацией, когда “падает престиж Гидрометслужбы из-за дефицита современных приборов и оборудования, низкой зарплаты тысяч метеорологов, работающих в труднейших климатических и физико-географических условиях”.

На следующий день, 31 мая, заседания проходили в конференц-залах Госкомгидромета и Гидрометцентра СССР, проходили бурно и сумбурно, часто выбиваясь из регламента и программы. Оптимистично прозвучал доклад директора ГВЦ В.А. Анцыповича о разработке технологии анализа и обработки синоптической информации (система ЛАССО) и АРМ синоптика; смутила, правда, концовка доклада, где говорилось, что внедрение АРМ в других УГМС будет возможно только за плату (откуда брать деньги?). Ведущий учёный-климатолог ГГО Н.В. Кобышева рассказала о создании АРМ климатолога и системы

автоматизированной обработки климатической информации. Говоря о состоянии наблюдательной сети Гидрометслужбы, начальник соответствующего отдела ГлавУГМО В.А. Мартыщенко с изрядной долей пессимизма признался в бессилии решить сетевые проблемы (дефицит финансирования, технических средств, стройматериалов, кризис в производстве аэрологических материалов и т.д.). Начало острой дискуссии положило выступление Б.В. Кубая, который резко критиковал отсутствие в руководстве Гидрометслужбы координации при решении проблемы разработки различных АРМ специалистов. Начальник УНИ В.М. Грузинов, желая ослабить напор критики, тут же предложил создать координационный совет по АРМам из заинтересованных лиц. Я.М. Гольник, критикуя руководство Госкомгидромета за волонтаристские методы, применённые при “оптимизации Гидрометслужбы”, заметил, что при переходе на работу по Постановлению Правительства №1115 организации Гидромета пострадали больше других государственных ведомств. В.И. Колкутин, говоря о новых принципах гидрометдеятельности, призывал забыть о гидрометобеспечении органов КПСС. “У нас, -напомнил он, - уже многопартийная система!” (И правда, в прошедшем 1989 году возникла ЛДПР – либерально-демократическая партия России, её вождем стал В.Ф. Жириновский.) Далее Виктор Иванович, в целях развития договорных отношений с предприятиями, призвал ограничить детализацию прогнозов, передаваемых в СМИ (газеты, радио, телевидение), давать такие прогнозы в СМИ в более общих формулировках. Пока шла дискуссия, из зала на стол президиума без конца сыпались записки с предложениями в проект решения Совещания. Уже к вечеру группа участников заседания собралась в кабинете Я.П. Попова и его коллеги В.Ф. Егоровой; подошли Б.В. Кубай, Я.М. Гольник, В.И. Колкутин и ещё кто-то. Стали рассуждать, что надо бы обобщить поступившие предложения в виде проекта решения. Вопрос: кому это поручить? И тут вдруг все разом пристально уставились на меня. Так и пришлось мне до двух часов ночи писать искомый документ.

Последний день работы совещания, 1 июня, был посвящён встрече с руководством Госкомгидромета. Уже все собрались в зале, расселись, гул голосов стих, и тут, с небольшим (5-7-минутным) запозданием, появляется глава Службы Ю.А. Израэль в сопровождении свиты: заместителей Ю.С. Седунова, Берестова, чиновников А.Н. Чилингарова, С.С. Ходкина и других. Юрий Антониевич шёл вельможно и вальяжно, излучая доброжелательность, доступность и демократизм. Он всё ещё был довольно красив и обаятелен, и, кажется, мало изменился с памятных мне встреч 70-х годов. Вождь Гидромета, оптимистично улыбаясь, поведал залу, что прошедший год, да и последние месяцы этого года, были сложными в природном и социально- политическом плане, но руководству Госкомгидромета удалось немало сделать полезного. В частности, были отвергнуты попытки навязать нам проблемы сейсмической службы, то есть, составления прогнозов землетрясений, была отбита атака центрального аппарата партийных органов с идеей объединения Гидрометслужбы с

Госкомприродой: самостоятельность Гидромета удалось отстоять. Юрий Антониевич одобрил создание Совета начальников Гидрометцентров и ЦГМСов, правда, заметил, что надо ещё найти форму общения этого органа с аппаратом Гидромета. Ю.С. Седунов остановился на вопросах перестройки гидрометеорологической науки и её финансирования, проблемах разработки новых технологий, АРМов. Высказался за ликвидацию маломощных вычислительных центров в Гидрометслужбе: пусть останется ГВЦ (главный центр) и один-два ВЦ (дублёры). Берестов говорил о предварительных результатах перехода Службы на новые условия хозяйствования, возникших проблемах. Оказалось, что при некотором росте государственного финансирования Гидромета мы стали намного больше терять за счёт роста отчислений на социальные и страховые нужды, а также роста цен на приборы и строительные материалы. Хотя в ходе конверсии оборонной промышленности Гидрометслужбе передали для нужд приборостроения Сафоновский завод, но мы по политическим и социально-экономическим причинам лишились Рижского и Свердловского заводов. В ходе реформ резко выиграла Госкомприрода: оклады специалистов в этом ведомстве стали заметно выше, начался отток работников Гидромета в эту сферу. Мы передали предложения о переходе Гидрометслужбы на частичный хозрасчёт в Совет Министров СССР (комиссия академика Л.И. Абалкина). В этом месте обнаружили разногласия в руководстве Гидромета: сидящие в президиуме Израэль, Седунов, Берестов и Чилингаров завели милую “домашнюю” пикировку между собой.

Сидящие в зале обрушивали на них шквал вопросов, чаще ехидных и злых. Желающие выступить лезли на трибуну, рвались к микрофону. Это напоминало атмосферу заседаний Съезда народных депутатов. Чувствовалось, Ю.А. Израэль был ошеломлён и обескуражен. (Как позднее сказал Я.П. Попов, коллеги Гидрометслужбы с участием руководителей УГМС проходили обычно спокойнее.) Ораторы критиковали руководство Гидрометслужбы за вопиющую отсталость в решении социально-экономических вопросов, особенно в области условий труда рядовых работников прогностических центров и наблюдательной сети. В.И. Колкутин обратился к Израэлю торжественно и патетически: “Юрий Антониевич! Вы спасали Чернобыль, сегодня надо спасать сеть!” Начальник ОГСН Северо-Западного УГМС В. Нерослев вступил в жаркую полемику с главой Гидромета, доказывая правомерность взимания платы с Аэрофлота при развитии метеорологического обеспечения авиации и дополнительных авиарейсов. Накал страстей несколько снизилось выступлением Л.Н. Некипеловой, одной из самых обаятельных женщин Гидрометслужбы; ссылаясь на авторитет Ю.С. Седунова, она сообщила о разработке в Алма-Атинском Гидрометцентре АРМ гидролога в целях обработки и формирования гидрологического ежегодника, но ведомства в Москве, по её словам, не проявляют к проделанной работе никакого интереса. Попавший явно в сферу её обаяния и уставший от обилия критики, Ю.А. Израэль сразу (и демократично) предложил направить

Совецкие начальники Гидрометцентров СССР. Москва, 1990 год.

материалы по казахскому АРМ на рассмотрение в аппарат Госкомгидромета. В завершение заседания, которое длилось без перерыва четыре часа, он сказал, что все поступившие предложения будут изучены и учтены в работе всех ветвей Гидрометслужбы. Несмотря на то, что “вожди” Службы покинули заседание, зал продолжал “кипеть и гудеть”. Концовка совещания была скромна. Предложили зачитать проект решения. Я с трибуны читал пункт за пунктом, абзац за абзацем, но после каждого пункта (абзаца) снова возникали вопросы, критика, новые предложения. Я.П. Попов устало и раздражённо приговаривал: “Ладно, что-нибудь придумаем, напишем”. Запомнилась завершающая реплика М.О. Френкеля: “Главное - не решение, а общение!” Участники этого исторического совещания руководителей оперативно-прогностических центров Гидрометслужбы запечатлены на фотографии у здания Гидрометцентра СССР. Назову хотя бы некоторых. На переднем плане в модной куртке одна из самых элегантных женщин Службы Н.А. Самолётова, за ней – голова Я.П. Попова, третий слева от неё В.М. Баскаков, похожий на знаменитого актёра В. Басилашвили. На крайнем левом фланге видны голова и плечи В.А. Тренина, на заднем плане в тёмном костюме выделяется своей стройностью и задорным чубом Б.В. Кубай. В глубине снимка за В.М. Баскаковым виднеется М.О. Френкель, а около него справа – верхняя часть моей головы (в очках). Крайняя справа в третьем ряду, в плаще, с сумкой в руках - Н.В. Савинова.

В день отъезда из Москвы, 2 июня, утром заскочил в Музей Революции. Обратил внимание на некоторые исторические документы. Вот брошюра К. Радека, члена ЦК ВКП(б), блестящего журналиста и провокатора, загубившего в 30-е годы многих ветеранов Партии (“Портреты вредителей”). Книга-альбом “Беломоро-Балтийский канал им. Сталина; история строительства”, под редакцией М. Горького, 1934 год. Брошюра Л.М. Кагановича “Великий машинист локомотива истории”, 1939 год. Строки из стихотворения казахского старца-акына Джамбула: “Тебе, счастьеносец, домброю звенит / столетнего сердца горячий родник”.

Две различные фразы бывших вождей о нашей стране и общественном строе. Л.И. Брежнев, уверенно: “Развитое социалистическое общество, построенное в нашей стране...” И тут же меланхолическая оценка Ю.В. Андропова: “Мы ещё до конца не изучили в должной мере общества, в котором живём” (!!).

Сомнения в эти месяцы только усиливались. В конце мая на сессии Верховного Совета РСФСР глава союзного правительства Н.И. Рыжков сообщил о планах правительства повысить розничные цены на продовольственные товары в два-три раза. Населению денежная компенсация предполагалась лишь в пределах 15%. В магазинах начался ажиотаж, раскупали и сметали с полок всё. В Москве во время нашего совещания товары продавали только москвичам; мне по своему паспорту и командировочному удостоверению удалось купить только зубную щётку и

пять кусков мыла. В Казани – тоже жёсткая талонная система, свободно купить можно только цикорий и растворимый чай.

Вскоре после моего возвращения из Москвы состоялось заседание Технического Совета нашего управления, на котором начальник ЗСРВЦ В.П. Крысов докладывал об условиях перехода ВЦ на новые условия хозяйствования и возникающих при этом проблемах, связанных с ростом цен на оборудование и запчасти, несовершенством техники и программных средств, сокращением штатов. Содокладчиком его выступила Л.Н. Староватова, которая сумела обобщить опыт автоматизации численных прогнозов и технологий работ в других УГМС и генерировать соответствующие предложения. В дополнение к этому я выступил с информацией о некоторых результатах московского совещания начальников ГМЦ и ЦГМС; острый интерес у присутствующих вызвали модель и технология среднесрочного прогноза погоды, предложенные П.П. Васильевым и А.И. Снитковским, и возможности её внедрения в Сибири. Слушая умный и содержательный доклад Людмилы Николаевны, я, уже в который раз, благодарил судьбу за то, что мне повезло работать в одной команде с таким прекрасным специалистом.

И снова на юге Западной Сибири наступило, как и в прошлом году, зловещее засушливое лето. С конца мая и до середины июня максимальные температуры колебались в пределах от 25...30°C до 31...36°C при значительном недоборе осадков (менее 50% нормы). В Кулунде и на юге Барабы в течение 10-15 дней отмечались суховеи, запасы влаги в пахотном слое почвы упали ниже 10 мм. По данным авиационного спектрофотометрического обследования 43% полей Новосибирской области находились в плохом состоянии. В июле правительство страны приняло решение об оказании финансовой помощи ряду регионов России, в том числе и Западной Сибири, пострадавших от засухи. Радовало только то, что синоптики-долгосрочники нашего Гидрометцентра под руководством М.Г. Зубович предусмотрели такой засушливый характер погоды на юге Сибири. Аграрии были предупреждены о неблагоприятных погодных условиях кратко- и среднесрочными прогнозами погоды.

С учётом высокой вероятности засушливости 1990 года руководство Новосибирской области заключило соглашение с ЦАО Госкомгидромета, которая направила лётную экспедиционную группу для искусственного вызывания осадков в Кулунде и центрально-восточной зоне Новосибирской области путём засева облаков и облачных систем специальным реагентом (йодистым серебром) с помощью самолёта АН-12. Группа ЦАО работала около месяца (с 20 июня по 25 июля). Мы заключили с ЦАО договор (на сумму около 9 тысяч рублей), по которому для лётной группы составлялись детализированные прогнозы погоды и облачности на 1-3 дня, передавались таблицы и карты выпавших осадков, синоптические карты, эмаграммы, стыкованные карты-снимки облаков по данным МРЛ и ИСЗ. Странными мне показались результаты этих авиаработ. В начале периода работ группа пыталась воздействовать на обычные кучевые облака,

слабо развитые по вертикали (облака “хорошей погоды”), эффект был нулевой: осадки не формировались. 27 июня на запад Новосибирской области вышел неглубокий циклон, и метеостанция Здвинск зафиксировала суточную сумму осадков 44 мм. Группа ЦАО приписала это событие эффекту активных воздействий, и В.И. Зиненко с этим заявлением согласился. Мои коллеги-синоптики и я считали, что сильный ливень в районе Здвинска мог быть следствием развития конвективных процессов, вызванных восходящими воздушными потоками в системе циклона. После завершения лётных работ ЦАО В.И. Зиненко поручил мне написать заключение об их эффективности. А тут в журнале “Огонёк” появился фельетон на эту тему, где приводились примеры приписок, которыми увлекались лидеры лётной группы, доказывая эффективность своих работ. Фельетон смутил Василия Ивановича, и мы с ним договорились, что в требуемой справке об эффективности искусственного воздействия на облака и осадки мы будем писать в вероятностной терминологии.

При такой экстремальной погоде нашему сибирскому селу снова требовалась шефская помощь. В двадцатых числах июня на планёрке при руководстве Управления этот вопрос трансформировался в проект формирования комсомольско-молодёжного отряда в совхоз “Морской” для уборки огурцов на основе договора с совхозом. Было не очень понятно: шефы поедут добровольно или принудительно. Когда я робко предложил пока не подписывать договор в связи с отсутствием гарантий добровольного согласия молодёжи на сельхозработы, меня резко оборвали. Стало понятно – отряд будет формироваться на добровольно-принудительной основе. Во второй половине июля с трудом собрали небольшую группу молодых людей и в условиях начавшихся дождей отправили их на уборку огурцов. Справедливости ради добавлю, в эти же дни весь аппарат Управления во главе с Василием Ивановичем также участвовал в уборке зелёных плодов. А уже в начале августа в Управление пришла правительственная телеграмма за подписью одного из крупных чиновников Госкомгидромета А.Н. Чилингарова с указанием направить работников УГМС и технику на помощь селу. В нашем Гидрометцентре “на ты” с техникой был только Ю.К. Аксютин, который снова пришёл на помощь селу. А для скорения формирования сельхозотряда с руководством и АХО было решено выделить активным “отрядникам” жильё в общежитии УГМС.

20 июля “вся прогрессивная общественность Гидрометслужбы Сибири” отметила 70-летний юбилей бывшего руководителя Западно-Сибирского УГМС, глубоко- и многоуважаемого Самуила Моисеевича Шульмана. На его даче собралось человек тридцать коллег и друзей, включая ветеранов Службы и СибНИГМИ. Моросил слабый дождь, тем не менее, решили посидеть на открытом воздухе. Откуда-то появился громадный стол; сверху для защиты от дождя натянули тент. Юбиляр выглядел бодро и свежо. Была зачитана приветственная телеграмма академика Г.И. Марчука. Звучали тосты, приветственные речи об уме юбиляра, его интеллекте, доброте, умении не только слушать, но и слышать.

От нашего Гидрометцентра мы подарили Самуилу Моисеевичу настольную лампу с часами “Электроника”, а трио (Э.В. Земляная, М.А. Черкесова и я) исполнило украинскую песню “Місяць на небі”. Лицо юбиляра светилось.

В третьей декаде июля “грязнула” комплексная инспекция Госкомгидромета в наше управление с целью проверки качества гидрометеорологической и хозяйственно-финансовой деятельности ЗСУГМС. О грядущей инспекции стало известно ещё весной (в марте), когда В.И. Зиненко провёл совещание по теме “К нам едет ревизор!”. Было дано задание руководителям всех уровней готовить “великий шмон”: обновлять, уточнять документацию (дела, служебные инструкции, положения); надо было предупредить прогностическую и наблюдательную сеть. За две-три недели до инспекции я стал собирать сведения по отделам ГМЦ и готовить письменную справку для инспектирующих по разделам, начиная от “Принципов и технологии гидрометобеспечения потребителей” и “О новых методах прогнозов и научно-организационной работы” до “Состояния наблюдательной гидрометеорологической сети” (совместно с А.Г. Каминским) и “Популяризации Гидрометслужбы”. В ночь с 23 на 24 июля мы с Р.Я. Гессом прибыли в аэропорт Толмачёво и до утра встречали прибывающих из Москвы, Тбилиси, Куйбышева, Ленинграда инспекторов: сотрудников ГлавУГМО В.А. Тренина и Фахрутдинова, кадровика Грузинской УГМС Хитрашвили, начальника Ленинградского ГМЦ В.М. Баскакова, представителя Приволжского УГМС З.П. Рудерман. Я передал подготовленную справку В.А. Тренину для ознакомления и дальнейшей работы. И в первый же день инспекции Виктор Александрович вместе со мной встречался с П.Ю. Пушистым: интересовался, как Западно-Сибирское управление Гидрометслужбы выполняет функции заказчика НИР в области гидрометеорологии в масштабе всего Урало-Сибирского региона. Кажется, он был удовлетворён результатами беседы с директором регионального НИГМИ. Вечером этого же дня поездом приехала сотрудница Омского УГМС Г.Е. Шумова. Утром 25 июля на машине вместе с В.И. Зиненко и группой инспекторов помчались в Кемеровский ЦГМС. Руководитель Центра О.П. Андраханова очаровала гостей своим интеллектом и обаянием, познаниями в области гидрометобеспечения и экологии, рассказала о прошедшей в 1989 году забастовочной волне в Кемеровской области (и о своей роли в этой волне). Провела нас по служебным кабинетам, лабораториям, где был идеальный порядок (чисто, свободно и уютно), познакомила с аппаратурой (система АНКОС), с помощью которой анализируется и обрабатывается информация о загрязнении природной среды. Сотрудники ЦГМС заранее подготовили справку о всех аспектах деятельности Центра, которую инспекторы взяли с собой в местную гостиницу “Томь”, где они остановились, для дальнейшего анализа и изучения. На следующий день представители Омского и Иркутского управлений, Г.Е. Шумова и Л.Н. Янькова, вместе со мной посетили АМСГ Кемерово, группу МРЛ и некоторые народно-хозяйственные организации (Кемеровский облисполком, управления

тепловых сетей и речного флота). Везде о местной Гидрометслужбе отзывались хорошо, позитивно, правда, давали понять, что денег на развитие и оплату специализированных гидрометуслуг они (потребители) найти не могут. Подводя итоги инспекции Кемеровского ЦГМС, В.М. Баскаков употребил выражение: “Центр близок к образцовому” (!). Пользуясь моментом, я передал Василию Михайловичу свои предложения по пересмотру программы гидрометеорологического обучения в Ленинградском ГМИ (и других ВУЗах) с учётом деполитизации обучения.

В выходные дни (28-29 июля) руководство в лице Р.Я. Гесса организовало для гостей выезд на катере на острова Новосибирского водохранилища. Это было довольно рискованно: в ночь на 28-е в районе ОбьГЭС с выходом циклона прошёл сильный ливень (87 мм). Но гостям повезло, на островах почти не дождало и было довольно жарко. В понедельник, 30 июля, я рассказывал В.М. Баскакову о работе нашей гидрографической партии, технологии подготовки карт МРЛ и их использовании в работе синоптиков. А.Г. Каминский в этот день дописывал справку о подготовке и издании режимно-справочных материалов (гидрометеорологических справочников, ежегодников, ежемесячников). В последние дни июля прибыл в Новосибирск официальный глава комплексной инспекции, директор Гидрометцентра СССР, А.А. Васильев. В руководстве Управления шли переговоры о состоянии наблюдательной сети. Возникла дискуссия по вопросу закрытия АЭ Кош-Агач (Республика Алтай): Р.Я. Гесс и экономисты УГМС доказывали, что содержать станцию в современных условиях нерентабельно и даже невозможно. Кажется, им удалось убедить главного инспектора; в конце встречи А.А. Васильев заключил: “Доводы руководства УГМС являются обоснованными”.

А.А. Васильев

1 августа состоялось собрание коллектива ЗСУГМС, на котором выступил, подводя итоги комплексной инспекции Госкомгидромета, с трибуны конференц-зала Управления А.А. Васильев. В целом, его оценки деятельности Гидрометслужбы на юго-востоке Западной Сибири были весьма положительными и в части состояния наблюдательной сети и качества оперативного гидрометобеспечения потребителей. Правда, некоторые акценты в его речи мне показались странными: “Переход на Постановление Правительства №1115 прошёл безболезненно” (!). Далее, оратор отметил, что лучше всего организованы и поставлены прогнозы НМУ и агрометобеспечение. (Почему-то он не оценил должным образом деятельность гидрологов.) “Минусом” в кадровой работе А.А. Васильев назвал отсутствие работы в Управлении по привлечению молодёжи в целевую аспирантуру ведущих НИУ Гидрометслужбы.

В общем мы восприняли итоги комплексной инспекции Госкомгидромета, как недавно ещё говорили, “с чувством глубокого удовлетворения”. (Правда, мы тогда не знали, что это была последняя инспекция Всесоюзного Гидромета.) Простились с инспекторами тепло, с уверенностью в дальнейшем развитии наших деловых, партнёрских контактов.

Через два дня В.И. Зиненко собрал руководящий состав Управления, упомянул об акте комплексной инспекции, дал задание всем руководителям подразделений готовить план устранения замечаний (по конкретным разделам деятельности). Внимательно читаю акт инспекции; выделяются высокопарные оценки работы агрометеостанции Огурцово и начальника станции П.П. Нечипоренко. Оказывается, что Пётр Петрович – “гордость Гидрометслужбы, фанатично предан своему делу, прекрасно организовал работу станции”. В те же дни с актом ознакомился “заклятый оппонент” П.П. Нечипоренко, сотрудник отдела агрометеорологии ГМЦ, В.Н. Лебедев и, конечно, пришёл в ярость. Потеряв чувство реальности, он написал заявление на имя В.И. Зиненко о том, что в связи с неприятием предлагаемых им ранее мер в отношении начальника Огурцово, он (Лебедев) объявляет личную забастовку и отказывается (до принятия мер) выполнять свои служебные обязанности. Василий Иванович переправил это заявление мне с резолюцией-вопросом: “Так кто же вам мешает и угрожает?” Более полутора часов шло совместное заседание месткома и руководства ГМЦ по ультиматуму В.Н. Лебедева. Лидер профсоюза Гидрометцентра говорил многословно и экспрессивно, требуя превращения агрометеостанции Огурцово в отдел наблюдений ГМЦ, то есть снижения статуса станции, и, конечно, увольнения П.П. Нечипоренко. Удивительно, но несмотря на темперамент оратора, местком не поддержал его требования. А юрист квалифицировал забастовку В.Н. Лебедева как элементарный прогул. Я доложил В.И. Зиненко о решении месткома ГМЦ и мнении юриста. Реакция начальника УГМС была предсказуемой: увольнение за прогул. Тогда В.Н. Лебедев благоразумно отступил и написал заявление об увольнении по собственному желанию. Решение пришлось принимать заместителю начальника УГМС В.Г. Рубекину, так как Василий Иванович успел уйти в отпуск. После краткой, но выразительной ругани Виктор Григорьевич подписал заявление В.Н. Лебедева на увольнение с 26 августа; так завершилась “лебединая песня”.

В один из периодов затишья этих “боёв” я был опять командирован руководством УГМС в Казань, на завод РТИ (по инициативе С.А. Мацуры) для решения проблемы поставки оболочек, необходимых для аэрологического зондирования атмосферы. Встречался с Генеральным директором завода В.Д. Григорьевым; несмотря на русскую фамилию, он свободно объяснялся “татарча” (скорее всего он был “керашен”, то есть крещёный татарин). В беседе руководитель предприятия так объяснил причину невыполнения обязательств перед Гидрометслужбой: завод освоил производство оболочек из американского и японского латекса, но стоимость

оболочек возросла в двадцать раз (до отметки 63 рубля 30 копеек). Госкомгидромет не утверждает эти цены и затягивает решение вопроса. Завод перешёл на хозрасчёт и не может позволить себе убыточного производства. В.Д. Григорьев предложил компромисс: мне из уважения, как бывшему казанцу (и татарину), партию оболочек могут уступить за 45-50 рублей штука. Я связался с Новосибирском, попросил полномочий подписать новый договор с заводом с учётом уступок в цене. Мне отказали, порекомендовав предложить заводу снизить стоимость одной оболочки до 30 рублей, а также привезти в Новосибирск официальную калькуляцию работ по производству расходных материалов для зондирования атмосферы. Завод с такой ценой не согласился, но копию калькуляции затрат мне выдал. Документ я доставил в наше Управление. Напряжённые переговоры продолжались и в сентябре. Госкомцен страны утвердил стоимость оболочки в размере 18 рублей 60 копеек, но Казанский завод РТИ бойкотировал это решение; завод поставил нашему УГМС на четвёртый квартал контейнер всего лишь с пятьюстами оболочками, что было явно недостаточно для выполнения плана зондирования атмосферы. Для Гидрометслужбы наступало трудное время...

Однажды августовским вечером решил прогуляться по Казани. Вижу, на стене одного дома в районе Ленинского сада висит красно-зелёный флаг с белым полумесяцем. Загляделся на балкон, где стоял здоровенный детина (настоящий “мордоворот”); он меня о чём-то спросил. Решил промолчать; это мужику не понравилось, и он рявкнул: “Кит моннан, китмэсэн, суюрмын!” (“Уходи, а то прирежу!”) Мой друг детства Рустем Бареев, сын известного артиста татарской драмы, с которым мы тогда пообщались, сообщил мне, что этот дом – штаб-квартира татарского общественного центра (ТОЦ), экстремальной мусульманской организации.

В один из более-менее свободных дней я решил съездить в Звенигово, небольшой городок Марийской АССР, побывать на могиле моего тестя, отца Тамары. Ранним утром 16 августа на речном вокзале Казани сел на “Метеор”, скоростное судно на подводных крыльях. И вот оно стремительно несётся по Волге: знакомые берега реки, холмы, поросшие лесом и кустарником, живописные острова, речной простор, ощущение благодати, чего-то родного, вечного покоя. Через полтора часа плавания – пристань Звенигово. Хозяйка кладбища, отзывчивая пожилая женщина, провела меня к могиле Евгения Алексеевича. Я положил цветы, постоял, вспоминая. А вокруг – сосны, тишина, щебет птиц. “Хорошо здесь”,- подумал я. После возвращения в Новосибирск я рассказал о посещении кладбища жене и теще, Полине Пантелеймоновне. Они были так растроганы моим рассказом, что разрыдались.

В первой декаде августа В.И. Зиненко собрал в своём кабинете ведущих синоптиков и агропрогнозистов Гидрометцентра и задал вопрос: “Как можем улучшить обслуживание сельского хозяйства в период уборки урожая?” На этот раз долгих дискуссий не было. Решили распространить опыт работы для посевной кампании и на период уборки, дополнить

краткосрочные прогнозы погоды 6-9-часовыми корректировками прогноза осадков, а прогнозы погоды на 5 дней передавать всем СМИ. Соответствующая информация была доведена до А.Г. Незавитина.

20 августа гостем Западно-Сибирского УГМС был начальник Узбекского УГМС Н.Н. Аксарин. Теперь уже он интересовался, посетив планёрку рукостова УГМС, нашим опытом перехода на новые условия хозяйствования. Обратил внимание, как лидер республиканской Гидрометслужбы быстро схватывает суть информации, задаёт вопросы и тут же развивает свои мысли. (А ведь возраст его приближался к 70 годам!)

А политические бури летом 1990 года по своему размаху и напряжению не уступали весенним. На сессии Верховного Совета РСФСР при выборах Председателя за кандидатуру Б.Н. Ельцина проголосовало более 50% депутатов; он стал де-факто Президентом России. В июле Ельцин и его единомышленники А.А. Собчак и Г.Х. Попов объявили о своём выходе из КПСС. Обосновывая своё решение, Б.Н. Ельцин заявил, что как Президент РФ он не должен поддерживать только одну партию. В начале августа, объезжая регионы России, он посетил Татарстан. В Казани ездил в общественном транспорте, подходил к демонстрантам, здоровался, улыбался, выдавал зажигательные популистские заявления: “Берите столько суверенитета, сколько можете!” Не удивительно, что 30 августа Верховный Совет республики провозгласил создание Татарской Социалистической Республики, то есть исчез статус “автономная”; парламентарии заявили, что они не хотят быть нацией “второго сорта”. С тех пор 30 августа – День Суверенитета Республики Татарстан. В те же дни примеру Татарстана последовала Республика Коми.

В августе на стенах некоторых домов в центре Новосибирска появились плакаты, листовки, карикатуры антикоммунистического содержания: “Новосибирцы! Когда же мы кончим терпеть коммунистическое рабство?”, “Ум, честь и совесть, КПСС, надо иметь!”, “1945 год – конец фашизма, 1990 – конец коммунизма!” “Пролетарии капстран, не приbedняйтесь!”, “Нас не объегоришь, не обкузьмишь!” (намёк на Е.К. Лигачёва).

Обострилась военно-политическая обстановка на Ближнем Востоке; в начале августа войска Ирака молниеносным ударом захватили Кувейт (настоящий “блицкриг”). Госсекретарь США Д. Бейкер и министр иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе осудили агрессию Ирака. А М.С. Горбачёв был настроен в эти дни благодушно: во время своего визита вместе с Раисой Максимовной в США он договорился о создании совместного советско-американского мозгового центра экономистов для проведения экономических реформ в нашей стране. (Неужели своих мозгов у нас недостаточно?) А на переговорах с Канцлером ФРГ Г. Коелем М.С. Горбачёв вновь, в русле “нового мышления”, уступил: “Пусть объединённая Германия сама решает, в каком блоке ей быть - НАТО или Варшавском!”

Центральная пресса опубликовала тезисы очередного доклада М.С. Горбачёва на пленуме ЦК КПСС, где Михаил Сергеевич провозгласил: “КПСС должна быть партий социалистического выбора и коммунистической перспектив”. А на учредительном съезде компартии России генеральным секретарём был избран И.Г. Полозков; его речь на съезде мне показалась какой-то примитивной, неинтеллигентной и даже косной. После съезда на бетонной стене возле новосибирского Дома книги появился ехидный лозунг: “Полозком к коммунизму!”

Летом 1990 года исполнилось пятьдесят лет с момента присоединения Прибалтики к СССР. Газета “Аргументы и факты” поспешила опубликовать факты, отражающие нюансы этого процесса: ультиматум В.М. Молотова прибалтийским странам с требованием создать в течение 6-10 часов лояльное к стране Советов правительство; направление в эти страны в качестве координаторов работы опытных партийных функционеров – В.Г. Деканозова, А.Я. Вышинского, А.А. Жданова.

В сентябре-октябре помимо оперативно-прогностической работы, связанной с уборкой урожая, мы значительное внимание уделяли проблеме автоматизации обработки гидрометданных. 10-13 сентября в Новосибирске прошло совещание с участием представителей ГГИ и ВНИИГМИ-МЦД по машинной обработке оперативных и режимных гидрологических данных. Участие в совещании приняла начальник Алма-Атинского ГМЦ Л.К. Некипелова; она рекламировала разработанный у них АРМ по расчёту стока рек на ПЭВМ. Встречалась не только со мной, но и с заместителем начальника РВЦ И.В. Колотовкиным, обрушила на нас свою непосредственность, обаяние и темперамент. Ознакомилась с материалами по нашему ГМЦ (штаты, должностные инструкции, отчёты), удивилась: “Ренад Азальевич! Так вы ещё и планёрки с начальниками отделов проводите!” Более двух с половиной часов шёл Техсовет по докладу И.В. Колотовкина о концепции автоматизации обработки всех гидрометданных на базе ПЭВМ. Концепция выглядела привлекательной, но было непонятно, откуда взять деньги на приобретение миникомпьютеров. Предполагалось внедрение АРМ синоптика на базе разработанной в ГВЦ Госкомгидромета системы ЛАССО и централизованной поставки в УГМС серии ПЭВМ; однако, в конце года Москва отказала нам в поставке этой системы.

В октябре в руководстве УГМС (в основном, с участием Р.Я. Гесса) и БРИСа шли дискуссии о принципах продажи потребителям режимной гидрометинформации (справочников, ежегодников, ежемесячников): решалось, продавать информацию целиком или выборочно – отдельные таблицы, конкретные станции и так далее. С начальником БРИС Г.В. Проскуриной обсуждали технологию договорной деятельности: анализ потенциальных потребителей, формы рекламных бланков, договоров. Я пытался озадачить руководителей отделов, И.М. Касацкая закипала: “Не буду я это делать!”

На научно-техническом Совете обсуждался вопрос о вступлении во Всесоюзное метеорологическое общество. Ещё летом возникла инициативная группа советских учёных и специалистов-метеорологов Госкомгидромета СССР, АН СССР и других ведомств, которая направила во все организации Гидрометслужбы письмо с призывом объединить усилия учёных и практиков метеорологической науки в целях поднять престиж метеорологии, решения научных проблем в интересах экономики страны. Письмо-обращение было подписано 19-ю лидерами Гидромета, представляющими метеослужбу и науку России, Узбекистана, Казахстана, Украины, Белоруссии, Молдавии, Таджикистана. Среди подписантов были член-корреспондент АН СССР М.Ч. Залиханов, девять докторов наук и профессоров (А.М. Баранов, А.А. Васильев, К.П. Васильев, Н.Ф. Вельтищев, Г.В. Груза, С.М. Добрышман, М.А. Петросянец, Г.Г. Тараканов, Е.С. Уланова) четыре кандидата наук (Ю.М. Покумейко, А.Х. Шукуров, Б.С. Чучкалов, З.К. Абузаров), четыре руководителя республиканских УГМС (Н.Н. Аксарин, С.Т. Дуйсенов, А.А. Котляров, Н.П. Скрипник). Конечно, большинство участников заседания решило поддержать обращение и проголосовало за вступление в общество метеорологов великой страны.

Уборка урожая зерновых культур 1990 года шла довольно высокими темпами, тем более, что тёплая погода способствовала ускоренному созреванию зерновых культур. И это было предусмотрено прогнозами сроков восковой спелости, которая наступила уже в первых двух декадах августа. Принимая во внимание нашу расширенную и детализированную гидрометинформацию, работники сельского хозяйства сумели достаточно эффективно использовать благоприятные погодные условия для наращивания темпов уборки, которая практически была завершена в конце сентября – первой декаде октября. А достаточная заблаговременность штормпредупреждений о резком похолодании, снегопаде, установлении временного снежного покрова 16-17 октября позволило сельчанам принять экстренные меры для завершения уборки овощей, картофеля, перегонки скота с летних выпасов в помещения.

В разгар уборочной кампании резко ухудшилось состояние здоровья у нашего главного синоптика Л.Н. Староватовой; в сентябре-ноябре она лечилась в городской больнице. Мы её навестили в конце октября, после проведённой операции, видели её вялую, худую, пожелтевшую. Вышла она на работу только в середине декабря. Полегчало, я мог больше внимания уделять организационным и экономическим вопросам. Увы, тучи над Гидрометцентром продолжали сгущаться; всё чаще на совещаниях у руководства Управления обсуждались вопросы о будущем Службы в условиях нарастания инфляции, удорожания транспорта, услуг связи, электроэнергии, топлива (на 30-100%, а услуги полиграфии в 8-10 раз). Затем стали говорить о вероятности уменьшения государственного финансирования, а В.И. Зиненко в начале ноября дал

задание экономистам УГМС просчитать бюджет Управления при сокращении финансирования на 10% и на 40%.

К 7 ноября мы вновь выпустили стенную газету ГМЦ “Погода”, посвящённую годовщине (73-ей) Великого Октября. Этой теме касались три статьи: нашего ветерана войны Б.М. Кривоносова, И.М. Касацкой, довольно бодрого содержания, а также моя – большая и скорее горестная, где я снова размышлял о величии и трагедии Октября 1917 года. Статья завершалась выводом: “Мы все - дети Октября, дети его достижений, ошибок и заблуждений”. Но людям было уже не до исторических дат, всех волновали вопросы выживания “здесь и сейчас”. У многих в душе закипала злость. Возле стенда, где висела наша стенгазета, меня остановила синоптик Г.П. Торубарова и, сверкая глазами, спросила: “Мне что, идти на панель или воровать? Так бы наставила на вас автомат!”

Во второй половине ноября стало известно о резком сокращении Минфином объёмов бюджетного финансирования Госкомгидромету, поступило телеграфное указание Москвы о сокращении расходов на информацию и связь. В.И. Зиненко дал указание сократить командировки, телефонные (междугородние) переговоры. Наш ГМЦ уменьшил объём заявки для РВЦ на издание режимно-справочных материалов. Далее минимизация производственных расходов продолжилась: с декабря 1990 года 52 станции УГМС мы перевели на подачу данных по коду КН-01 только за два срока (вместо восьми); с 23 станций отменили передачу телеграмм о состоянии снежного покрова по коду КН-24; отменили передачу штормпредупреждений об ОЯ и РИП в адреса райисполкомов, стали передавать только на метеостанции; сократили объём принимаемых по факсимиле на электрохимбумаге (ЭХБ) аэросиноптического материала.

Обвал финансирования произошёл и в сфере гидрометеорологической науки. Ещё в начале сентября 1990 года на рабочем совещании НКС Урало-Сибирского региона, да и в октябре на заседаниях Учёного Совета СибНИГМИ, мы довольно оптимистично обсуждали результаты и перспективы будущих тем НИР. Но в начале ноября П.Ю. Пушистов объявил предварительную информацию о 40-процентном “урезании” Госкомгидромету финансирования по статье “наука”, а в декабре 1990 года – январе 1991 года эти сведения подтвердились. Среди ведущих учёных института (А.А. Фоменко, Л.С. Сперанский, М.Ш. Коган) чувствовалось уныние, говорили о жалком будущем науки. М.Ш. Коган сообщил, что собирается эмигрировать в Израиль. (Тут я вспомнил, что во время моего майского пребывания в Москве, в кулуарах Гидрометцентра СССР говорили, что один из ярких учёных Гидромета А.И. Снитковский дал согласие стать заведующим кафедрой в Тель-Авивском университете.)

И вновь, и вновь обсуждались вопросы активизации договорной деятельности с потребителями, представления платных услуг на гидрометинформацию в свете поступившего приказа Госкомгидромета о

переводе Западно-Сибирского УГМС с 1 декабря 1990 года на новые условия хозяйствования.

В конце года поступили новые методические рекомендации ГГО по расчёту себестоимости и цены оперативной и режимной гидрометеорологической информации. Стало возможным выйти на более или менее обоснованные расчёты прейскуранта цен на отдельные виды информации. В январе-феврале 1991 года соответствующая работа была проведена с моими заместителями и всеми руководителями отделов ГМЦ. В основные народно-хозяйственные организации были высланы проспекты с перечнем выпускаемой гидрометинформации и указанием договорных цен на неё. После проведённого в ноябре довольно бурного совещания специалистов-агрометеорологов УГМС по вопросам агрометеорологического обеспечения потребителей (принимали участие и представители сетевых организаций: Б.А. Леконцев, П.Ф. Севостьянов, Г.Н. Тюкало, Е.И. Янова) встал вопрос о более грамотной организации маркетинга, тактики переговоров. Согласились, что в них в каждом ЦГМС должны участвовать ведущие и опытные специалисты. В нашем Гидрометцентре выбор стать “коммивояжёром” (переговорщиком) пал на сотрудника отдела агрометеорологии Ю.К. Аксютину, который имел большой стаж оперативной и административной работы, был хорошим специалистом, обладал солидной, внушающей доверие внешностью, умел говорить весомо и убедительно. В декабре с Юрием Константиновичем мы уточнили адреса хозяйственных организаций, тактику переговоров (“мягкого ультиматума”). С руководством УГМС договорились, что переговорщика будем материально поощрять, перечисляя ему 1-2% от стоимости договора.

В последние дни года произошли серьёзные подвижки в кадровом составе Управления и ГМЦ. О.П. Андраханова освободила кресло начальника Кемеровского ЦГМС и перешла на работу в Кемеровский областной комитет охраны природы. Начальник Новосибирского АСПД Т.П. Соболева достигла пенсионного возраста и решила уйти в отставку, хотя выглядела очень молодо и свежо. И.В. Колотовкин стал начальником ЗСРВЦ, а В.П. Крысов, занимавший эту должность, перешёл на работу в ЗСРЦПОД и возглавил этот “спутниковый центр”. У нас в Гидрометцентре ушла работать на завод Г.И. Урванцева, а должность начальника отдела метеорологии заняла З.Н. Рассолова. Мне она показалась вполне компетентным профессионально специалистом, коммуникабельной и, когда нужно, достаточно принципиальной.

В декабре наше Управление посетил начальник Башкирского УГМС В.В. Лапиков. В конференц-зале состоялась его встреча с коллективом ЗСУГМС. Показал он себя масштабным, интересно мыслящим и действующим как менеджер широкого профиля руководителем. Он окончил три ВУЗа: ЛГМИ, строительный, народного хозяйства. Развивая договорные отношения с потребителями, он смело переводит специалистов с бюджетно-оплачиваемых (по штатному расписанию) мест на оплату в

В.В. Латиков

соответствии с договором. Более того, помимо гидрометдеятельности, он планировал завести мощное пчелиное хозяйство, учитывая благоприятные погодно-климатические условия республики, зарабатывая на производстве и продаже мёда не только рубли, но и другую денежную валюту.

Наше Управление также продолжило курс на коммерциализацию: в январе 1991 года был создан центр платных услуг (ЦПУ), который возглавил бывший инженер-агрометеоролог агрометстанции Огурцово А.Н. Козлов. ЦПУ был создан на базе БРИСа и части сотрудников отдела гидрометфонда. В конце января 1991 года

состоялось очередное заседание партийно-хозяйственного актива Управления, посвящённого итогам работы за прошедший 1990 год и перспективам на будущее. В своём выступлении я отметил существенное улучшение качества краткосрочных прогнозов погоды (на 1-3 суток) у синоптиков Новосибирского Гидрометцентра: оправдываемость составила 91-95% (по территории области). Удивительно высокой оказалась успешность долгосрочных прогнозов: по аномалии средней месячной температуры воздуха в среднем за год около 83% (!), по аномалии месячной суммы осадков - 69%. Климатологи Гидрометцентра подготовили к изданию научно-прикладной справочник по климату СССР (серия 3, часть 1-6). АУП ГМЦ совместно с ведущими специалистами издали и внедрили два стандарта предприятия (СГП) “Порядок действий организаций ЗСУГМС в период угрозы и осуществления СГЯ и РИП” и “Положение о гидрометобеспечении народного хозяйства станциями и постами ЗСУГМС”. Конечно, в своём сообщении я коснулся вопросов развития договорной деятельности и предоставления платных услуг.

Как оказалось, данный партактив был последним в истории нашего Управления. Политические бури в стране всё чаще принимали антикоммунистический характер. В годовщину Октября в Москве и Ленинграде состоялось несколько демонстраций под лозунгами: “Памяти жертв октябризма”. Верховный Совет СССР на своём заседании утвердил “Основные направления стабилизации экономики и перехода к рынку”. Однако Б.Н. Ельцин на сессии Верховного Совета РСФСР сделал скандальное заявление о том, что вместо прогрессивной программы “500 дней” С.С. Шаталина и Г.А. Явлинского принята консервативная правительственная программа Н.И. Рыжкова и Л.И. Абалкина. В знак протеста заместитель Председателя Совета Министров РФ Явлинский подал в отставку.

В Молдавии произошли межнациональные столкновения между жителями левобережья Днестра и молдаванами-гагаузами с применением боевой техники; снова СМИ сообщают об убитых и раненых. А КВН

одесситов демонстрирует (некстати) остроумие: “Там смуглянка-молдаванка собирает автомат”. Телевидение показало воинствующую демонстрацию украинских националистов в Киеве, идущих по Крещатику с плакатами и портретами С. Бандеры. (Обратил внимание, морды у демонстрантов такие нахальные, просто жуть!) Оказывается, “нацики” там появились не в 2014 году, а в ноябре 1990 года.)

В конце ноября центральные газеты опубликовали проект нового Союзного договора и Конституции РСФСР; Последний документ с виду разумный, но в нём нет совершенно упоминания о СССР и взаимодействии с ним России (?!). Российский парламент утвердил новый гимн России – “Патриотическую песню” М.И. Глинки. Верховный Совет СССР ответил постановлением: “Положение в стране близко к кризисному!” Рекомендовал Президенту в течение двух недель подготовить предложения по изменению структуры власти. М.С. Горбачёв ответил: “Хватит отступать!” Говоря о программе “жёстких” действий, он предложил создать Совет Безопасности при Президенте СССР. (“Говорильня”, - подумалось мне.)

В начале декабря состоялась встреча ведущих деятелей культуры и искусства страны с М.С. Горбачёвым. Интеллектуалы жаловались на нищету, распад культуры, невнимание чиновников, засилье порнографии. Запомнилось выступление Н.А. СССР, директора Московского цирка Ю. Никулина, который жаловался, что ему нечем кормить животных, так как цирку перестали поставлять мясо. Юрий Владимирович пригрозил, что он вывезет клетки с тиграми на Красную площадь и выпустит зверей на свободу. Горбачёв опять многословно объяснял своё понимание перестройки, но (увы!) ничего не обещал.

Во второй половине декабря газета “Известия” сообщила о скандальном пленуме Союза писателей России, где М.С. Горбачёва и Э.А. Шеварднадзе назвали предателями и “персоналом перестройки, обслуживающей Америку”. Через несколько дней последовала отставка Шеварднадзе с поста министра иностранных дел, которую “Известия” назвали “политическим самосожжением”. Журнал “Огонёк” опубликовал статью мэра Москвы Г.Х. Попова “Что делать?”, в которой он предложил простые (даже удивительно простые!) рецепты реформирования экономики: десоветизация, приватизация, частная собственность на землю. В конце декабря Б.Н. Ельцин заявил, что, идя навстречу верующим, он объявляет 7 января (Рождество Христово) нерабочим днём. (“Во даёт!” - пришло мне в голову.) Правда, парламент Татарстана отказался признать этот указ и, в свою очередь, предложил признать государственными мусульманские праздники.

А в мировой внешней политике был взят курс на преодоление последствий прежней холодной войны, курс на мир и дружбу между странами. В декабре Президент Южной Кореи Ро-Дэу прибыл с визитом в Москву. В газете “Известия” опубликована “Парижская хартия новой Европы”, в которой провозглашалось завершение эпохи конфронтации и раскола Европы, подтверждались принципы Хельсинкского соглашения

(неприменение силы, демократия, права человека). Был подписан “Договор о сокращении обычных вооружений”, по которому оба блока (НАТО и Варшавский договор) через сорок месяцев после подписания должны иметь в своём распоряжении (каждый) не более 20 тысяч танков и не более 2 тысяч вертолётов. И верилось, и не верилось во всё это декларированное и подписанное; да и слишком плохо шли дела в нашей стране. А потому остро воспринималось выступление знаменитого актёра А. Ширвиндта в новогодней “Кинопанораме”, где он с непередаваемым юмором сообщил о поступивших к нему приглашениях сняться в кинокартинах “Грязь”, “Мразь”, “Гнусь”.

Выйдем ли когда-нибудь из этого мрачного болота? Будет ли, появится ли “свет в конце тоннеля”? С тревожными мыслями и предчувствиями вступали мы в 1991 год.

Глава 12. Политические и экономические бури. Неформалы.

Юбилейные лекции. Сокращение “снизу”. “Гэкачепэ и Энкаэс”.

Последнее ”союзное” совещание. Конец Гидромета великой страны.

Увы! Тревожные ожидания всевозможных бед и напастей в 1991 году начали оправдываться. Уже в начале января началось противостояние лидеров СССР и России - М.С. Горбачёва и Б.Н. Ельцина. Борис Николаевич отказался перечислить в союзный бюджет немалую сумму (более 100млрд рублей), что грозило крахом бюджету страны. Правда, через несколько дней СМИ сообщили, что часть средств в бюджет Союза всё же поступила. Жителям нашего микрорайона Новосибирска выдали продуктовые талоны (на крупу, чай, мыло...); прошёлся по магазинам: жуткое зрелище – пустые полки, у прилавков стоят люди с мрачными лицами и с талонами в руках. Через несколько дней повторил свой поход и снова закипел от злости: у меня талон в один магазин, а нужные мне продукты продают в другом магазине.

10 января в конференц-зале Западно-Сибирского УГМС была организована дискуссия коллектива по проекту Конституции России. Обсуждение продемонстрировало полный “плюрализм” мнений: от откровенного неприятия его (ветеран войны М.А. Быков) до полного одобрения (заместитель начальника УГМС Р.Я. Гесс). Я выступил за поддержку проекта, но с предложением дополнить его разделом о взаимодействии с СССР и ограничением власти Президента РФ.

В Вильнюсе, столице Литвы, в связи с трёхкратным повышением цен начались беспорядки. Толпы народа блокировали парламент. Кабинет правительства Казимиры Прунскене ушёл в отставку. А 13-14 января Вильнюс стал ареной боевых действий. Некий ”комитет национального спасения Литвы” обратился к коменданту гарнизона города с просьбой прекратить антисоветские призывы литовского телевидения. Комендант направил на штурм телецентра танки, десантников, войска МВД; более

десяти человек были убиты, около ста – ранены. Президент Литвы В.В. Ландсбергис провозгласил состояние войны с СССР, направил протест М.С. Горбачёву. Обострилась ситуация в Латвии, на улицах Риги появились баррикады. Командующий Прибалтийским военным округом потребовал от главы латвийского государства А.В. Горбунова очистить улицы. Б.Н Ельцин в этой ситуации выступил с провокационным заявлением, что, мол, для защиты суверенитета России нужна своя армия, а затем вместе с лидерами Прибалтики подписал обращение в ООН с предложением рассмотреть положение в Литве. Кстати, лидеры прибалтийских стран ездили на поклон в США, но вернулись оттуда ни с чем: американский Президент Джордж Буш не захотел разыграть “балтийскую карту” против М.С. Горбачёва.

Синоптики Гидрометцентра СССР оказали политическую поддержку правителям Литвы; объявили забастовку, о чём послали известие на факсимильной карте погоды. Вечером 14 января на центральном телевидении прозвучала ехидная реплика комментатора-журналиста по поводу забастовки ГМЦ.

17 января, не дождавшись от Президента Ирака С. Хусейна ответа на ультиматум освободить Кувейт, войска США и их союзников по НАТО вторглись в Ирак и Кувейт. Союзная армада (700 тысяч человек) с танками, авиацией, морской пехотой (на амфибиях) в считанные дни вышла к реке Евфрат, отрезала и разгромила иракские войска. Правитель Кувейта шейх Сабах ас-Сабах вернулся в свою страну.

В середине января кабинет министров СССР возглавил В.С. Павлов; Н.И. Рыжков ушёл в отставку. Представители оппозиции в Верховном Совете (Н.И. Травкин и другие) ехидно и довольно зло комментировали и эту рокировку, заявляя, что новый премьер всё из той же консервативной обоймы аппарата ЦК КПСС, поэтому никакого прогресса в экономике и политике ожидать не приходится.

Январь 1991 года “порадовал” стихийными (опасными) метеорологическими явлениями на юге Западной Сибири. Активизация циклонической деятельности (перемещение глубоких “аральских” циклонов) во второй и начале третьей декады января привела к сильным метелям (буранам, вьюгам) продолжительностью до 42 часов, при ветре местами 25-34 м/с. Особенно стихия бушевала на Алтае, на юге Новосибирской и Кемеровской областей, где метели вызвали снежные заносы на дорогах, а при оттепелях снегопады переходили в осадки в виде мокрого снега (с его налипанием на проводах), и создавалась сильная гололедица. Непогода вызвала обрывы проводов ЛЭП, линий связи, аварии строительной техники, отмены рейсов междугородних автобусов, задержки подвоза кормов к животноводческим фермам. Экономический ущерб был немалый, но он, наверняка, был бы больше, если бы не заблаговременное (более суток) штормовое предупреждение, которое было направлено синоптиками Новосибирского Гидрометцентра и их коллегами из региональных ЦГМС народнохозяйственным организациям.

В первой половине февраля прошла серия важных научно-производственных совещаний: итоговая сессия Учёного Совета СибНИГМИ, заседание НКС Урало-Сибирского региона и НТС “Прогноз погоды”. В заседаниях участвовали главы Омского и Красноярского УГМС В.С. Пронин и В.И. Барсуков, начальник Свердловского Гидрометцентра В.А. Крупенников, из Владивостока прибыл заведующий кафедрой метеорологии ДВНИГМИ Г.В. Свинухов. Содержательные доклады представили Г.М. Виноградова (долгосрочные прогнозы) и И.Г. Храмцова (среднесрочные прогнозы). Но, пожалуй, самым ярким событием науки того времени явилось обсуждение и утверждение программы испытания новой гидродинамической модели и технологии регионального численного краткосрочного прогноза погоды для Урало-Сибирского региона (система “Регион”), автором которой стал заведующий отделом СибНИГМИ А.А. Фоменко. При разработке своей модели автор учёл достижения других мировых центров ВМО. Область прогноза представляла собой прямоугольник (40-80° с.ш. и 40-147° в.д.) с разрешением 130 км для 15 уровней. В модели прогноза учитывались орография, турбулентные потоки тепла, влаги, момента количества движения, крупномасштабная конденсация и влажная конвекция, температура подстилающей поверхности. В качестве исходного материала для расчёта использовались поля геопотенциала, ветра, дефицита точки росы на стандартных изобарических поверхностях за 12 часов СГВ. Система “Регион” анализировала поступающую в Новосибирск синоптическую и аэрологическую информацию по станциям Северного полушария, проводила расчёты прогнозов заблаговременностью до 72 часов в узлах расчётной сетки с шагом 1,25° по долготе и 1,66° по широте. В комплекс расчёта входили программы подготовки исходной информации, автоматизированная система сопровождения, позволяющая проводить оценку, графическое отображение прогнозов, архивацию. Исходные поля формировались системой первичной обработки и контроля данных ЗСРВЦ и объективного анализа. Расчёты велись на ЭВМ ЕС-1066; в разработке технологической линии прогноза принимали участие сотрудники РВЦ во главе с И.В. Колотовкиным. Казалось бы, появился достойный продукт научно-технической отечественной мысли. Смущало лишь одно – в качестве полей первого приближения при объективном анализе использовались прогнозы наших “заклятых” друзей – НМЦ США, а в качестве боковых граничных условий помимо американских прогнозов использовались европейские (ЕЦССП) прогнозы давления

Впрочем, не только научными дискуссиями отличались заседания НКС. Все участники были озабочены дефицитом финансирования Гидрометслужбы, безудержным ростом цен, снижением реальной заработной платы большинства работников Службы, особенно наблюдательной сети. В своём выступлении В.И. Барсуков заявил, что переход Гидромета на условия труда в соответствии с Постановлением Правительства №115 является ошибкой, которая может привести к нищете

и развалу Службы. В.С. Пронин, розовый от волнения и гнева, договорился до того, что готов лично возглавить забастовку сибирских гидрометеорологов в борьбе за достойные условия труда и жизни. (Я сейчас подумал, а мог бы кто-то из нынешних региональных руководителей пойти на “штурм Бастилии”?) В результате обсуждения решили готовить обращение к руководству СССР и РСФСР. В составлении этого письма я тоже принял участие. Через несколько дней обращение подписали руководители всех УГМС от Урала до Дальнего Востока. - А.А. Успен (Урал), В.С. Пронин (Омск), В.И. Зиненко (Западная Сибирь), В.И. Барсуков (Красноярск), И.С. Ерёмин (Иркутск), В.М. Трухин (Забайкалье), В.В. Новиков (Якутск), А.А. Черных (Дальний Восток), и директор СибНИГМИ П.Ю. Пушистов. Приведу выдержку из этого письма: “...Если в СССР нужна государственная гидрометеорологическая служба, то она должна быть полностью обеспечена всем необходимым для успешного выполнения своих задач”. И далее: “...полагаем возможным просить Президента страны, руководство СССР и РСФСР безотлагательно рассмотреть вопрос о соответствующем бюджетном финансировании и социальной защите работников, что позволит предотвратить взрывоопасную ситуацию в коллективах Службы”. Но была в этом письме рискованная (в политическом плане) фраза: “Считаем, что Гидрометслужба должна находиться в ведении Союза ССР и финансироваться из союзного бюджета”. Мы как-то не приняли всерьёз конфронтацию между М.С. Горбачёвым и Б.Н. Ельциным.

На заседании НКС и Учёного Совета института я коснулся ещё одной темы - “Наука и дурман невежества”. По моим наблюдениям кризисные явления конца 80-х – начала 90-х годов в экономике стали сопровождаться околонучными спекуляциями, особенно в сфере долгосрочного прогноза погоды. Активизировались прогнозисты-“неформалы”. Ещё в октябре 1990 года некий секретарь райкома ВЛКСМ опубликовал в журнале “Охрана здоровья” своё “великое открытие”: оказывается, для прогноза погоды на год в своём районе (точке) надо просто выбрать характеристики погоды прошлого года в точке восточнее вашей на 45°. (Иначе как бредом и не назовёшь, особенно, если знаешь, что атмосферная циркуляция ориентирована с запада на восток.) Эта публикация, на беду, попала в руки В.И. Зиненко, и он, конечно, дал задание испытать райкомовский “метод”. Правда, через месяц, после демонстрации результатов нескольких экспериментов, Василий Иванович согласился, что впечатлившее его “открытие” – шарлатанство. В то же время в Москве возникла фирма – НПО “Полигон” (генеральный директор К.Ю. Симонов), которая озадачилась проблемой “внедрения погодной ориентации сельского хозяйства” (по их терминологии). НПО составило один из самых ярких по своей некомпетентности прогнозов погоды на январь-март 1991 года для Новосибирской и Омской областей, в котором утверждалось, что данный период будет экстремально холодным (на 5...10°С ниже нормы), причём в третьей декаде января и в феврале

среднесуточные температуры будут около минус 40°C (!). Авторы этого прогноза не удосужились изучить климатические данные, чтобы убедиться, что таких длительных морозных периодов с 40-градусной средней температурой на юге Западной Сибири просто не бывает. А свой прогноз “кудесники” НПО направили не куда-нибудь, а на имя Председателя Совета Министров СССР. Надо ли удивляться тому, что фактически зима 1991 года в нашем регионе была аномально тёплой (на 2...3°C выше нормы). По указанию Василия Ивановича, ироничный комментарий к прогнозу “Политона”, а также оценки его успешности были направлены в пять адресов, от Правительства до Новосибирского облисполкома. В начале января 1991 года в наше Управление и Гидрометцентр явился сотрудник Биологического института СО РАН И.А. Гаврилов. Отнял у меня не менее часа времени, доказывая (довольно путано), что на базе космических связей он может предсказывать всё - от волн тепла и холода до землетрясений, техногенных катастроф и глобального апокалипсиса. Через несколько дней он принёс прогноз погоды на февраль по Новосибирской области, в котором указывалось, что месяц будет аномально холодным (на 2...3°C ниже нормы). Конечно, этот прогноз не оправдался, но наше общение с автором (“таврилиада”) продолжалось ещё более десяти лет. В феврале-марте настойчивые попытки навязать нам сотрудничество предпринимал некто А.Л.Параскун, сотрудник СО ВАСХНИЛ, представлявший какую-то загадочную фирму - НПО “Сибирское руно”, в свою очередь связанную с НПО “Политон”. В беседе с руководством УГМС он ратовал за кооперацию в разработке методов долгосрочного и сверхдолгосрочного прогнозов погоды. В его речах откровенно сквозила заинтересованность в получении (бесплатно!) нашей фактической гидрометинформации. Несмотря на мои возражения, В.И. Зиненко решил взаимодействовать с этой “публикой”. (“Давайте попробуем!”) Глядя на моё посеревшее лицо, Параскун даже посочувствовал: “Да, мы, неформалы, тяжёлый народ”. С середины 80-х годов тянулась (с перерывами) полоса взаимодействия с сотрудником СО ВАСХНИЛ В.А. Понько, который занимался составлением долгосрочных и сверхдолгосрочных (на несколько лет вперёд) гидрометеорологических прогнозов на базе, как он говорил, учёта деформационных сил, вызванных лунными и солнечными циклами. Своими прогнозами он пытался заинтересовать Новосибирский агропром, но в марте 1990 года аграрии отказали ему в поддержке из-за низкой успешности прогнозов осадков (чуть более 50%). Тогда он обратился за поддержкой в наше Управление, и даже выступил в июне на Техсовете с докладом о своей работе. Правда, я обратил внимание, что его доклад был чрезвычайно схематичен. О технологии и этапах прогнозирования было рассказано завуалировано, а оценки качества прогнозов были явно произвольными и завышенными. Тем не менее, докладчик добился поддержки руководства УГМС и заключения договора на получение необходимой ему метеорологической (и картографической) информации до конца года. В декабре 1990 года пришлось констатировать отсутствие научно-прикладного результата, и В.И. Зиненко принял решение

– договор расторгнуть, а передачу информации прекратить. (Как показала жизнь, “понькониада” продолжалась с перерывами ещё 10-15 последующих лет.)

В феврале 1991 года, после завершения расчёта прејскурантов базовых и договорных цен на оперативно-прогностическую и режимную гидрометинформацию и продукцию и утверждения этих прејскурантов ПЭО и руководством УГМС (не без труда!), мы приступили к переговорам с потребителями нашей информации. Этот процесс продолжался и весной, и летом. Ю.К. Аксютин к тому времени вышел на пенсию, но согласился остаться нашим “контрагентом”, при условии отчисления ему 2% от суммы заключённого договора. В контактах с потребителями участвовали и некоторые руководители отделов Гидрометцентра. Запомнилось посещение ВОБВУ и ЗСРП с начальником группы гидрологических прогнозов В.Ф. Богдановой. Пароходчики привлекли к переговорам своих специалистов, жаловались на бедность. Сделка была заключена только в мае на уровне первых руководителей ведомств; В.И. Зиненко согласился на бартер: в обмен на гидрометинформацию ЗСРП оказывает нам хозяйственные услуги (ГСМ и др.). Водохозяйственникам (начальник ВОБВУ С.П. Бавский) мы предложили договор на десять тысяч рублей. Потребители “выкатили” нам встречное предложение - купить ежегодник по качеству вод, который они выпускали, за 17 тысяч рублей. (Этот ежегодник использовали в своей работе сотрудники нашего ЦНЗПС.) Трудно шли переговоры с железной дорогой (ЗСЖД). Их представители стремились доказать, что большая часть получаемой ими метеоинформации является стандартной, оплачиваемой из средств бюджета страны, а потому не должна оплачиваться ещё и железной дорогой. Мы доказывали, что многие виды информации и даже содержание некоторых метеостанций (Топки, Барзас) являются разновидностями специализированной информации. Компромисс был достигнут с трудом. В марте новый начальник ЦПУ А.Н. Козлов показал мне проект платной справки для садоводов с текстом нашего месячного прогноза на апрель и рекомендациями о проведении весенних работ в садах и огородах. В эти весенние месяцы мне удалось внести свой личный вклад в коммерческую деятельность, заключив договор с Новосибирским Управлением механизации на передачу штормовых предупреждений (оповещений) о СГЯ и РИП на сумму около двух тысяч рублей. Забегая несколько вперёд, скажу, что в 1991 году наше Управление заключило договоров на платное гидрометобеспечение потребителей на сумму более пятисот тысяч рублей. (Может быть, это было немного, но всё же... всё же!)

Моя “околокоммерческая” деятельность на короткое время (около недели) прерывалась в двадцатых числах февраля, когда по приглашению декана географического факультета Казанского университета Ю.П. Переведенцева, я прочёл несколько лекций по методам региональных долгосрочных прогнозов погоды, разработанным в СибНИГМИ. Я рассказывал о результатах своего (синоптико-статистического)

направления, приводил сведения об исследованиях своих коллег в этой области (Л.Н. Романова и Г.М. Виноградовой), использовал в своих лекциях обширный иллюстративный материал (27 плакатов). Моими слушателями были студенты 3-4 курсов метеорологического отделения географфа. Первая моя лекция, скорее беседа, была посвящена Гидрометслужбе страны вообще, структуре и задачам Западно-Сибирского УГМС и Новосибирского Гидрометцентра, проблемам перехода гидрометобеспечения потребителей в сферу рыночных отношений. В аудитории, где сидело около двадцати студентов, было довольно прохладно (плохо отапливали), многие сидели в пальто, однако, слушали с живым интересом, смеялись, когда я иронизировал по поводу псевдопророков и откровенных шарлатанов в метеорологии. Правда, в конце первого дня занятий мой язык заметно заплетался, а мысли начинали туманиться, но, кажется, не очень заметно. Следующие два дня (ещё 8 часов) я говорил увереннее и энергичнее: рассказал о космических и атмосферно-океанических факторах, которые учитываются при составлении долгосрочных прогнозов погоды в Западной Сибири, в региональной и физико-статистической моделях прогноза аномалий среднемесячной температуры и месячных сумм осадков по этой территории.

Кафедра метеорологии КГУ. 1991год.

Не успел я поставить точку в своей беседе, как вошёл Юрий Петрович и деликатно, но настойчиво, увёл меня в другую аудиторию, где собрались, чтобы поздравить уважаемого декана с 50-летним юбилеем, сотрудники кафедры метеорологии и деканата: седовласые профессор Н.В. Колобов и А.П. Дедков, молодежавый профессор А.М. Трофимов, доценты М.А. Верещагин, А.Ю. Гринько, Э.П. Наумов, В.Д. Тудрий, К.М. Шанталинский и прочие, и прочие. Весело, уважительно, но с юмором

поздравляли Юрия Петровича с наступлением “совершеннолетия”. В своём тосте-поздравлении я отметил, что этот “парень, родом из села Высокая Гора”, достиг таких высот в научной и административной сфере, благодаря своей физической и умственной выносливости, а также основательности совершаемых в жизни поступков и действий; напомнил, что в юности он стал чемпионом Татарстана по толканию ядра среди юношей, а помимо высшего образования по географическим наукам получил также высшее математическое образование. Было много музыки, пели нечто украинско-русско-цыганское на три голоса (В.Д. Тудрий, Э.П. Наумов и я), а затем мне позволили (или я позволил себе?) спеть соло итальянскую песню “Марекьяре”.

Гостеприимный Юрий Петрович сделал мне ещё один подарок – билет на спектакль Татарского Академического драмтеатра имени Г.Камала “Сүнгән йолдызлар”(“Угасшие звёзды”). К тому времени Камаловский театр располагался в новом красивом здании на берегу озера Кабан. Пьеса прекрасного драматурга К. Тинчурина с изумительной музыкой великого С. Сайдашева посвящена драме любви двух парней, бедного крестьянина и горбуна, сына помещика, к красавице Сарвар. Главную роль исполняла молодая очаровательная актриса Алсу Гайнулина, напомнившая мне трагизмом и обаянием шекспировскую Офелию. До слёз меня тронула одна сцена: во время сельской вечеринки становится известным о начале войны с кайзеровской Германией, и все юноши по одному, молча, возвращают своим подругам гусиные перья (казканатлары) – символы несостоявшегося счастья.

В этот раз я жил на “кольце” (площадь Г. Тукая) в современной гостинице “Татарстан”. Моим соседом по номеру был интересный человек – заместитель мэра Альметьевска А. Рахматуллин, убеждённый националист, антикоммунист, сторонник выхода Татарстана из СССР. Он уверял, что, рано или поздно, М.С. Горбачёва уберут военные с левыми взглядами, чтобы навести в стране порядок (неужели он предвидел ГКЧП?!), а затем передадут власть компетентным экономистам (типа Шаталина?).

Вернувшись из Казани в Новосибирск, я узнал, что в эти февральские дни в Москве скончался Н.И. Зверев, один из крупнейших учёных и лидеров долгосрочной отечественной науки и практики. Вечная память Вам, Николай Ильич! (В последнее время у меня нередко возникает вопрос, а можно ли долгосрочное прогнозирование погоды, эту сложную, неоднозначную, противоречивую область знания (или незнания?) называть НАУКОЙ?!)

Весна началась взбудоражившими страну экономическими и политическими событиями. В марте забастовали шахтёры Кузбасса. В правительстве заявили, что забастовка горняков “грозит поставить на колени” промышленность и энергетику страны. Глава правительства В.С. Павлов направил к бастующим комиссию, но оказалось, что шахтёры выдвигают не только экономические, но и политические требования (отставка М.С. Горбачёва и правительства). Верховный Совет РСФСР

раскололся. Большая группа депутатов опубликовала воззвание против Б.Н. Ельцина, назвав его политику деструктивной и волонтаристской, тяготеющей к экстремизму и демагогии. В ответ на требования Бориса Николаевича дать ему чрезвычайные полномочия, депутат С.П. Горячева заявила: “Вы не сумели воспользоваться имеющимися полномочиями, а требуете новых.” На сессии Верховного Совета СССР прозвучала яростная критика “антикризисной” программы В.С. Павлова, причём один из депутатов (В.П. Носов) употребил выражение: “Господа дерьмократы!” (Ну и парламент!)

В начале апреля произошло резкое повышение цен на продукты питания, примерно в два раза: буханка хлеба вместо 24 стала стоить 52 копейки. Несмотря на повышение цен изобилия продуктов на прилавках не было видно. В.С. Павлов заявил, что повышение цен будет компенсировано поэтапным повышением заработной платы. На пленуме ЦК КПСС политика М.С. Горбачёва подверглась беспощадной критике, но, когда Михаил Сергеевич поставил на голосование вопрос о своей отставке, только 12 человек поддержали это предложение, а более 300 были против. Верховный Совет СССР и 9 глав республик обратились с воззванием подписать новый Союзный договор, прекратить забастовки, перечислить деньги в союзный бюджет. (Оказалось, что в IV квартале 1990 года в союзной кассе средств было - третья часть от плановых цифр.) А ведь 17 марта жители страны Советов участвовали в референдуме о сохранении СССР, и большинство проголосовало за нашу великую страну. (В том числе и моя семья.)

Волна протестов прокатилась и по структурам Гидрометслужбы. В конце марта коллектив АМСГ Минеральные Воды потребовал от правительства улучшить финансирование Службы и призвал метеорологов страны объявить 15 апреля предупредительную забастовку, а в случае неприятия мер – общую забастовку. 10 апреля состоялась довольно бурная профсоюзная конференция коллектива ЗСУГМС.В.И. Зиненко рассказал о финансовой пропасти, в которой оказалось наше Управление. Лидер профсоюза Е.В. Ермоленко доложила о требованиях профсоюза сибирской Гидрометслужбы к руководству Госкомгидромета. Большинство ораторов поддержало идею проведения забастовки; лишь ветеран Гидрометслужбы Б.М. Кривонос назвал эту идею безответственностью. Я в своём выступлении, поддержав идею забастовки, счёл нужным отметить причины финансовой проблемы Гидрометслужбы, увязав её с крахом Союзного бюджета, а также с нерациональными затратами на финансирование дорогостоящих программ (Антарктида, космос и др.). В результате оргкомитет конференции ещё раз скорректировал пакет требований в адрес Москвы.

В конце марта – начале апреля прошла серия долгих и тяжких совещаний при руководстве Управления по проблеме ухудшения финансово-экономического состояния Службы. В.И. Зиненко зачитал телеграмму Госкомгидромета о финансировании работ на II квартал 1991 года: Москва гарантировала (более или менее) статью по заработной плате,

на 75% расходы на связь, а на остальные нужды – всего лишь на 25%. Снова вернулись к вопросу сокращения наблюдательной сети: по докладу Р.Я. Гесса был одобрен очередной пакет предложений по уменьшению количества метеостанций на четверть. Звучали идеи “шоковой терапии”: сократить аппарат областных ЦГМС (в связи с низкой эффективностью их работы) и число ГМС на треть. Начальник ПЭО Л.В. Мишина выступила с обзорным докладом о развитии договорной деятельности; отметила “рывок”, который совершил Новосибирский Гидрометцентр в этом направлении. Далее зачитала предложения руководства по сокращению некоторых структур УГМС (ЦНЗПС, АСПД, ОГСН...). Мою докладную записку, в которой содержался протест против разгрома сети и подразделений, ведущих эффективное гидрометеобеспечение потребителей, она зачитала с явной издёвкой, подхихикивая, что вызвало моё возмущение. А всё же многие расходы пришлось пересмотреть: уменьшили в несколько раз тиражи месячного прогноза погоды, декадного агрометеобюллетеня, ежедневного бюллетеня погоды, гидрологического бюллетеня, прекратили работы по привязке метеостанций к реперной геодезической сети и так далее. После этих совещаний шёл домой с налитыми тяжестью ногами, с чувством тоскливого раздражения и почему-то с желанием сходить на приём к психиатру.

Немного полегчало в конце апреля, когда наши лидеры (В.И. Зиненко, Р.Я. Гесс, Е.В. Ермоленко) вернулись из Москвы и рассказали о прошедшей Коллегии Госкомгидромета и заседании согласительной комиссии с участием профсоюза (ФПАР) и представителей правительства. 13 апреля было принято правительственное постановление о преобразовании Госкомгидромета в Союзный комитет гидрометеорологии при Кабинете министров СССР. Новый комитет выделяет 20 миллионов рублей дополнительно на содержание сети, а правительство – 40 миллионов рублей в целях повышения заработной платы работникам Гидрометслужбы в 1,6 раза с 1 июля и в 2 раза с 1 января 1992 года.

На волне оптимистических надежд родилась идея сокращения штатов (идея “низов”), с которой в середине мая выступила новый профорг Гидрометцентра С.В. Прилепская: от каждых 8-10 человек (по отделам) сокращается одна штатная единица. Идея была принята коллективом ГМЦ. К сожалению, жертвой этой идеи стала начальником отдела долгосрочных прогнозов (и прекрасный синоптик) М.Г. Зубович. Ей в мае этого года исполнилось 55 лет, а согласно КЗОТу того времени в первую очередь следовало сокращать лиц пенсионного возраста. Местком ГМЦ единогласно дал согласие на увольнение лидера отдела. Майя Григорьевна выслушала вердикт профсоюза молча, как бы в ступоре. Прошло немало лет, Майи Григорьевны уже нет с нами, а я всё ещё виню себя, что не смог защитить её.

Но страсти не утихали. На объединённом заседании парткома и месткома руководство Гидрометцентра за что только не ругали. Например, почему гласно не обсуждалось штатное расписание каждого отдела.

Особенно нетерпимой и непримиримой была начальник отдела агрометеорологии А.А. Тюменцева. Уперев руки в бока, она обратила свой взгляд на меня: “У нас очень дорогой начальник ГМЦ, может, найти более дешёвого руководителя?!” (Она имела в виду, что у меня, помимо штатной зарплаты, была ещё надбавка за учёную степень.)

И снова (третий год подряд!) на юг Западной Сибири пришла ранняя, аномально тёплая (на 3...5°C выше нормы) и дружная весна с большим недобором осадков, крепкими ветрами и пыльными бурями. В большинстве районов снег стоял уже в первой декаде апреля. Частые суховеи привели к иссушению пахотного слоя почвы. Длительные засушливые периоды изматывали селян и в летний период, особенно в первой половине июня и второй половине июля, когда жара достигала 30...38°C. Засушливость негативно сказалась на состоянии посевов, наливе зерна, приросте растительной массы кукурузы и формировании клубней у картофеля. К чести сибирских гидрометеорологов, информация о развитии весенних процессов, сроках схода снега, влажности почвы и других параметрах доводилась оперативно до потребителей в виде консультаций, докладных и помещалась в агробюллетенях. Дефицит осадков был предсказан в месячных прогнозах. С учётом этих данных и краткосреднесрочных прогнозов строилась аграриями тактика проведения полевых работ. Летом 1991 года стихия послала нам зловещие сигналы: 17 и 29 июня в ряде районов Новосибирской, Кемеровской областей и Алтайского края (Бийск) отмечались смерчи, которые мы, конечно, не могли предсказать. В зоне смерчей были повреждены и разрушены несколько домов и строений, повалены бетонные опоры ЛЭП и деревья, сорваны крыши. К счастью, обошлось без человеческих жертв.

Засушливые весна и лето стали причиной низких уровней половодья на реках бассейна Оби (на 1-4 метра ниже нормы), недобора притока воды (70%) во II квартале в Новосибирское водохранилище, низких уровней летне-осенней межени (до 1 м ниже отметок судового хода). Эти особенности гидрологического режима были удачно (87-97%) предсказаны гидрологами Новосибирского Гидрометцентра всеми видами прогнозов.

Во время своего очередного отпуска, который я обычно использовал для активной работы на своём дачном участке, выкроив недельную паузу, я слетал в Казань. Организовал изготовление и установку на татарском кладбище каменного памятника (из мраморной крошки) на могиле моей мамы (эни). В установке памятника участвовал и мой отец; хотя ему тогда уже шёл 83-й год, но он ещё был довольно бодрым мужчиной. Помогавший нам работник кладбища, похоже, был неплохим психологом. Сопоставив годы, нынешний и смерти мамы (1982), он заметил: “Наверное, она стала сниться”. (Это было, увы, справедливо.)

Ненадолго появилась надежда на “светлые времена”. В июне на заседании Верховного Совета СССР глава Правительства В.С. Павлов изрёк: “Наконец, удалось остановить рост падения производства”. (?!) Б.Н. Ельцин 12 июня получил на выборах Президента РСФСР более 60%

голосов; 1 июля он приехал в Новосибирск, где состоялась его встреча с партийным и хозяйственным активом области. Обратил внимание, что он не страдал избытком дипломатической этики. Когда его спросили об отношении к М.С. Горбачёву, он употребил выражения типа: “Мы его предупредили, что если он...” А 11 июля Борис Николаевич принёс присягу в качестве Президента России. Он говорил о благе и возрождении России и ни слова о Союзе! Патриарх Алексей осенил его (атеиста) крестным знаменем. Дипломатично его поздравил М.С. Горбачёв, подчеркнув необходимость укреплять Союз.

В июле-августе Москва дважды (телеграфно) подтверждала выделение Минфином денежных средств на повышение зарплаты. В середине и конце августа Р.Я. Гесс и Л.В. Мишина доложили проекты штатного расписания по структурным подразделениям Управления. Упрёки руководству по этим проектам были резкими, но справедливыми: повышение в 1,6 раза заработной платы произошло только в среднем, но далеко не всем (по Гидрометцентру получился рост зарплаты в среднем на 45%). Правда, после критических выступлений экономисты обещали переработать штатное расписание.

7 августа и.о. начальника УГМС Р.Я. Гесс (В.И. Зиненко был в отпуске) организовал чествование двух ветеранов Гидрометслужбы и Отечественной Войны Б.М. Кривоносова и М.А. Быкова. Борис Митрофанович отмечал свой 70-летний юбилей, а Михаил Алексеевич 50-летие пребывания в рядах КПСС. Оба ветерана демонстрировали впечатляющие “иконостасы” орденов и медалей на груди, завидную военную выправку и металл в голосе. Терпеливо выслушав приветствия и поздравления руководителей головных структур Управления, представителей профсоюза, партийных органов области, ветеранов региона, пожелания доброго здоровья и долгих лет жизни, наши ветераны выступили с ответным словом. Б.М. Кривоносов завещал: “Не теряйте веры в коммунизм!” А М.А. Быков завершил так: “Коммунистом был, коммунистом и останусь”. (Можно соглашаться, или не соглашаться с их взглядами, но, безусловно, глубочайшего уважения за свои убеждения и стойкость они заслуживают.)

Невозможно было вообразить, что 19 августа 1991 года станет историческим днём в судьбе страны. В этот день была совершена попытка государственного переворота. Мы узнали об этом из сообщений новосибирских СМИ после завершения планёрки рукостава УГМС, которую проводил Р.Я. Гесс. Было заявлено, что по состоянию здоровья Президент СССР М.С. Горбачёв не может выполнять свои обязанности, и власть переходит к ГКЧП (Государственный комитет по чрезвычайному положению). Объявили состав комитета: вице-президент Г.И. Янаев, министр обороны Д.Т. Язов, министр внутренних дел Б.К. Пуго, председатель КГБ В.А. Крючков, премьер-министр В.С. Павлов и ещё кто-то. Воззвание ГКЧП начиналось с обращения: “Сотраждане! Над нашей Родиной нависла смертельная опасность!” Далее говорилось, что

перестройка зашла в тупик, а страна стала неуправляемой, “растоптаны результаты народного референдума”. Провозглашалось верховенство Законов СССР и международных обязательств, установление контроля над СМИ, запрещение митингов и забастовок. Говорилось о готовности решать проблемы экономического кризиса и национальной политики. Вечером по Новосибирскому радио прошло сообщение: Б.Н. Ельцин объявил создание ГКЧП и его решения незаконными, призвал россиян им не подчиняться, ответить на действия комитета протестными акциями, вплоть до забастовок.

С тревожным настроением я собирался в командировку в Свердловск, где должно было состояться заседание НКС Урало-Сибирского региона.

Радио и телевидение и на следующий день, 20 августа, продолжали транслировать заявление ГКЧП и тревожные сообщения под откровенно минорную классическую музыку. В аэропорт Толмачёво я ехал в машине начальника УГМС, и по дороге В.И. Зиненко доходчиво объяснял благие цели “гэкачепистов” – прежде всего, наведение порядка, который разрушает “этот анархист Ельцин”. Как ни странно, вылет в столицу Урала состоялся почти строго по расписанию. Свердловск встретил нас митингом на площади 1905 года под лозунгом: “Долой преступную хунту!” Местное радио призывало труженников Урала к всеобщей забастовке. Несмотря на атмосферу нарастающего хаоса гостеприимные хозяева приняли нас, сибиряков, тепло, отвезли в гостиницу “Большой Урал” и сразу предложили экскурсию по городу. Наша гостиница со столь громким названием оказалась старой, какой-то изношенной, с одним туалетом в конце коридора; холодная вода из крана бежала тонкой прерывистой струйкой. А обслуживающий персонал нам показался обозлённым. Вечером Свердловское радио сообщило новые сведения о действиях ГКЧП: закрыта газета “Комсомольская правда” и ряд других либеральных изданий, в Ленинграде введён режим чрезвычайного положения, в Москве предпринята попытка штурма Дворца съездов Верховного Совета РСФСР (“Белого Дома”), но войска в атаку не пошли. А Б.Н. Ельцин принял командование войсками России; министром обороны РСФСР назначен генерал-полковник К.И. Кобец.

Утром 21 августа мы прослушали новости по местному радио. Вчера ночью во время движения колонны бронетехники под гусеницами “бэтээра” погибли трое юношей. М.С. Горбачёв блокирован на своей даче в Форосе (Крым), связи с ним нет. Премьер Павлов слёг с инфарктом и “вышел из игры”. Решается вопрос об отправке Свердловского ОМОНа в Москву для защиты Белого дома; ожидается прибытие так называемого резервного правительства России в Свердловск. А Всесоюзное радио пригрозило закрыть ТВ “Россия” и ужесточить цензуру местных радиокомитетов.

Возбуждённые и растревоженные сообщениями СМИ, мы собрались в здании Уральского УГМС. Мне оно понравилось: шикарное, большое, стоит на холме и устремлено ввысь. В этот день НКС работал в

режиме двухпалатной системы (как в британском парламенте): “Лорды” – первые руководители УГМС и НИУ во главе с П.Ю. Пушистым и хозяином встречи А.А. Успиным, начальником Уральского УГМС, и “Палата общин” – учёные СибНИГМИ и ведущие специалисты УГМС под председательством заместителя директора института В.М. Топорова. Вначале обе “палаты” заседали совместно: заслушали доклады председателей научно-технических Советов (НТС) по основным направлениям деятельности (“Гидродинамические и синоптико-статистические прогнозы”, “Гидрологические прогнозы”, “Агрометеорологические прогнозы”, “Экология”) по проектам НИР на 1992 год. Тематика этих докладов мне была знакома, так как месяцем раньше я встречался с исполнителями большинства тем и составлял сводный проект плана НИР на 1992 и последующие годы для СибНИГМИ. Обсуждали также некоторые детали взаимодействия с головными НИУ Госкомгидромета (ГГО, ВНИИСХМ, ГГИ...), финансовые проблемы. Через два часа “лорды” ушли к А.А. Успину, а оставшиеся заслушали довольно интересные доклады сотрудников института С.М. Кононенко и И.В. Чолаха об использовании ПЭВМ в научных и прикладных разработках, в частности, при организации АРМ консультанта в Новосибирском зональном авиаметцентре (НЗАМЦ). Любезные хозяева организовали для нас посещение Музея геологии. Мы осмотрели коллекции драгоценных камней и самоцветов (топазы, яшма, малахит, аметист...) и были очарованы увиденным. Побывали на месте основания города, где находятся плотина на реке Исеть и старый чугунный завод. На этом заводе-музее нас поразила выставка старых, допотопных, но прочных и надёжных машин образца XIX века, проработавших до 70-80-х годов XX века.

А вечером, вернувшись в гостиницу, снова бросились к экрану телевизора. Показывали заседание чрезвычайной сессии Верховного Совета РСФСР с участием Б.Н. Ельцина и главы Совета Р.И. Хасбулатова. Похоже, путч провалился, его поддержали лишь 4 региона (Витебская, Самарская, Липецкая области и Краснодарский край), 16 регионов, в том числе Новосибирская область, не дали никакой принципиальной оценки выступлению ГКЧП (то есть, “воздержались”). На сторону Ельцина перешли Таманская танковая и Тульская воздушно-десантная дивизии, московский ОМОН. Вдруг, во время заседания, Ельцин заявляет: “Авантюристы собираются во Внуково, надо их немедленно блокировать и арестовать!” Вскоре последовало сообщение, что все путчисты арестованы; появились термины “опереточный путч”, “путч дрожащих рук”.

В последний день заседания НКС, 22 августа, заслушали доклад одного из ведущих учёных СибНИГМИ В.А. Шлычкова о разработке математической и климатической модели, описывающей взаимодействие почвы, атмосферы, гидросферы и растительности, которую, по замыслу автора, можно использовать при оценке возможных сценариев изменения климата в ближайшие 20-30 лет. Затем рассмотрели и обсудили проект решения НКС, который мы ещё утром вместе с М.А. Чубенко и

Л.Е. Каминской дорабатывали и редактировали. По предложению В.И. Барсукова в решении отметили “радушный приём и хорошую организацию совещания в такое тяжёлое время”. В оставшееся время посетили музей Гидрометслужбы Урала, полюбовались там гидрометеорологическими приборами XIX века, журналами записи метеорологических наблюдений этих же времён, фотографиями работников Уральского УГМС разных лет. Напоследок участники этого поистине (или нечаянно) исторического заседания НКС сфотографировались у подножия холма и здания УГМС. Уверен, внимательные мои читатели увидели, что в центре “композиции” стоит директор СибНИГМИ П.Ю. Пушистов, крайний справа – это я, а через два человека от меня – В.И. Зиненко.

НКС Урало-Сибирского региона. Свердловск, 1991 год.

В гостинице, до отъезда, успели ещё посмотреть телерепортаж о митинге “победителей путча” в Москве на безымянной до этого площади, которую в тот день, в связи с провалом путча, назвали площадью Свободной России. Толкали речи с трибуны, обнимались, целовались возбуждённые, ликующие Б.Н. Ельцин, Г.Х. Попов, А.Н. Яковлев, Э.А. Шеварднадзе. Митингующие предложили представить Бориса Николаевича к званию Героя Советского Союза. (Подумал: “Слабовато! Надо бы провозгласить маршалом и наградить орденом Победы”).

Всю неделю после путча раскручивалась политическая “вертушка”, возносившая Б.Н. Ельцина на пьедестал. М.С. Горбачёв вернулся из Крыма в Москву 23 августа. Российский парламент оказал ему скандальный приём, с криками, с оскорблениями. Ельцин вёл себя хамски, заставлял “Горби” соглашаться со своими указами. Похороны погибших во время путча прошли 24 августа, с митингами и молебнами (“Со святыми упокой...”), с участием обоих Президентов: торжествующего Ельцина и подавленного Горбачёва. Стало известно о самоубийствах маршала С.Ф. Ахромеева и управляющего делами ЦК КПСС Н.Е. Кручины. На сессии Верховного Совета СССР Горбачёв попытался поднять свой авторитет: отверг обвинения в соучастии с путчистами, вынес вотум недоверия правительству, сменил министров обороны и МВД, создал комитет оперативного управления народным хозяйством во главе с И.С. Силаевым. И опять призывал ускорить подписание Союзного договора, энергичнее проводить экономические (рыночные) реформы, установить контроль над армией и КГБ. Попутно он снял с себя обязанности Генерального Секретаря ЦК КПСС. Но великая страна продолжала разваливаться: 27 августа провозгласили свою независимость Украина и страны Прибалтики.

1 сентября я был уже в Москве, где должно было состояться совещание начальников Гидрометцентров и ЦГМС Госкомгидромета. Прямо с Курского вокзала, сдав багаж в камеру хранения, я поехал к “Белому дому”, монументальному сооружению, стены которого были испещрены надписями его августовских защитников: “Забил заряд я в тушку Пуго/ И думал: угощу я друга!/ Пстой-ка, брат Крючков!” А вот отметились боевики, прибывшие из Татарстана: “Казань – Дербьшки. Свободу России!” (Дербьшки – это казанский пригород.) Рядом со зданием российского парламента – остатки баррикады с развевающимся российским трёхцветным флагом и патруль ОМОНа. Прошёл на Лубянку – низвергнутые памятники Держинскому и Свердлову, Старая площадь огорожена, а здание ЦК КПСС опечатано.

Совещание руководящих работников и специалистов Госкомгидромета СССР началось 2 сентября и продолжалось пять дней. Оно было посвящено социально-экономическим аспектам деятельности учреждений и организаций Гидромета в новых условиях хозяйствования, изучению основ маркетинга и менеджмента. Очень толковыми и разумными были лекции сотрудницы финансово-экономического управления Госкомгидромета Ломакиной и, особенно, научного сотрудника ГГО

Г.П. Винберга о ведении хозрасчёта, налогах, ценовой политике, особенностях финансирования Гидрометслужбы. Винберг мне показался демократичным по характеру, но с критическим складом ума. На доске для нас он выписал формулы централизованного и децентрализованного методов ведения хозрасчёта. Лидер “гидрометцентровцев” Б.В. Кубай, выйдя к доске, вступил в полемику с лектором, трактуя эти формулы по-своему. Далее, Борис Викторович сам сделал доклад о развитии договорной деятельности на Сахалине и в Приморье. Особенно запомнился его рассказ о договоре местной Гидрометслужбы с Госстрахом. Оказывается, предприятию не выплачиваются страховые суммы в случае ущерба от стихийного бедствия, если оно не заключило договор с Гидрометслужбой на получение прогноза (штормового предупреждения). Вообще, на этом совещании Б.В. Кубай был чрезвычайно активен. Несмотря на политические решения властей Прибалтики, почему-то участниками совещания оказались начальники Гидрометцентров Эстонии и Литвы, и Борис Викторович инициировал их выступления (в порядке обмена опытом) о переходе на новые экономические условия и уровне заработной платы работников этих центров.

Принял участие в совещании и директор Гидрометцентра СССР А.А. Васильев, который рассказал о подходе сотрудников ВМО к гидрометеорологической информации, о её классификации на основную, которая доставляется пользователям бесплатно, и специализированную, платную, для конкретных потребителей. Были организованы две встречи с руководством Госкомгидромета. Вторая встреча прошла с участием заместителя руководителя Гидрометслужбы С.С. Ходкина, В.А. Тренина, ставшего в том году начальником УГМО, а также сотрудников аппарата В.М. Борисенко, В.А. Мартыщенко, В.М. Грузинова. Встреча была бурной, насыщенной разными эмоциями (даже ненавистью). Все выступавшие говорили о несостоявшемся, хотя и обещанном правительством, повышении заработной платы в 1,6 раза. Ответы и комментарии аппарата были невразумительными и уклончивыми. Зал ответил взрывом возмущения. На трибуну взлетел начальник Павлодарского ЦГМС и возмущённо закричал, обращаясь к Ходкину: “Это же вы допустили!!!” Бледный от волнения Сергей Степанович просил аудиторию не приписывать руководству Комитета всю вину за экономические бедствия в Службе, уверял, что оно является союзником и защитником всех гидрометеорологов.

И снова Б.В. Кубай “оседлал” трибуну и, энергично взмахивая руками, призвал готовиться к забастовке и даже назвал конкретный срок – 23 марта 1992 года. Одновременно предлагалось подготовить обращение к Президентам СССР и России. Воспламенённая аудитория почти единодушно вскинула руки и поддержала идею забастовки. Я не случайно выразился “почти единодушно”: когда большинство проголосовало “за”, я скрестил руки; мне тогда казалось, что ещё не пришло время для крайних форм протеста. Главой стачкома, конечно, выбрали Бориса Викторовича; проект письма Президентам готовили трое: Л.К. Некипелова, начальник

Хабаровского Гидрометцентра А.В. Гаврилов и я. Вот несколько фрагментов этого письма: “К вам обращаются представители редкой, непрестижной в нашей стране, но крайне необходимой всему обществу профессии – работники государственной гидрометеорологической службы... Служба, исчерпав все возможные внутренние резервы выживания, стоит на грани катастрофы... Просим вас, людей, облечённых властью и доверием народа, решить вопрос об организации системы гидрометслужбы в виде структур союзно-республиканского подчинения и обеспечить её финансирование в объёме, достаточном для нормального функционирования, научно-технического и социального развития”.

Вечером 6 сентября в холле гостиницы ИПК (институт повышения квалификации) Гидромета, где мы жили, состоялся замечательный праздничный ужин с участием представителей почти всех республик нашей страны. Меня особенно порадовало, что на этой встрече была моя одноклассница Т.Б. Дюкова (начальник Йошкар-Олинского ЦГМС). На расставленных столах пламенели ёмкости с грузинскими винами, поблескивали бутылки с чаёй и русской водкой (“Новониколаевская”, “Стрелецкая”, “Соловецкая”, ”Вятская”...), теснились заманчивые закуски. Пили за международную дружбу всех гидрометеорологов. Поздравили с днём рождения начальника Кишинёвского Гидрометцентра Бырка. В.И. Калкутин артистично и выразительно читал стихи И. Северянина, Б. Окуджавы, свои. Много и с вдохновением пели (запевали обычно мы с М.О. Френкелем): о Родине и Ленинграде, затем украинские, цыганские песни, дошли до “Аве Мария” и ариозо Канио (с театральными рыданиями). Много дурачились. Вышли во двор и разыграли сценку из оперы “Борис Годунов. Я, голосом И.С. Козловского, запеваля песенку юродивого: “Отняли копе-е-чку и хле-е-ба”. А “боярин” Калкутин рявкал: “Молчи, дурак!” Любочка Некипелова заливалась весёлым смехом. Что это было? “Пир во время чумы?” Отчего же мы не предчувствовали, что всего через несколько месяцев великой страны не станет, окончит своё существование Гидрометслужба СССР, и это – последняя встреча её представителей.

Перед отъездом из Москвы прошёлся по городу. Запомнился эпизод: мужик с окладистой бородой играет на баяне, а две его малолетние дочки танцуют и поют – зарабатывают на жизнь. Прошёл по старому Арбату; заполненному антипартийной живописью и скульптурой: Л.И. Брежнев в виде “голого короля” с иконостасом из 212 орденов и медалей (рекорд Гиннеса!), картина “Бурлаки”- Маркс и Энгельс тянут крейсер “Аврору” в Москву-реку, набор матрёшек – Ленин, Сталин, Хрущёв и т.д.

Когда я вернулся в Новосибирск, уборочная кампания была в разгаре, так как яровые хлеба из-за жаркого лета созрели уже в конце августа. В период уборки мы возобновили прогнозы погоды с детализацией периодов осадков на ближайшие сутки и последующие пять дней. Учёт информации об ускоренном созревании хлебов и прогностических данных

позволил аграриям принять заблаговременные меры по подготовке уборочной техники и транспорта, использовать благоприятные погодные условия для наращивания темпов уборки урожая.

Не могу припомнить, откуда в нашем московском обращении к Президентам появилось определение “союзно-республиканская”, но в Москве, похоже, за него “уцепились”. В 20-х числах сентября по указанию Госкомгидромета мы вместе с начальником ОГСН Н.Г. Матюшечкиным основательно помучились, пытаясь поделить наблюдательную сеть (станции и посты) нашего Управления на “союзную” и “союзно-республиканскую”. По замыслу идеологов такой классификации станции (посты) первого типа должны были финансироваться из бюджета СССР, а остальные, в определённой мере, из российского бюджета. Реализация этих идей уже тогда казалась сомнительной. Мы знали о противостоянии М.С. Горбачёва и Б.Н. Ельцина, о влиянии в аппарате Ельцина “серого кардинала” Г.Э. Бурбулиса. Николай Григорьевич называл его “Бурбулька”, приговаривая: “не будет никакой союзной сети, Бурбулька не позволит!”

Осенью 1991 года большое внимание пришлось уделять социально-экономическим вопросам. По указанию В.И. Зиненко была создана экспертная группа в АУП УГМС по корректировке уровня заработной платы с учётом замечаний работников Службы. В Новосибирском ГМЦ подготовили новый вариант штатного расписания, по которому была бы реализована формула – оклад 1990 года умножить на 1,6. Проект был подготовлен руководством Гидрометцентра и согласован с руководителями отделов. Кроме того, снова переработали и раздали в отделы “Положение о распределении денежных средств, поступающих от продажи специализированной гидрометинформации”. В октябре ещё раз обсуждали с Л.В. Мишиной и Н.Г. Матюшечкиным идею пересмотра цен на гидрометинформацию (продукцию), учитывая индекс роста цен. Пришлось рассчитывать средневзвешенные значения расходов на один пункт наблюдений (станция, пост) в зависимости от типа наблюдений. Вместе с Л.В. Мишиной и Т.Э. Дубиковской мы провели переговоры с руководством авиазавода имени В.П. Чкалова о метеорологическом обеспечении оперативной группы НЗАМЦ (синоптическими картами, картами БТ и пр.). Выставленная нами стоимость карт, около 900 тысяч рублей, показалась заводчанам слишком высокой. После полуторачасовых торгов Мишина заявила: “400 тысяч и мы уходим”. Хозяева сказали, что подумают, и в итоге согласились.

Почти сразу после московского совещания руководителей головных организаций Гидрометслужбы из Москвы за подписью С.С. Ходкина поступила телеграмма-указание панического содержания: из-за катастрофического недофинансирования Госкомгидромета предписывалось отказаться от приобретения новой техники, приборов, оборудования и продавать все малоиспользуемые материальные ценности. Вскоре пришло указание о сокращении объёмов передачи гидрометинформации в Гидрометцентр СССР и на местах (по УГМС), по каналам Минсвязи (карты

погоды, телеграммы и пр.). Пришла телеграмма из Омска: из-за отсутствия денег на связь прекращается подача метеосводок с гидрометстанций Омского УГМС за все сроки, кроме 03 и 15 часов местного времени. Через некоторое время заместитель начальника Алма-Атинского Гидрометцентра сообщил мне по служебному телефону, что забастовали работники гидрометеостанций Казахстана, прекращается подача метеорологической информации с наблюдательной сети республики. “Известия” напечатали интервью с директором Гидрометцентра СССР А.А. Васильевым под названием “Гидрометцентр попадает в зону финансового тумана”. По словам А.А. Васильева, из-за жуткого финансового дефицита создаётся угроза разрушения службы погоды России, невыполнения наших обязательств в системе ВМО. “Наша судьба не ясна, – сказал он, – Мы находимся, как бы поточнее выразиться, в зоне высокой облачности. И если завтра вы не получите очередной прогноз погоды, то знайте, нашей вины тут нет”.

В октябре я стал одним из авторов очередного письма-обращения “О катастрофическом положении в системе организаций Госкомгидромета, в частности, Западно-Сибирского Управления по гидрометеорологии”. На этот раз оно было обращено только к одному президенту – Президенту РСФСР Б.Н. Ельцину, кроме того, к Председателю Госкомгидромета Ю.А. Израэлю. В письме говорилось: “Резкое сокращение бюджетного финансирования на фоне безудержно растущих цен на приборы, оборудование... услуги связи привели к тому, что потребности жизнедеятельности гидрометеорологии обеспечиваются всего лишь на 25%. Мы вынуждены закрывать гидрометеостанции и посты, создававшиеся многими поколениями гидрометеорологов в течение 100-150 лет”. Мы напомнили руководству страны и Гидрометслужбы, что за последние три года по ЗСУГМС ликвидировано 30 (или 21%) метео- и авиаметстанций, 45 (32%) агрометстанций и постов, 48 (15%) гидропостов. В этом письме мы привели сводку необходимых годовых затрат на содержание различных структур наблюдательной и оперативно-прогностической сети Управления (станций, обсерваторий, ГМЦ, ЦГМС, ЦНЗПС), технических служб (НСАСПД, РВЦ) и прочих вспомогательных подразделений. По приведённым расчётам на содержание структур УГМС требовалось на год около 78,5 млн рублей (в тех деньгах). В письме приводились сведения, на какую сумму потребляют гидрометинформацию оборонные предприятия, авиация, железнодорожный транспорт, теплоэнергетика и другие отрасли. Завершалось письмо предложением: “Перевести Гидрометслужбу на территории РСФСР под юрисдикцию России с созданием Российского комитета по гидрометеорологии и соответствующим финансированием из бюджета России”. В начале октября 12 республик подписали в Алма-Ате соглашение об экономическом содружестве (движении к рынку, свободным ценам). А потому в нашем письме содержалось предложение “организовать для координации гидрометслужб республик, подписавших договор об экономическом содружестве, межреспубликанский комитет по

гидрометеорологии”. Письмо это подписали начальник УГМС В.И. Зиненко и председатель ОПК Е.В. Ермоленко.

В этой невероятно сложной экономической ситуации в 20-х числах октября состоялась заседание Президиума Техсовета Управления по проблеме развития автоматизации обработки гидрометинформации. Докладчиков было двое: Л.Н. Староватова и И.В. Кологовкин. Дискутировали, каким путём идти – от обработки данных на больших ЭВМ к передаче данных на сеть ЦГМС по системе АСДИ (каналам связи) или переход к сетевой технологии на базе ПЭВМ. В то время непосредственно в отделах Гидрометцентра не было персональных ЭВМ. При необходимости специалисты выполняли расчёты на ПЭВМ “Роботрон-1715”, “Искра-1030” в специальном зале РВЦ с использованием прикладных программ (расчёт снеготпасов, запасов влаги в почве, прогнозов урожайности сельхозкультур и др.). Для обработки оперативной фактической и прогностической продукции в ЗСРВЦ действовал аппаратно-программный вычислительный комплекс на базе больших ЭВМ класса ЕС. Эти ЭВМ имели сопряжение с каналами связи через ЦКС АСПД “Погода” – АРДР “Циклон”. С помощью систем АСДИ и АСОАМИ для Новосибирского ГМЦ и сети ЦГМС оперативно готовились около 40 таблиц, срочных, суточных, 5-10-дневных, месячных данных метеонаблюдений станций и постов. Часть таблиц передавалась на сеть ЦГМС по каналам связи АСПД “Погода”. В 1991 году в оперативную практику ГМЦ была внедрена технология формирования на ПЭВМ таблиц и архивов с данными об опасных гидрометеявлениях на ГМС нашего управления и построения графиков хода погоды в течение месяца (для составления месячных и декадных прогнозов погоды и оценки их успешности).

В ходе дискуссии мы пришли к выводу, что более перспективной и экономичной является сетевая технология создания АРМ специалистов (синоптиков, гидрологов, агрометеорологов и др.) на базе ПЭВМ. Однако в то время для реализации этой технологии финансовых условий не было. Это стало возможным лишь в последующие годы.

В эти мрачные дни и месяцы поздней осени политические и экономические шторма всё сильнее стали раскачивать корабль с названием “Советский Союз”. Ещё летом этого года, идя полями со своей дачи к остановке транспорта, я старался заглушить мысли о разрушении нашей огромной страны. На память приходили прекрасные и мелодичные патриотические песни А. Александрова. (“Над Москвою чудесной, над великой землёй/ Льётся радостная песня/ О нашей стране молодой...”) Чаше вспоминались песни С. Туликова, особенно эта: “Родина! Мои родные края/ Родина! Весна и песня моя... Дай мне любое дело, чтобы сердце пело/ Верь мне, как тебе верю я”. А вот эта песня, тоже, кажется, туликовская: “Любимую землю, великую землю,/ Где мы родились и живём,/ Мы Родиной светлой, мы Родиной милой,/ Мы Родиной нашей зовём... Люблю Украину...” (Ой, что-то я некстати это вспомнил!) Но в эти осенние дни было не до песен. В начале октября по радио перестал звучать гимн СССР с

музыкой Александрова, его заменила “Патриотическая песня” М.И. Глинки. В середине месяца начались беспорядки в Казани, с митингами и столкновениями с ОМОНОм перед зданием Верховного Совета Татарстана. Под нажимом митингующих в повестку дня парламента была включена декларация о независимости республики. В ноябре “Известия” опубликовали перевод статьи татарской журналистки и ярого националиста Ф. Байрамовой, в которой она истерически требовала пересмотра границ Татарстана, а также резко осуждала татар, имеющих “родство с иноверными”. Другими словами, по её представлениям, следовало подвергнуть остракизму татар и татарок, которые женятся или выходят замуж за русских. Предлагать и высказывать подобное в многонациональной стране мне представляется глупостью.

В том же месяце объявила о своей независимости Чечня. Россия не признала ни акт о независимости республики, ни законность избранного Президента Чечни Д. Дудаева, поскольку в выборах участвовали чуть более 100 тысяч человек. В республике было объявлено чрезвычайное положение. Верховный Совет России предложил провести переговоры, но Дудаев непременным условием начала переговоров поставил признание независимости Чечни. Иллюстрацией развала страны стал выход на экраны страны кинофильма Э.А. Рязанова “Небеса обетованные” с блестящим актёрским составом: Л. Броневой, Л. Ахеджакова, О. Басилашвили, О. Волкова... И главное действующее лицо – президент бомжующего общества “Закат коммунизма” в исполнении В. Гафта. Поразительно талантливая, даже гениальная, интеллектуальная вещь! Но ведь вместе с тем кошмарная “чернуха”!

Бастовали новосибирские водители автобусов, требуя повышения зарплаты; телеэкран демонстрировал площадь Ленина в Новосибирске, сплошь забитую прибывшими туда автобусами. А в Питер прибыл великий князь Владимир Кириллович по случаю возвращения городу его исторического имени. На созванной в его честь пресс-конференции он предложил почтить память Николая II и его семьи минутой молчания.

Б.Н. Ельцин усилил концентрацию власти в своём окружении, отгеснив в международных вопросах М.С. Горбачёва. Он сам, единолично, ведёт переговоры с канцлером ФРГ Г. Колем, провозгласив Россию правопреемницей СССР и признав все его долги своими. Не прошло и двух месяцев после нашего московского совещания руководителей ГМЦ и ЦГМС, как я пришёл к выводу, что изменить отношение властей к Гидрометслужбе может только массовая забастовка всех УГМС.

В конце ноября был утверждён состав нового правительства России во главе с Е.Т. Гайдаром. Как ни странно, но почти в точном соответствии с нашим обращением к Б.Н. Ельцину и Ю.А. Израэлю был опубликован указ Президента РСФСР от 28 ноября 1991 года о создании в составе вновь образованного Министерства экологии и природных ресурсов РСФСР Комитета по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет). К концу 1991 года на базе территориальных УГМС союзных

республик и ряда институтов (УкрНИГМИ, ЗапНИГМИ, СарНИГМИ, КазНИГМИ) были созданы гидрометслужбы в этих республиках. Позднее было подписано соглашение о взаимодействии в области гидрометеорологии и создан межгосударственный совет по гидрометеорологии (МСГ) в качестве координирующего органа.

В начале декабря В.И. Зиненко вернулся из Москвы, где прошло заседание Коллегии Росгидромета и встреча с новым министром экологии и природных ресурсов В.И. Даниловым-Данильяном, который к тому же был доктором экономических наук. Вернулся Василий Иванович с настроением “осторожного оптимизма”; министр обещал поддержку Гидрометслужбе, заверив, что в среднем зарплаты работников Гидромета будут соответствовать средним показателям по министерству. Узнали мы, что возглавит Росгидромет Ю.Ф. Зубов, бывший ранее начальником ВЦ Верхне-Волжского УГМС; его заместителем станет А.И. Бедрицкий, исполнявший до этого обязанности заместителя начальника Узбекского УГМС.

Ну, а пока финансовое состояние Управления было “аховое” - не было средств даже на выплату заработной платы. Вдобавок, в первые дни декабря произошла авария тепловых сетей Центрального района Новосибирска. Многих сотрудников отпускали домой, а оперативникам (синоптикам, связистам и пр.) раздавали в отделы электрообогреватели. И тут произошло чудо: Управление получило кредит от Новосибирского облисполкома. Это дало возможность выплатить сотрудникам УГМС зарплату за ноябрь. Возможно, здесь сыграли роль личные связи В.И. Зиненко с администрацией области и её главой В.П. Мухой.

В начале декабря завершились оперативные испытания новой модели и технологии регионального численного прогноза погоды “Регион”, разработанной А.А. Фоменко с участием И.В. Колотовкина. Как показали испытания, в прогнозах по новой модели коэффициент корреляции R и показатель успешности прогнозов знака изменений барического поля (ρ) по сравнению со старой моделью “Диабат” повысились с уровня $R=0,6\dots 0,7$ и $\rho=0,3\dots 0,4$ до $R=0,9$ и $\rho=0,7$. В среднем, на 70-150 км уменьшились ошибки прогнозов центров барических образований, на 10% повысилась успешность прогноза осадков. С 1992 года по проводным и радиофаксимильным программам в прогностические подразделения Урало-Сибирского региона (ЦГМС и АМСГ) непосредственно с ЭВМ стали передавать прогностические карты приземного давления, геопотенциала и среднего ветра (в слое 0-12 км), а также карты температуры, ветра, дефицита точки росы, расчётных значений осадков на 24, 36, 48 часов. Итоги испытаний докладывала Л.Е. Каминская. Выступая по теме доклада, я отметил историческое завершение 15-летнего этапа применения прежней модели “Диабат”, подчеркнул, что “Регион” – это качественный прорыв в создании современной региональной численной модели прогноза. П.Ю. Пушистов тоже поздравил автора и всю команду разработчиков модели и технологии прогноза с несомненным научным и практическим

успехом. В ответной речи А.А. Фоменко благодарил и докладчика, и оппонентов, которые сумели оценить эффективность полученного результата НИР.

Похоже, Президент СССР М.С. Горбачёв в эти первые декабрьские дни что-то почувствовал. 6 декабря он по Центральному телевидению обратился к стране с предупреждением: “Отечество в опасности!” Во избежание грядущей катастрофы, он призвал парламенты всех республик поддержать и подписать Союзный договор. В газете “Известия” последовали комментарии меланхолического характера; мол, вряд ли к этому призыву прислушаются: лидеры республик настолько влюблены в идею независимости, что курс на сепаратизм будет только усиливаться. Так и случилось: 9 декабря в Беловежской пуще лидеры России, Украины и Белоруссии Б.Н. Ельцин, Л.М. Кравчук и С.С. Шушкевич подписали соглашение о прекращении существования СССР и заявили о создании нового объединения республик. (За всей этой акцией просматривалось влияние Г.Э. Бурбулиса). Отвратительным было то, что после подписания документа, Ельцин и К° сначала, заискивающе дыша в трубку, позвонили Президенту США Дж. Бушу, а только потом, получив одобрение, сообщили Горбачёву. (Стыдобище!)

21 декабря в Алма-Ате 11 бывших республик (без Грузии и Прибалтики) подписали договор о создании Союза независимых государств (СНГ) и руководящих органов нового Союза: Совета глав государств и Совета глав правительств. М.С. Горбачёв 25 декабря сообщил с телеэкрана подрагивающим голосом об уходе с поста Президента Советского Союза, когда-то великой страны: “Ухожу с чувством тревоги, но и надежды”... Так свершилась, по определению В.В. Путина, “великая геополитическая катастрофа”.

А новогоднюю программу на телевидении вёл знаменитый сатирик М. Задорнов, который поздравил всех россиян, а также ушедшего лидера М.С. Горбачёва и действующего Б.Н. Ельцина с наступающим новым 1992 годом. Впрочем, Ельцин тоже выступил на телеканалах с новогодней речью, объявив и “либерализации цен”, но ни слова не сказал о компенсационном повышении зарплаты.

Накануне Нового года “Известия” опубликовали индексы повышения цен на продукты и различные услуги, в том числе, на электроэнергию, воду, отопление, начиная со 2 января 1992 года в среднем в 2-5 раз. Что же получилось в реальности? По моим грубым оценкам, стоимость продуктов питания в начале января повысилась в 10-15 и более (!) раз. Для примера, буханка белого хлеба стала стоить 5,5 рублей. Страна вступала в “дикий капитализм”...

Продолжение следует...

Отзывы.

Заведующий кафедрой метеорологии Томского государственного университета В.П. Горбатенко

Работа титаническая и очень нужная. В том скоростном режиме, в котором мы сегодня живём, так приятно задержаться и почитать о тех, кого знала и встречала, и о тех, с кем встретиться не довелось.

У нас на кафедре есть дисциплина “История метеорологии”, и ваша книга позволит дополнить её сведениями о Западно-Сибирском УГМС и его ключевых персонах.

Научный руководитель Гидрометцентра России Р.М. Вильфанд

Получил большое удовольствие: с одной стороны воспоминания эмоциональны (и потому вызывают естественный отклик), с другой – в фактах вы точны и беспристрастны, в-третьих, узнал много нового, в-четвёртых очень интересно читать о наших замечательных учителях и коллегах – живых, работающих и покинувших этот мир, в-пятых, и т.д.

Глядя на знакомые лица, вспоминаю связанные с ними эпизоды (почему-то всегда приятные). Многое, вами написанное, мне неизвестно. В общем, отдыхаю душой, перелистывая страницы книги.

Доцент кафедры метеорологии ТГУ Ж.В. Рыбакова

Ваша книга помогла мне освежить в памяти большой пласт жизни. Думаю, что книга будет интересна и людям, работавшим и работающим в настоящее время в нашей системе, а также преподавателям, вырастившим этих специалистов.

Ветеран Томского госуниверситета (в прошлом – доцент кафедры метеорологии) Н.М. Алёхина

Название книги неординарное: в нём кроется мудрость, юмор и оптимизм.

С интересом прочитала обе книги за три дня, удивилась изобилию фотографий и имён известных метеорологов...

Очень интересно описали дискуссии на научных конференциях 70-х годов. Тяжёлыми оказались 80-е годы, передряги с начальством разного уровня, о чём вы откровенно пишете в своих воспоминаниях. Такого подробного описания проблем, требований и разнообразной деятельности и ответственности за всё нигде не найдёшь.

Приятно отметить, что вы очень тепло отзываетесь о своих сотружниках, о пенсионерах, о тех, кто ушёл из жизни.